ОИК
необр.
5д
АВТ,

№: каранд. пометки

Милому П. отъ автора
18 мая 1910 г.

Кн. А. Чегодаевъ-Саконскій.

На „Алмазѣ“

ОТЪ ЛИБАВЫ,

ЧЕРЕЗЪ ЦУСИМУ—

ВО ВЛАДИВОСТОКЪ.

МОСКВА
—
1910.

ОИК

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

835938

Типографія О-ва распр. полезн. книгъ. Преемникъ В. И. Вороновъ.
Моховая, противъ Манежа, домъ кн. Гагарина.

У 26/2 34

2-го октября 1904 года вышли мы изъ Либавы въ 9 ч. 30 м. утра послѣ поднятаго адмираломъ Рожественскимъ сигнала —„первый эшелонъ не намѣренъ сниматься съ якоря“. Сигналъ этотъ былъ понятъ нами, какъ приказаніе. Вызвали „всѣ наверхъ!“ и снялись съ якоря. „Алмазъ“ былъ головнымъ кораблемъ 1-го эшелона. Въ кильватеръ ему вытянулись „Свѣтлана“, „Жемчугъ“, „Донской“, миноносецъ „Блестящій“ и транспорты „Метеоръ“ и „Горчаковъ“. Вслѣдъ за нами вышли и остальные три эшелона: а) эскадренные броненосцы: „Ослябя“ (подъ флагомъ контръ-адмирала Фелькерзама), „Сисой Великій“, „Наваринъ“, крейсеръ I р. „Адмиралъ Нахимовъ“, транспортъ „Китай“ и миноносцы „Быстрый“ и „Бравый“; б) крейсеръ I р. „Аврора“, транспорты „Малайя“, Анадырь“, „Камчатка“ (мастерская) и миноносцы „Безупречный“ и „Бодрый“; в) эскадренные броненосцы „Князь Суворовъ“ (подъ флагомъ командующаго эскадрой), „Императоръ Александръ III-й“ (гвардейскаго экипажа), „Бородино“, „Орелъ“, транспортъ „Корея“, буксирный пароходъ „Ролландъ“ и миноносцы „Бѣдовый“ и „Буйный“.

Мороситъ дождь. Настроеніе офицеровъ бодрое. Всѣ вздохнули свободно послѣ утомительнаго ожиданія ухода. Вѣроятно не я одинъ покидалъ дорогое

и близкое сердцу. — Съ вечера служилъ у насъ молебенъ священникъ со „Свѣтланы“, такъ какъ намъ, крейсеру II ранга, своего не полагалось. Казалось, команда и офицеры молились искренно.

Шли мы 9-ти узловымъ ходомъ, который, однако, пришлось вскорѣ уменьшить, благодаря „Горчакову“, не поспѣвавшему за нами. Еще до полдня 3-й эшелонъ обогналъ насъ и къ вечеру едва виднѣлся на горизонтѣ.

Погода разгулялась. Наступила ночь. На небѣ зажглись звѣзды. Море спокойно. Далеко позади мерцаютъ огни „Ослябя“.

3-го окт. 8 часовъ утра. Слѣва Борнгольмъ, справа—шведскій берегъ. Получили по безпроволочному телефону извѣстіе *), что миноносецъ „Быстрый“ навалилъ на „Ослябя“, отчего миноносецъ получилъ пробоину въ угольной ямѣ выше ватерлиніи. Приказано миноносцу идти въ Либаву, но затѣмъ приказаніе отмѣнено. Адмиралъ Энквистъ („Алмазъ“ былъ подъ флагомъ адмирала Энквиста) завтракалъ въ каютъ-компаніи. *Флагманскій штурманъ Д. демонстрировалъ карту съ отмѣченными мѣстами, гдѣ, по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, есть японцы, присланные своимъ правительствомъ слѣдить и вредить эскадрѣ.* Опасаемся минъ. Японскія мины могутъ ставиться на нѣсколько часовъ, послѣ чего онѣ тонутъ; такія мины, брошенныя впереди идущимъ кораблемъ, пароходомъ или лайбой даже, могутъ взорвать насъ. Нами приняты мѣры: идемъ фарватеромъ, гдѣ всего меньше встрѣчныхъ судовъ. Головныя суда заставляютъ всѣхъ встрѣчныхъ сворачивать.

---

*) Посылаемая телеграмма воспринимается всѣми судами, имѣющими аппараты.

Въ узкихъ или опасныхъ мѣстахъ предполагается тралить.

Ночью мы потеряли курсъ и около часу времени не могли опредѣлиться. 3-й эшелонъ, шедшій впереди, скрылся за горизонтомъ, а второй и 4-й еще не догнали насъ и также находились за горизонтомъ. На мостикѣ поднялась суета съ бранью (правда, умѣренной). Адмиралъ трясъ бородой. Вахтенный начальникъ бѣгалъ изъ стороны въ сторону, командиръ нервничалъ. Въ концѣ концовъ пришлось обратиться къ „Суворову“, прося его указать мѣсто направленнымъ въ небо лучомъ прожектора. Черезъ нѣкоторое время яркая, вертикальная полоска блеснула на горизонтѣ.—Ночь офицеры спали, не раздѣваясь. Утромъ пришли къ Лангеланду и стали на якорь.

4 окт. Грузились углемъ съ Датскихъ угольщиковъ (уголь съ нашихъ транспортовъ бережемъ прочерный день); приняли 80 тоннъ. У „Жемчуга“ утонулъ паровой катеръ, который пришлось оставить, такъ какъ, благодаря быстрому теченію, нельзя было спустить водолаза. Къ вечеру засвѣжѣло. Развело волну. О сторожевой цѣпи нечего было думать. Суда остались на своихъ мѣстахъ, ограничиваясь боевымъ освѣщеніемъ. Датская канонерка и миноносецъ охраняютъ насъ.

5 окт. Погода ясная. Въ 2 часа снялись съ якоря. За нами послѣдовали „Свѣтлана“, „Жемчугъ“, „Ермакъ“ (пришедшій къ Лангеланду отдѣльно отъ эскадры), „Ролландъ“ и миноносцы „Блестящій“, „Безупречный“, „Бодрый“ и „Прозорливый“; остальные же корабли остались у маяка Факебіэргъ. Въ 5 ч. вечера стали на якорь у о-ва Омо. По Бэльту плаваетъ безконечное количество медузъ.

Утромъ 6 окт. снялись съ якоря и стали на фарватеръ. Въ началѣ десятаго часа тронулись въ путь подъ проводкой лоцмана и *на слѣдующій день*, въ 4 часа утра, отдали якорь у мыса Скагена. Здѣсь ожидали насъ тѣ же самые угольщики, которыми мы пользовались у Факебіэрга.

Послѣ подъема флага принялись за погрузку. Въ десятомъ часу прибыли броненосцы и остальныя суда эскадры, за исключеніемъ „Орла“ и „Авроры“, запоздавшихъ на цѣлый часъ.

На „Суворовѣ“ красуется вице-адмиральскій флагъ. Командующій произведенъ въ вице-адмиралы съ назначеніемъ въ генералъ-адъютанты.

Эскадра, для дальнѣйшаго слѣдованія, раздѣлена на шесть отрядовъ: два—броненосцевъ, два—крейсеровъ и два—миноносцевъ. „Алмазъ“ вошелъ въ составъ второго крейсерскаго отряда, состоящаго изъ трехъ судовъ.

Адмиралъ Энквистъ переноситъ флагъ на „Донской“. По этому случаю мы ему устроили прощальный завтракъ.

Съ „Суворова“ былъ сигналъ: „желающимъ представляется возможность послать корреспонденцію съ уходящимъ ледоколомъ“. Миноносецъ „Прозорливый“ также возвращается въ Либаву. Къ сожалѣнію узнали мы объ этомъ слишкомъ поздно, некогда было послать шлюпку на „Ермакъ“.

Въ 5 часовъ снялись съ якоря и вступили въ кильватеръ „Свѣтланѣ“. „Жемчугъ“ пошелъ за нами. Отрядомъ командуетъ кап. I р. Шеинъ (командиръ „Свѣтланы“).

„Донской“, „Аврора“, „Корея“ и миноносцы ушли впередъ.

Сейчасъ же послѣ выхода получена телеграмма

„Суворова“: „Донской“—„остерегаться четырехъ миноносцевъ безъ огней“; „Наварина“—„вижу два воздушныхъ шара на West“.

8 октября. Въ часъ ночи вступилъ на вахту, смѣнивъ мичмана П. Густой туманъ окутываетъ насъ. Ни „Свѣтланы“, идущей въ какихъ-нибудь четырехъ кабельтовыхъ, ни „Жемчуга“ не видно. Каждыя 15 минутъ, а затѣмъ и чаще, протяжные свистки отвѣчаютъ на нашу сирену. Хода, однако, не уменьшаемъ.

Въ четвертомъ часу вошли въ Нѣмецкое море. Туманъ сталъ рѣдѣть. Видѣнъ темный силуэтъ „Жемчуга“; по временамъ блестятъ огни „Свѣтланы“.

Разсвѣло. Утро пасмурное и холодное. Плавно и безшумно скользятъ одинъ за другимъ три крейсера. Утомленный вчерашней погрузкой угля, въ которой принималъ дѣятельное участіе, и ночной вахтой, вернулся я къ себѣ въ каюту, гдѣ прилегъ отдохнуть.

Вечеромъ телеграфъ принесъ депешу съ „Камчатки“:

— „Преслѣдуютъ миноносцы“.

Всѣ переполошились. Команду разбудили, и приказали спать, не раздѣваясь. Офицеры осаждали телеграфную будку. Черезъ нѣсколько минутъ „Суворовъ“ спросилъ:

— „Сколько миноносцевъ и откуда?“

— „Камчатка“: „около восьми аттакуютъ со всѣхъ сторонъ, подходятъ на разстояніе кабельтова“ ($^1/_{10}$ морской мили).

— „Суворовъ“: „не пускаютъ ли минъ?“

— „Камчатка“: „не было видно“.

10 ч. 5. „Камчатка“: „разными курсами привожу ихъ на корму“.

— „Суворовъ“ (черезъ 20 минутъ): „гонятся ли миноносцы?“

— „Камчатка“: „неизвѣстно, идемъ безъ огней“.

— „Суворовъ“: „отойти отъ опасности, измѣнить курсъ на W, а потомъ показать широту и долготу мѣста и вамъ будетъ указанъ курсъ“.

Въ 6-мъ часу утра было получено извѣстіе съ „Авроры“ о томъ, что въ нее попало 6 снарядовъ: 3 стальныхъ, 75 миллиметровыхъ, изъ которыхъ одинъ разорвался, и два 4-хъ миллиметровыхъ, изъ коихъ одинъ разорвался въ каютѣ священника, оторвалъ ему руку и произвелъ пожаръ.

На палубѣ найдены осколки 6-дюймоваго сегментнаго снаряда *); раненъ легко въ ногу комендоръ; пробитъ надводный бортъ въ трехъ мѣстахъ и машинный кожухъ въ двухъ, а также дымовая труба. До позднихъ часовъ не расходились офицеры, ожидая новыхъ извѣстій. Небольшой туманъ окутывалъ отрядъ; свѣтало, когда мы разошлись по каютамъ.

9 окт. За завтракомъ только и было рѣчи, что о ночномъ происшествіи. Осколки сегментнаго шестидюймоваго снаряда приводили насъ въ недоумѣніе.

„Не кто иначе, какъ сосѣдъ угостилъ!“—говорилось въ каютъ-компаніи. Полученная во время отдыха (время отъ 11 до часу) телеграмма „Суворова“ какъ бы подтверждала наши предположенія: „Орлу“ приказано было замѣнить разорвавшееся 75 мм. орудіе новымъ съ „Анадыря“, на которомъ имѣлись запасныя.

Разорвавшаяся пушка не свидѣтельствовала ли объ участіи броненосца въ этомъ таинственномъ дѣлѣ?

---

*) Впослѣдствіи оказалось, что никакихъ осколковъ 6-сегментнаго снаряда не было найдено.

Въ пятомъ часу встрѣтили трехтрубный *англійскій* крейсеръ, идущій по направленію къ мѣсту происшествія.

Къ вечеру стало совершенно тихо. Море выровнялось. „Алмазъ“ не шелохнется, слѣдуя за „Свѣтланой“. Вошли въ каналъ. (Англійскій каналъ считается у насъ однимъ изъ опасныхъ мѣстъ). На реяхъ передней фокъ-мачты сидятъ галки, дрозды и скворцы. Пачкаютъ прямо на мостикъ.

Птицъ стали гонять, но онѣ упорно предпочитали нашу фокъ-мачту двумъ остальнымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ и остались на ночлегѣ. Одинъ изъ матросовъ поймалъ скворца. Я пожалѣлъ бѣдную птицу и посадилъ ее на шкафъ въ свою каюту, чтобы она не попала судовой кошкѣ на завтракъ. Завтра, когда станемъ на якорь, выпущу.

Къ полночи замѣтили слѣва на траверзѣ пять темныхъ низкихъ силуэтовъ. Офицеры собрались на мостикѣ. Всѣ были взволнованы, и у бѣднаго вахтеннаго начальника даже разболѣлась голова. Каждый думалъ: „миноносцы!“, но боялся въ этомъ признаться. Однако! чѣмъ больше мы вглядывались, тѣмъ яснѣе становилось, что это дѣйствительно они. Вызвали прислугу по орудіямъ Миноносцы сдѣлали позывные... мы узнали своихъ!

Послѣ вечерней молитвы коекъ не раздавали; команда спала, не раздѣваясь. Кромѣ вахтеннаго начальника стояло два офицера: одинъ на переднемъ мостикѣ, другой—на адмиральскомъ. Адмираломъ запрещены лишніе разговоры по телеграфу.

12 окт. Вчера вошли въ Бискайскій заливъ. Стало значительно теплѣе; вечернюю вахту стоялъ въ одной тужуркѣ, не ощущая холода. Ко всеобщему удивленію, Бискайка оказалась гостепріимнѣе

обыкновеннаго. Небольшая зыбь. При бортовой качкѣ размахи не превышаютъ 13°. Измѣнили строй. „Жемчугъ“ плохо держитъ дистанцію; его поставили на второе мѣсто; „Алмазъ“ сталъ концевымъ. Идемъ безъ огней. Невидимыми для встрѣчныхъ судовъ скользимъ по Атлантическому океану вдоль береговъ Испаніи. Остановка предполагалась въ Виго, но среди дня мы получили приказаніе идти въ Arosa bay.

13 окт. Съ разсвѣтомъ увидали туманныя очертанія горъ. На кораблѣ стали готовиться къ погрузкѣ. Въ 8 часовъ утра прибыли въ бухту Arosa. Однако, намъ не суждено было оставаться здѣсь. Испанская канонерка „Maria de Molina“, крохотное, прескверное суденышко, заявило, что не можетъ допустить всѣхъ троихъ въ одинъ портъ и указала каждому по бухтѣ. Вѣроятно, этимъ способомъ испанцы соблюдали нейтралитетъ.

„Свѣтлана“ осталась въ Arosa, „Жемчугъ“ направился въ Pontevedra, а мы, оставивъ на „Свѣтланѣ“ мичмана П., прослѣдовали въ Muros bay, куда прошли въ началѣ четвертаго часа. Угольщика здѣсь не оказалось; всѣ они стояли въ бухтѣ Arosa и, какъ впослѣдствіи узнали, по требованію испанскаго правительства, съ разобранными частями машинъ. Въ ожиданіи парохода многіе офицеры съѣхали на берегъ, въ томъ числѣ и я.

Городишко крохотный и грязный. Толпа мальчишекъ окружила насъ, клянчая „Jonny sigarette“. Мы роздали нѣсколько штукъ, но этимъ не избавились отъ маленькихъ негодяевъ. Гнусавыми голосами они тянули: „Jonny sigarette! Jonny!“, и никакими силами нельзя было отдѣлаться отъ этихъ испанскихъ комаровъ. Не довольствуясь узкими и

грязными улицами, направились за городъ, но и тутъ они насъ преслѣдовали, и отравили намъ всю прогулку. Первый нашъ вопросъ былъ: „Posta“. Насъ провели на телеграфъ, гдѣ марокъ, нужныхъ намъ, не оказалось, и пришлось за ними идти на площадь, гдѣ нашелся и почтовый ящикъ. На берегу тепло; въ черномъ даже жарко. Къ шести часамъ вернулись на судно, закупивъ мѣстныхъ газетъ.

Съ трудомъ и больше по догадкамъ разбирали мы испанскія газеты. Въ нихъ говорилось, какъ намъ казалось, о крупномъ сухопутномъ сраженіи въ которомъ, какъ до сихъ поръ, русскимъ сначала не повезло, но затѣмъ Куропаткинъ перешелъ въ наступленіе.

Корабль осадили поставщики. Эти люди имѣютъ особое чутье: не успѣетъ судно отдать якорь, поставить трапы, какъ они, словно тараканы, лѣзутъ со всѣхъ сторонъ. По ихъ словамъ, Куропаткинъ окружилъ 12 тысячъ японцевъ, Артурская эскадра вышла, наконецъ, изъ своей ловушки, а наша Балтійская разстрѣляла нѣсколько рыбацкихъ судовъ въ Нѣмецкомъ морѣ. Этотъ слухъ подтвердилъ и П., слышавшій его въ сосѣдней бухтѣ, откуда онъ пришелъ поздно вечеромъ на нѣмецкомъ угольщикѣ. У насъ никто не сомнѣвался, что этотъ слухъ пущенъ англичанами. Очень возможно, что миноносцы дѣйствовали подъ прикрытіемъ подкупленныхъ рыбаковъ, но что они были—въ это всѣ вѣрили: миноносецъ, какъ наружнымъ видомъ, такъ и ходомъ до такой степени типиченъ, что смѣшать его съ другимъ судномъ можетъ развѣ только неморякъ!

Насъ очень интересуетъ донесеніе Рожественскаго по этому инциденту.

Съ 12 часовъ ночи до 10 утра команда грузила уголь.

14 окт. Вышли около полудня при порядочной, но пасмурной погодѣ. Играютъ дельфины. Съ неимовѣрной быстротой мчатся они за нами. Настигаютъ и, ныряя подъ корабль, снова появляются на поверхности. Въ четвертомъ часу соединились со „Свѣтланой“ и „Жемчугомъ“. Съ наступленіемъ ночи огней не открывали.

15 окт. Сижу въ герметически закрытой каютѣ; палубу скачиваютъ, каютъ-компанію моютъ, и вся эта чистота наводится для того, чтобы завтра же снова испачкать все угольной пылью.

16 окт. Въ 4 часа 15 м. дня отдали якорь на рейдѣ Танжера. Наши отряды (2-ой броненосный и 1-ый крейсерскій) были уже здѣсь. Кромѣ того, стояли угольщики и два крейсера—одинъ французскій „Kleber“, другой англійскій „Діана“. Съ любопытствомъ смотрѣли мы на трубу „Авроры“, обвѣшанную бесѣдками.

Я не представлялъ себѣ Африканскаго берега такимъ, какимъ увидѣлъ его сегодня. На картахъ Ильина Африка всегда выкрашена въ столь некрасивый цвѣтъ, что и въ моемъ воображеніи страна эта рисовалась ровной, песчаной, знойной и унылой.

Что же я увидѣлъ?—Горы, покрытыя зеленой травой, не утесистыя, а пологія. Бѣленькій Танжеръ куда благообразнѣе на видъ испанскихъ городовъ, гдѣ дома—лачуги, хоть и каменныя, но тѣсныя и грязныя.

Вдали виднѣется мѣловая вершина какой-то горы. Вся картина производитъ впечатлѣніе веселаго, яркаго, привѣтливаго. Ночью еще красивѣе. Темные силуэты береговыхъ горъ обрисовываются на свѣт-

ломъ небѣ. На склонѣ громоздится городокъ, ярко освѣщенный луной. Кое-гдѣ виднѣются огоньки. Съ берега доносится лай собакъ. Большое количество освѣщенныхъ судовъ производитъ впечатлѣніе иллюминаціи. Океанская зыбь покачиваетъ корабли.

Долго гулялъ я по палубѣ, любуясь тихой ночью и открытымъ рейдомъ. Въ странѣ африканскихъ страстей, львовъ, шакаловъ и фиников мечтаю о далекой, теперь холодной Россіи...

17 окт. Были у насъ офицеры съ „Kleber“ и пригласили къ себѣ. Къ двумъ часамъ шлюпки со всей эскадры собрались у французскаго крейсера. Позже всѣхъ пріѣхали мы. Я былъ въ числѣ визитеровъ. Французы встрѣтили насъ насколько могли радушно, т.-е. угощали виномъ, сигарами и болтовней. Много говорилось о Гульскомъ инцидентѣ. Отъ офицеровъ съ „Авроры“ мы узнали, что она пострадала отъ своихъ, отражающихъ минную атаку.

Раненаго священника свезли на берегъ. Положеніе его серьезно; опасаются гангрены.

Пробывъ около часу времени въ наполненной табачнымъ дымомъ низкой каютъ-компаніи стали разъѣзжаться. Съ „Алмаза“ шлюпки не прислали, такъ что намъ пришлось воспользоваться любезно предложеннымъ французскимъ катеромъ.

18 окт. Съ шести часовъ утра начали грузиться углемъ при помощи барказа и гребного катера, посланныхъ къ угольщику.

Пароходъ находился далеко; работа шла медленно. По приказанію адмирала угольщикъ приблизился.

По окончанію погрузки командѣ разрѣшено мыться въ судовой банѣ.

Фелькерзамъ перенесъ флагъ на „Сисой“.

Вечеромъ узнали, что священникъ съ „Авроры“ скончался.

20 окт. Съ 10 часовъ утра и до 12 ночи мнѣ поручено наблюдать за погрузкой угля на „Метеоръ“. Грязное и тяжелое занятіе! Пыль забирается всюду, и не малаго труда стоитъ отмыться. Цѣлый день дышешь угольнымъ воздухомъ, глаза засорены, въ горлѣ пересыхаетъ.

Во время завтрака получена первая почта, присланная въ Vigo съ курьеромъ главнаго штаба и оставленная намъ угольщикомъ.

Хоть чиновники и бездушны, но на сей разъ проявили человѣческія чувства: они вошли въ положеніе далеко заброшенныхъ, идущихъ невѣдомо куда моряковъ и порадовали присылкой писемъ.

21 окт. Во второмъ часу дня показались на горизонтѣ наши броненосцы. При ихъ приближеніи французскій крейсеръ открылъ салютъ; за нимъ салютовалъ англичанинъ. „Суворовъ“ отвѣтилъ и затѣмъ отдалъ якорь.

Вечеромъ пришло госпитальное судно „Орелъ“, находившееся въ ожиданіи эскадры Рожественскаго въ Средиземномъ морѣ.

Вскорѣ командующій поднялъ сигналъ: „судамъ, идущимъ Средиземнымъ моремъ, приготовиться къ походу“.

22-го окт. Погода пасмурная. Килевая качка. Съ утра замѣтили англійскій трехтрубный крейсеръ на правомъ траверзѣ. Судно держитъ одинъ съ нами курсъ. Въ теченіе всего дня англичанинъ не покидаетъ насъ изъ виду.

„Жемчугъ“ выходилъ изъ строя поправлять какія-то поврежденія. Вступая на свое мѣсто, едва не потаранилъ насъ. Минута была критическая—на мостикѣ засуетились.

23-го окт. Прояснило. Англійскаго крейсера не видно. Фелькерзамъ отправилъ „Свѣтлану“ въ Алжиръ поторопить нашихъ миноносцевъ, которые, по соображеніямъ адмирала, должны были тамъ замѣшкаться.

Строй кильватерной колонны замѣненъ строемъ двухъ колоннъ. „Сисой“, „Наваринъ“—въ одной, въ другой—„Жемчугъ“ и „Алмазъ“.

Поздно вечеромъ получено извѣстіе, что „Свѣтлана“ уже не застала миноносцевъ въ Алжирѣ.

24-го (*воскресенье*). Еще до разсвѣта „Свѣтлана“ вернулась къ намъ и вступила на свое мѣсто.

Погода ясная. Тепло. На горизонтѣ виднѣются берега Африки. Продолжаю стоять штурманскую ночную вахту пополамъ съ П.

25-го окт. Всталъ я поздно: прямо къ завтраку.

Однообразный столъ до такой степени опротивѣлъ, что всѣ жалуются на отсутствіе аппетита. На закуски даже не смотрятъ. Маринованные грибки съ лукомъ, не знаю для чего въ изобиліи туда положеннымъ, маслянистыя, костлявыя, въ толстой чешуѣ, какъ бы бронированныя сардинки, голландскій сыръ съ выступающими на срѣзѣ капельками, традиціонная, очерствѣвшая селедка, также посыпанная лукомъ, изрубленное на кусочки, вѣроятно разогрѣтое мясо, изображающее „горячую закуску“, все это уносится, чтобы снова въ томъ же порядкѣ появиться на слѣдующій день.

Къ завтраку подали гренки съ горошкомъ, тушеное мясо, безвкусное и разваренное, на сладкое—бисквиты съ вареньемъ. Можетъ быть, въ другое время это показалось бы не дурнымъ, но нужно замѣтить, что это однообразіе завелось у насъ со временъ Кронштадта.

26-го окт. Въ 6 ч. утра прошли Мальту, въ 11-мъ

—южную оконечность Сициліи. Шли въ виду итальянскаго берега. Идемъ на Критъ; остановка предполагается въ Судѣ. Тамъ надѣемся получить почту. Будетъ ли она? Неужели штабъ, оказавъ намъ по началу неслыханное дотолѣ и необычное ему вниманіе, продолжитъ въ томъ же духѣ? Можетъ быть, онъ занятъ однимъ Рожественскимъ и на Фелькерзама съ его кораблями не обратитъ вниманія? Послали „Свѣтлану“ впередъ.

28 окт. Въ 12 ч. 25 м. по полудни пришли въ Суду. Здѣсь застали „Свѣтлану“, миноносцевъ, транспорты „Китай“ и „Горчаковъ“, а также пароходы Добровольнаго флота „Воронежъ“ и „Владиміръ“, которые должны были присоединиться къ намъ. Кромѣ нашихъ судовъ на рейдѣ находился французскій стаціонеръ и два итальянскихъ.

Не успѣли мы поставить траповъ, какъ поставщики взобрались на палубу и ломанымъ русскимъ языкомъ (почти всѣ говорятъ по-русски) стали предлагать свои услуги. Одному изъ нихъ офицеры поспѣшили отдать бѣлье въ стирку. Съ выхода изъ Либавы у насъ не было ни одной достаточно продолжительной остановки, чтобы отдать бѣлье береговымъ прачкамъ. Правда, на „Алмазѣ“ имѣется прачешная, но нужно видѣть, какъ она стираетъ!.. Немедленно послѣ постановки на якорь „Сисой“ сталъ грузиться углемъ, а мы, пользуясь мелкой осадкой (вслѣдствіе истощенія угольнаго запаса), принялись красить вылѣзшую изъ воды нижнюю часть борта.

Старшимъ офицеромъ разрѣшено стоять на семь вахтъ, включивъ въ число вахтенныхъ начальниковъ мичмана П. и меня. При этомъ распредѣленіи у каждаго офицера получилось по два свободныхъ

дня въ недѣлю. Я съ мѣста попалъ на вахту, правда недолгую, всего на два часа. Гуляя по адмиральскому мостику, я глядѣлъ на наше сѣверное небо и думалъ, что скоро этотъ ковшъ „Медвѣдицы“ и полярная звѣзда скатятся къ горизонту, уступая мѣсто Южному Кресту.

Съ юта доносились голоса офицеровъ.

Пробили склянки, и я сдалъ свою вахту лейтенанту К.

29-го окт. Съ миноносца нашего, стоящаго въ бухтѣ стаціонеромъ, получили газеты: „Новое Время“ отъ 18 октября и „Matin“. Ожидаемой почты не оказалось. Газеты переполнены Гулльскимъ инцидентомъ. Англичане грозятъ. Рожественскій, повидимому, отлично знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Этотъ нахальный народъ уважаетъ лишь того, кто показываетъ ему кулакъ!

Сообщеніе съ берегомъ разрѣшено. Сейчасъ же послѣ обѣда нѣсколько офицеровъ поѣхали въ Канею. Городокъ Канея находится недалеко отъ Суды. Ѣздятъ туда на лошадяхъ въ прекрасныхъ экипажахъ.

30-го окт. Сегодня на кладбищѣ служатъ панихиду по погибшимъ на „Сисоѣ“ при разрывѣ башеннаго орудія въ 1896 г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Съ каждаго корабля ѣдетъ нѣсколько офицеровъ.

Во время моей вахты (съ 12½—4 ч. дня) пришелъ пароходъ Добровольнаго флота „Кіевъ“, одинъ изъ назначенныхъ слѣдовать за нами. Черезъ полчаса на „Сисоѣ“ подняли сигналъ: „есть почта“. Нечего говорить, съ какой поспѣшностью распорядился я отправкой за нею катера. Къ концу вахты катеръ вернулся. Почту отнесли старшему офицеру. Черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ вышелъ лейтенантъ С. съ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

двумя письмами въ рукѣ. „Это вамъ!“ — сказалъ онъ.

Почтой оказались недовольны всѣ и утѣшали себя надеждой получить ее въ Портъ-Саидѣ.

Ходитъ слухъ, что „Алмазъ“ оставляютъ въ Средиземномъ морѣ вмѣсто канонерской лодки „Храбрый“.

Ожидаютъ присоединенія черноморскихъ броненосцевъ. Передаютъ по секрету о покупкѣ аргентинскихъ судовъ, ссылаясь на „достовѣрные источники“.

31-го окт. Воскресенье. Пришелъ пароходъ Русск. Общ. пар. и торг. „Юпитеръ“. Завтракали гости съ „Буйнаго“—командиръ миноносца и мичманъ В. Въ концѣ перваго часа отвезли своихъ гостей домой и сами зашли на миноносецъ. Въ каютѣ, носящей громкое названіе „каютъ-компаніи“, находятся четыре койки, скрытыя занавѣсками—это помѣщеніе офицеровъ. Только у командира есть небольшая довольно приличная каюта, остальные принуждены спать въ тѣснотѣ и почти-что на виду. Освѣщеніе, конечно, скудное, иллюминаторы круглые, діаметромъ вершка въ три, не болѣе. Палубный люкъ — главный источникъ свѣта. Потолокъ обитъ клеенкой, какъ въ вагонахъ, и настолько низокъ, что я могу его достать, не выпрямляя руки, а чуть-чуть приподнимая ее надъ головой. Можно себѣ представить, что тамъ дѣлается во время качки, когда все герметически закрыто! Каковъ долженъ быть воздухъ!

На миноносцѣ пробыли мы около получаса, затѣмъ съѣхали на берегъ: инженеръ-механикъ Б., докторъ, П., В. и я. Старшій офицеръ и К. остались на миноносцѣ, гдѣ ихъ задержалъ пріѣздъ командира съ „Храбраго“.

Мы наняли коляску и поѣхали въ Канею, такъ какъ въ Судѣ ничего нельзя достать. Суда—деревушка, гдѣ, кромѣ небольшого количества домовъ, всего двѣ три мелочныхъ лавки, торгующихъ, конечно, и спиртными напитками; здѣсь же на берегу есть „русское морское собраніе“—маленькій домишко, куда собираются офицеры играть въ карты. Бо́льшую часть времени собраніе пусто, и мертвая тишина царитъ въ тѣсныхъ, сырыхъ комнатахъ.

Покуда П. и В. ходили на почту, я зашелъ въ совершенно приличную парикмахерскую, гдѣ говорили по-французски. Въ Канеѣ довольно часто слышится и русская рѣчь.

Когда вернулись П. и В., я предложилъ имъ поѣхать вмѣстѣ за городъ на ослахъ. Никому изъ насъ не доводилось ѣздить на этихъ животныхъ, а потому мое предложеніе было сейчасъ же принято. Достали трехъ ословъ. Мнѣ попался такой, что тихоходы моихъ спутниковъ казались передъ нимъ рысаками. Продолжать путешествіе способомъ втрое медленнѣе пѣшаго я не былъ въ силахъ, а потому передалъ осла провожатому съ тѣмъ, чтобы онъ вернулся къ хозяину и перемѣнилъ бы его на лошадь. Тѣмъ временемъ, покуда „guide“ исполнялъ мое порученіе, я шелъ пѣшкомъ, уменьшая ходъ, чтобы мои спутники, ѣдущіе на ослахъ, могли поспѣть. Черезъ нѣкоторое время явился провожатый на лошади, которая шла подъ нимъ, но какъ только я на нее сѣлъ—ни съ мѣста; при ударахъ хворостины (хлыста не было) она отчаянно брыкалась, но впередъ не двигалась. Кое-какъ, наконецъ, распустивъ совершенно поводъ, добились мы того, что она стала идти медленнымъ шагомъ, отставая отъ ословъ. Пѣшкомъ мы прошли бы дальше! П. попробовалъ про-

катиться на ней и проѣхалъ благополучно нѣсколько сотъ шаговъ; когда же В. подошелъ къ ней съ цѣлью сѣсть, лошадь брыкнула, но, къ счастью, задѣла лишь руку и то не больно. Мы ѣхали по шоссе среди оливковыхъ рощъ. Проѣзжая черезъ какую-то деревушку, получилось впечатлѣніе туннеля, лишеннаго крышки. Улица углублена въ землю; низкорослыя оливковыя деревья пускаютъ свои корни на высоту человѣческаго роста. Дома какіе-то странные—не то груда камня, не то стѣна. Близъ построекъ пасутся привязанныя къ колышкамъ овцы оригинальнаго вида, рыжія, какъ ирландскіе сеттера. Сразу не скажешь, что это—овца, коза или собака.

Попадались намъ туземцы съ ружьями въ рукахъ, разгуливающіе въ оливковыхъ садахъ—охотящіеся на невѣдомую дичь.

Въ общемъ прогулкой мы остались довольны.

Было уже темно, когда вернулись въ городъ и зашли въ гостинницу обѣдать. Здѣсь оказалось много моряковъ, почти всѣ въ формѣ. Нѣкоторые изъ нихъ были на-веселѣ, громко разговаривали, обнимались... Обстановка гостинницы не поражала изяществомъ, а скатерть на нашемъ столѣ и тарелки наводили на мысль, что страна, вѣроятно, бѣдна водой. Главнымъ образомъ, первое, а затѣмъ и второе обстоятельство, заставило насъ встать, отставить только что заказанный обѣдъ и вернуться обратно въ Суду.

Обѣдали на „Алмазѣ“, вмѣстѣ съ вахтеннымъ начальникомъ, т.-е. въ 8 часовъ.

Спущенная на берегъ команда вернулась выпивши, нѣкоторые даже въ сильной степени. Моряки относятся снисходительно къ этому пороку, говоря: „въ кои вѣки-то разъ попадутъ на берегъ, надо же

вѣдь развлечься!“ и сами не рѣдко подаютъ примѣръ. Я это говорю про моряковъ вообще; у насъ же на „Алмазѣ“ каютъ-компанія слыла трезвой.

1-го ноябр. Обѣщана премія судну, быстрѣе всѣхъ грузящему уголь. Размѣръ вознагражденія равняется 15 к. за принятую тонну *). Началось соревнованіе. Съ утра принялись мы за работу. Уголь брали съ подошедшаго и ошвартовившагося къ намъ еще наканунѣ парохода „Pallas“. Въ 6-мъ часу принявъ 410 тоннъ, окончили погрузку. Имѣемъ основаніе предполагать, что премія достанется „Алмазу“.

Съ моря пришелъ пароходъ Рус. Общ. пар. и торг. „Меркурій“.

2-го ноябр. Стою „собаку“ **). Пошелъ дождь. Собираемъ прѣсную воду. Набрали 14 тоннъ. Стало холодно. Желающихъ спать на верху не нашлось.

3-го ноябр. Контръ-адмиралъ Фелькерзамъ посѣтилъ „Алмазъ“ и держалъ рѣчь командѣ. Онъ говорилъ о необходимости проникнуться сознаніемъ, какъ важно для насъ умѣть быстро грузиться углемъ; порицалъ поведеніе матросовъ на берегу и предупреждалъ, что употребленіе греческой водки, зачастую смѣшанной съ вреднымъ древеснымъ спиртомъ, опасно для организма. Закончилъ свою рѣчь, пожелавъ командѣ быть молодцами и помнить, что „начальство у васъ доброе, и если и дѣлаетъ иногда ошибки, такъ кто же ихъ не дѣлаетъ!“

Вскорѣ послѣ отбытія адмирала, на флагманскомъ кораблѣ былъ поднятъ сигналъ — „пустить очередное отдѣленіе на берегъ“.

---

*) Тонна равняется 62 пудамъ.

**) Такъ называется вахта съ 12 ночи до 4 ч. утра.

Слова адмирала не произвели, повидимому, должнаго впечатлѣнія на съѣхавшихъ. Большая часть гулявшихъ вернулась въ отчаянномъ видѣ. „Это всегда бываетъ такъ!“—сказалъ мнѣ лейтенантъ Г.—„Стоитъ имъ прочесть нравоученіе, дать совѣтъ, какъ всѣ послѣ этого перепьются“.

Въ жилой палубѣ началась драка. Съ полубака свалилось пьяное тѣло. Попавъ въ воду, матросъ пришелъ въ себя, и его удалось вытащить.

4-го ноября. Погода исправилась. Солнце свѣтитъ и грѣетъ. Часть команды (25 чел.) грузитъ уголь на „Горчаковъ“. Одно отдѣленіе спущено на берегъ. Меня послали съ обходомъ. Обязанности обходнаго—слѣдить за командой на берегу, предупреждать скандалы и драки, до которыхъ наши матросы большіе охотники, разыскивать валяющихся по дорогамъ, канавамъ и прочимъ мѣстамъ мертвецки пьяныхъ и доставлять ихъ на шлюпку. Въ началѣ дѣлать нечего—слоняешься по улицамъ. За часъ или полчаса до отхода шлюпки офицеръ возвращается къ обходу.

Лейтенантъ В., со „Свѣтланы“, оказался въ такомъ же положеніи, какъ и я. Познакомились и рѣшили вмѣстѣ раздѣлить скуку. Мы пошли въ горы и не замѣтили, какъ прошло время.

6-го ноября. Хоронили матроса съ „Наварина“.

По случаю годовщины морского кадетскаго корпуса за обѣдомъ было подано шампанское.

Къ вечеру прибылъ штабъ завѣдующаго транспортами кап. 1 р. Радлова—мичмана Э., Б. и прапорщикъ С.

„Алмазъ“, благодаря великолѣпному помѣщенію, привлекалъ къ себѣ адмираловъ и начальствующихъ. Яхта намѣстника, обращенная въ слабый, негодный крейсеръ, съ недостаточнымъ ходомъ для развѣд-

чика и отсутствіемъ мореходныхъ качествъ, была взята на войну по недоразумѣнію, незнанію или просто упрямству.

Въ полночь прибылъ завѣдующій; подняли его брейдъ-вымпелъ.

7-го ноября. Передъ подъемомъ флага вызвали команду по-вахтенно во фрунтъ; офицеры выстроились въ коридорѣ у командирскаго помѣщенія. Вышелъ Радловъ и поздоровался съ командой и нами.

Засвѣжѣло.

Назначенный на сегодня выходъ отложенъ.

8-го ноября. Въ 1 ч. 45 м. дня вызвали всѣхъ на верхъ, снялись съ якоря и вышли въ море.

Впереди шелъ „Жемчугъ“, за нимъ рядомъ „Сисой“ съ „Навариномъ“, далѣе три колонны транспортовъ съ „Алмазомъ“ во главѣ: „Кіевъ“, „Воронежъ“, „Владиміръ“, „Тамбовъ“, „Китай“, „Горчаковъ“, „Ярославль“, „Юпитеръ“ и „Меркурій“. По бокамъ транспортовъ, съ обѣихъ сторонъ находилось по три миноносца, седьмой шелъ позади. „Свѣтлана“ замыкала шествіе.

Какъ только мы вышли на чистое, началась непріятная килевая качка, весьма дурно повліявшая на настроеніе офицеровъ и команды. Я не составилъ исключенія, подвергаясь всѣмъ непріятнымъ послѣдствіямъ морской болѣзни.

Мнѣ довелось довольно много плавать, и я пришелъ къ заключенію, что качка такъ или иначе дѣйствуетъ на всѣхъ. Многіе моряки считаютъ позорнымъ признаться въ причинѣ своего нездоровья. Запираясь по каютамъ, сваливаютъ все на головную боль, безсонную ночь, или выпитое въ излишнемъ количествѣ вино.

Отъ этой болѣзни никто не застрахованъ. Иной

разъ качка пустяшная, ее и не замѣчаешь, а старый морской волкъ, которому шторма ни почемъ, взялъ, да и слегъ. Всяко бываетъ!

Во время долгаго перехода къ качкѣ привыкаютъ и настолько отвыкаютъ отъ нея во время продолжительной стоянки, что уже на небольшой волнѣ вамъ не по себѣ. На „Жемчугѣ“ и „Алмазѣ“ качка особенно чувствительна; это зависитъ не только отъ размѣра, но такъ же и отъ качества судна.

Транспорту „Горчаковъ“, тормозящему эскадренный ходъ, приказано отдѣлиться и идти самостоятельно въ Портъ-Саидъ.

9 ноября. Суда занимались опредѣленіемъ девіаціи и практиковались въ стрѣльбѣ.

Къ вечеру стихло. Небольшая зыбь. „Горчаковъ“, воспользовавшійся эволюціями, едва виднѣется на горизонтѣ.

Испортилась рулевая машинка. „Алмазъ“ вышелъ изъ строя и перешелъ на ручной штурвалъ. Черезъ нѣсколько часовъ удалось исправить поврежденіе и вступить на свое мѣсто.

10 ноября. Пошелъ дождь, но вскорѣ пересталъ. Тучи разсѣялись, выглянуло солнце, отражаемое голубою гладью Средиземнаго моря. Почти весь день миноносцы шли на буксирахъ у транспортовъ. Въ 10-мъ часу вечера на горизонтѣ, прямо по носу показались огни. Вскорѣ стали видны отличительные, сначала красные, затѣмъ зеленые. Съ флагманскаго корабля сигналъ: „будьте внимательны“. Въ десять часовъ разошлись съ тремя судами, поднявшими два бѣлыхъ гафельныхъ огня. Мы также открыли огни встрѣчнымъ греческимъ кораблямъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго показался маякъ

Damietta, и вскорѣ послѣ этого Сисой" передалъ: „Адмиралъ намѣренъ стать на якорь у входа въ Портъ-Саидъ въ 4 часа утра".

11 ноября. Въ 4 час. 15 мин. отдали якорь въ виду Портъ-Саида; черезъ часъ „Свѣтлана" пошла къ порту, а въ седьмомъ часу, принявъ лоцмана, двинулись и мы.

Ясное, холодное утро. У входа въ гавань, слѣва, красуется на пьедесталѣ крупная фигура Лессепса, расположенная на молѣ.

Портъ-Саидъ весь раскинулся съ правой стороны, на низкомъ песчаномъ берегу.

Передъ завтракомъ принесли почту еще болѣе бѣдную, нежели на Критѣ; со всѣхъ сторонъ слышится ропотъ и порицаніе главному морскому штабу за его небрежное отношеніе. Собрался на берегъ; однако, вышло затрудненіе: ревизоръ, которому предстояла вахта, освободился отъ нея, отговариваясь дѣлами. Вмѣсто него поставили меня и П. пополамъ. Стали искать подсмѣны. Лейтенантъ М., которому вечеръ на берегу представлялся болѣе соблазнительнымъ, нежели время съ 12 до 4-хъ, согласился насъ замѣнить съ тѣмъ, чтобы его вахту съ 8 — 12 вечера стояли мы.

Наскоро одѣвъ сшитое въ Судѣ жидомъ штатское платье, поѣхалъ я въ обществѣ трехъ офицеровъ на берегъ. У русскихъ есть привычка останавливаться и разсуждать на улицѣ, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, русскаго языка не понимаютъ—совершенно не стѣсняться въ замѣчаніяхъ и выраженіяхъ.

Отдѣлившись съ П. отъ остальныхъ, т. к. прогулка гурьбой насъ мало привлекала, пошли мы на почту и затѣмъ на телеграфъ.

Портъ-Саидъ поразилъ меня сравнительной чи-

стотой, рѣдкой въ портовыхъ городахъ. По прямымъ опрятнымъ улицамъ снуетъ пестрая толпа всевозможныхъ народностей. По городу ѣздятъ въ европейскихъ экипажахъ. Попадаются также мулы и ослы.

Саидъ славится пробковыми шлемами, бѣлыми парусиновыми туфлями и кителями, сшитыми почти по образцу нашихъ флотскихъ. Словомъ, всей необходимой въ тропикахъ одеждой. Главные магазины сосредоточены въ центрѣ города, кругомъ нихъ толпа народу. Слышится, преимущественно, русская рѣчь. Сюда направились и мы. Навстрѣчу намъ торжественно шествовала фигура, одѣтая въ короткій пиджакъ и короткія панталоны, изъ-подъ которыхъ торчали рыжія голенища сапогъ. Бѣлый шлемъ красовался на гривѣ растрепанныхъ волосъ. Эта забавная личность привлекала общее вниманіе и возбуждала веселыя улыбки всѣхъ встрѣчныхъ моряковъ.

„Ай да батя! — слышалось въ догонку. — Принарядился“...

Закупивъ все нужное, зашли мы въ кафе. Кстати сказать, ихъ тутъ много, равно какъ и игорныхъ домовъ, куда по вечерамъ заманиваютъ неопытныхъ иностранцевъ.

Не могу не упомянуть съ особеннымъ удовольствіемъ о видѣнномъ мною въ одномъ изъ гастрономическихъ магазиновъ ящикѣ съ надписью „Царицынъ“ — въ немъ оказалась наша русская вобла. Искали какихъ-нибудь мѣстныхъ фруктовъ, но не нашли. Финики и тѣ были не лучше нашихъ вербныхъ. Среди высокихъ красныхъ фесокъ съ жирными кистями, бѣлыхъ шлемовъ, чалмъ, соломенныхъ шляпъ и котелковъ—выдѣлялся женскій головной

уборъ. Туземки носятъ покрывала, окутывающія почти всю голову, видны только глаза да часть щекъ; носъ замаскированъ не то мѣднымъ, не то бронзовымъ желобкомъ. Мнѣ такъ и осталась неизвѣстной цѣль этого оригинальнаго украшенія.

Къ обѣду вернулись на крейсеръ. Узнали о пріобрѣтеніи каютъ-компаніей плетеныхъ креселъ (chaises-longues), удобныхъ для желающихъ спать на воздухѣ.

Въ 8 час. II. всталъ на вахту; въ 10 я его смѣнилъ.

Кругомъ нашихъ судовъ ходятъ сторожевыя шлюпки съ солдатами, приставленныя насъ охранять.

Близъ крейсера нѣтъ, нѣтъ да и бултыхнетъ какая-то крупная рыба—вѣроятно, дельфинъ, врядъ ли акула: акулы, которыми изобилуетъ Красное море, не охотно заходятъ въ каналъ, къ тому же хищная рыба крадется — рѣдко плеснетъ. Издали донесся до слуха моего знакомый крикъ цапли.

Чувствуя усталость послѣ дневной прогулки, съ нетерпѣніемъ ждалъ я полуночи, когда лейтенантъ К. долженъ былъ меня смѣнить. Увы!... Пробило двѣнадцать, а К. не возвращался съ берега. Въ концѣ перваго часа онъ появился въ обществѣ Г. и С., но въ какомъ видѣ! О вахтѣ не могло быть и рѣчи. К. ушелъ къ себѣ въ каюту, а я продолжалъ стоять. С., глядя на чудную ночь, воспользовался шестеркой, отправляемой на берегъ, и уѣхалъ обратно. Отпуская его, я умолялъ вернуться во время, такъ какъ выстоять трехъ вахтъ подрядъ я не былъ въ силахъ.

Въ 4 час. вернулся къ себѣ и заснулъ какъ убитый.

12 ноября. Проснулся поздно. Мы уже шли каналомъ.

Суэцкій каналъ длиною 91 миля. Низкіе, песча-

ные берега убоги растительностью. Кое-гдѣ на желтомъ пескѣ торчатъ жалкіе пучки зелени, да вдоль воды тянется коемочка камыша. Каналъ настолько узокъ мѣстами, что два такихъ корабля, какъ нашъ „Алмазъ“, не уставятся рядомъ. Насъ охраняютъ солдаты, ѣдущіе вдоль берега верхомъ на верблюдахъ. Крейсеръ идетъ тихо (5 узловъ) и стража, пуская рысью своихъ двугорбыхъ коней, не только поспѣваетъ за нами, но и обгоняетъ.

По временамъ унылая мѣстность оживляется сторожевымъ домикомъ съ двумя-тремя пальмами.

Мы идемъ подъ проводкой лоцмана, то увеличивая, то уменьшая ходъ. Наконецъ, вошли въ такъ называемое „Большое соленое озеро“. Вдали отъ берега, на самой серединѣ его отдали якорь и расположились ночевать.

Медленно, одинъ за другимъ выползаютъ изъ канала остальныя суда, вышедшія послѣ насъ изъ Портъ-Саида.

Большую часть времени проводимъ на ютѣ, гдѣ разрѣшено курить. Русскій табакъ остался у немногихъ. Папиросами угощаютъ неохотно. Собираясь бросить куреніе, я взялъ съ собою незначительный запасъ, который изсякъ до Портъ-Саида. Бросить куреніе не хватило, однако, характера, и я потягивалъ трубочку, купленную вмѣстѣ съ табакомъ наканунѣ.

13 ноября. Съ утра продолжали путь сначала озеромъ, затѣмъ опять каналомъ. Въ 11-мъ часу прошли лишь мимо Суэца, расположеннаго въ нѣкоторомъ отдѣленіи отъ залива. Миляхъ въ трехъ отъ берега стали на якорь.

Вскорѣ послѣ отдыха къ намъ подошелъ „Китай“. Передъ началомъ погрузки прочитали приказъ о денежной преміи, выпавшей на долю „Алмаза“ за по-

грузку въ Судѣ. Отпущено 398 ф. 25 с. и распредѣлено слѣдующимъ образомъ: грузившіе нижніе чины получили по 1 франку 50 сантимовъ, унтеръ-офицеры по 3 франка. Негрузившіе же *) по 75 с. и унтеръ-офицеры—1 ф. 50 сан. Съ жаромъ принялись за работу, и къ семи часамъ вечера все было кончено.

По приказанію адмирала, посланъ паровой катеръ нести сторожевую службу. На обязанности его ходить между нами и „Жемчугомъ“ и предупреждать при помощи зажженнаго фалшфейера о всѣхъ приближающихся къ эскадрѣ судахъ. Обязанность идти на немъ выпала намъ съ П. Взошла луна. Стало свѣтло; въ катерѣ не оказалось надобности, и его вернули.

14 ноября. Воскресенье. Рано утромъ покинули Суэцкую бухту. Погода прекрасная. Съ обѣихъ сторонъ видны голыя горы. Лопнула паропроводная труба—обошлось безъ несчастій. Ночью проходили мимо Синайскихъ горъ, которыми, благодаря темнотѣ, не удалось полюбоваться.

Къ утру вошли въ Красное море. Эскадренный ходъ 10 узловъ. Съ наступленіемъ темноты открылся огонь. „Сисой“ передалъ: „будьте внимательны, особенно остерегайтесь у маяка“. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, въ Красномъ морѣ возможно было ожидать предательскаго нападенія. Несмотря на данную намъ охрану, состоящую изъ конвоирующихъ судовъ, были все время на чеку.

16 ноября. Въ четвертомъ часу утра, на моей

---

*) Тѣ, которые почему-либо не могли принять участія въ погрузкѣ, какъ то: вахтенное отдѣленіе, сигнальщики, караульные.

вахтѣ, вошли въ тропики. Море почти спокойно, волны крохотныя, не въ силахъ даже покачнуть валкаго „Алмаза“.

Въ каютахъ становится душно. Надъ шкафутомъ и командным мостикомъ поставили тенты. Офицеры ходятъ въ шлемахъ.

Послѣ отдыха отрядъ застопорилъ машины. Миноносцы подошли къ транспортамъ принимать уголь.

Отъ нечего дѣлать занялись мы ловлей акулъ. За кормой спустили толстый крюкъ съ мясной наживой. Перегнувшись черезъ фальшбортъ, слѣдили мы за мелкими рыбками, находящими себѣ пріютъ въ плавающихъ желтыхъ водорослях. Стайки фіолетовыхъ, подъ цвѣтъ волны, длинныхъ, не то рыбокъ, не то червяковъ или змѣекъ рѣзвились кругомъ. Акулы не шли, однако. Мнѣ удалось видѣть всего одну, да и то небольшую. Лѣниво помахивая длинными плавниками, посаженными близко къ тупой головѣ, она, казалось, отдыхала у нашего борта. Въ шестомъ часу отрядъ далъ восьмиузловой ходъ. Огней не гасили, шли, какъ и все это время, при полномъ освѣщеніи.

Духота увеличивается. Команда спитъ на воздухѣ, офицеры также выползаютъ на ютъ и занимаютъ плетеныя кресла.

Встрѣчныхъ судовъ очень мало. Явленіе необычное для Краснаго моря, гдѣ движеніе большое. Тѣ немногія, которыя попадаются на нашемъ пути, встрѣчаемъ и провожаемъ лучами прожекторовъ.

Лопнулъ отростокъ магистральной трубы котла, находящагося подъ парами. Это уже не первый случай. Вывели котлы съ лѣвой стороны и продолжали идти подъ двумя правыми. Ходъ, конечно, уменьшился. Черезъ часъ оказалось возможнымъ поднять пары въ прежнихъ котлахъ и дать 10 узловъ.

Механики жалуются на духоту въ машинѣ, температура доходитъ до +41° Р. Стоя всего на три вахты, красные и мокрые выбѣгаютъ они на верхъ подышать воздухомъ, который кажется имъ прохладнымъ. Одинъ изъ нихъ подалъ рапортъ о болѣзни—его замѣнили кондукторомъ.

Къ вечеру 18 ноября показался „Jebel Steir".

19 ноября. Въ 4 часа пополудни встрѣчный французскій пароходъ поднялъ сигналъ о желаніи переговорить съ нами.

„Сисой" отдѣлился и подошелъ къ нему. Эскадра тѣмъ временемъ уменьшила ходъ.

Идемъ Бабъ-Эль-Мандебскимъ проливомъ.

Къ вечеру вошли въ Аденскій заливъ.

20 ноября. Въ восьмомъ часу утра остановились близъ Джибути. Завѣдующій транспортами пересѣлъ на „Сисой". Спустили брейдъ-вымпелъ. Приказано идти въ Обокъ и взять оттуда губернатора, выѣхавшаго намъ навстрѣчу и оказавшагося въ сосѣдней бухтѣ, вслѣдствіе какой-то путаницы.

Придя въ Обокъ, приняли M-r Pascal, подняли его флагъ и въ 11 час. 30 мин. доставили въ Джибути, гдѣ стояли всѣ наши суда.

Рейдъ въ Джибути широкъ и открытъ. Берега голые, низкіе, песчаные. Солнце немилосердно печетъ.

Крохотный городокъ французскаго Сомали расположился на лѣвой сторонѣ бухты, если смотрѣть съ моря. Ни одного дерева, ни одного кустика. Кругомъ неприглядно, неуютно, знойно.

Вскорѣ послѣ постановки нашей на якорь прибылъ Фелькерзамъ съ визитомъ, и затѣмъ оба, т.-е. онъ и губернаторъ, уѣхали подъ грохотъ салюта.

Въ 5 часовъ подошелъ къ намъ транспортъ

„Меркурій"; началась погрузка, продолжавшаяся почти до полуночи. Ночью стоялъ на бакштовѣ вооруженный паровой катеръ, обязанности коего заключались въ осматриваніи всѣхъ входящихъ на рейдъ судовъ. Въ первую же ночь мнѣ пришлось пройтись на встрѣчу пароходу „Messageries Maritimes".

21 ноября. Пріѣхалъ военный агентъ С. и поселился у насъ: завтракалъ и обѣдалъ въ каютъ-компаніи. За завтракомъ подали намъ квасъ. Нужно замѣтить, что давно уже приставали мы къ нашему ресторатору Потупчикову, чтобы онъ досталъ какой-нибудь напитокъ. Пиво наше почти все прокисло, а вода съ гренадиномъ мало кому нравилась.

По окончаніи занятій часть офицеровъ съѣхала на берегъ.

Входитъ въ силу тропическое росписаніе занятій, въ шутку называемое моряками полярно-тропическимъ, такъ какъ представляетъ собой смѣсь того и другого, иными словами, очень тяжелое.

23 ноября. Попалъ на берегъ. Часть города состоитъ изъ десятка-другого каменныхъ домовъ. На площадь выходитъ нѣсколько магазиновъ. У одного изъ нихъ лежитъ на привязи ручной гепардъ. Хозяйка, торгующая разными сушеными морскими чудовищами, видя собравшихся около звѣря моряковъ, вышла къ намъ и, поласкавъ его, предложила и намъ сдѣлать то же самое. Каждый изъ насъ потрепалъ гепарда, конечно, не безъ нѣкоторой опаски.

На почту и телеграфъ, одну изъ главныхъ цѣлей нашего съѣзда, приходится идти черезъ весь европейскій кварталъ. Замѣчу вскользь, что плата за слово телеграммы—около четырехъ франковъ.

Большая часть города, то-есть не-европейская, состоитъ изъ жалкихъ лачугъ сомалійцевъ.

По улицамъ ходятъ козы, овцы и собаки. На задней, торговой площади лежатъ верблюды, мулы и волы.

Сомалійцы или сомалиты—черные, довольно высокаго роста, отличаются отъ негровъ узкими плечами и поразительной худобой. Передъ ними я казался тучнымъ (во мнѣ 3 пуд. 15 ф.). Чертами лица они также нѣсколько разнятся, носы не такъ сильно сплюснуты и губы менѣе жирны.

Движенія ихъ лѣнивыя. Нѣкоторые сомалиты смазываютъ волосы глиной, отчего издали они кажутся рыжими. Дѣлается ли это красоты ради или какъ предохраненіе отъ солнечныхъ лучей—не знаю. Одежда ихъ очень легка: иные носятъ лишь повязки на чреслахъ. Дѣти бѣгаютъ голышемъ. Женщины немногимъ болѣе одѣты.

Городокъ, какъ я уже сказалъ, не великъ: стоитъ пройти сотни-двѣ шаговъ и вы за городомъ въ широкой, почти сплошь песчаной пустынѣ; крохотные кустики, едва-ли способные скрыть самаго небольшого звѣрька, уныло прорѣзаютъ сѣрый покровъ безплодной почвы.

Верстахъ въ двухъ отъ города виднѣется небольшая рощица. Широкое и довольно порядочное шоссе ведетъ къ этому маленькому оазису, носящему громкое названіе „Le Jardin du Gouverneur“ (Садъ губернатора). Экипажъ, которымъ воспользовались Г., Н., П., Г. и я для поѣздки туда, какъ въ достопримѣчательное мѣсто, напоминалъ наши „сорокъ мучениковъ“, громыхающихъ въ лѣтнюю пору по Гороховой и Вознесенскому проспекту.

По пути попадались верблюды, медленно и гордо переступающіе съ вьюками на спинахъ. Стада овецъ и горбатыхъ быковъ встрѣчаются подъ вечеръ.

Въ саду видѣлъ финиковыя пальмы, гранаты, хлопчатникъ, видѣлъ также нѣсколько невѣдомыхъ деревьевъ и неизвѣстныхъ намъ, европейцамъ, несъѣдобныхъ и даже ядовитыхъ плодовъ.

Близъ сада расположена деревушка.

Жилище сомалійца представляетъ изъ себя нѣчто вродѣ шалаша. Стѣны изъ кольевъ, рогожъ, щепокъ, смазанныхъ глиною, крыши изъ прутьевъ, вѣтвей и тѣхъ же рогожъ съ штемпелями разныхъ фабрикъ и надписями на разныхъ языкахъ. Въ одинъ изъ такихъ шалашей мы зашли, спросивъ объ этомъ разрѣшенія у хозяина, оказавшагося чѣмъ-то въ родѣ полицейскаго. Внутри шалашъ раздѣленъ на три части; только одна изъ нихъ прикрыта сучками, сушеной травой, стеблями кукурузы и всякой дрянью— это спальная; другимъ двумъ — небо служитъ крышей.

На порогѣ круглаго помѣщенія, представляющаго столовую, сидѣла бронзовая женщина и кормила грудью ребенка. Когда мы вошли, она поспѣшила прикрыть наготу младенца, но своей собственной, повидимому, нисколько не стѣснялась. Н. хотѣлъ снять ее, но мужъ сомалитки такъ злобно сказалъ „Non!“ (нѣтъ), когда ее попросили пересѣсть къ солнцу, что Н. предложилъ ему самому сняться, на что тотъ охотно согласился.

Повидимому, его жена ничего не имѣла противъ фотографіи, такъ какъ на вторичное предложеніе она встала и хотѣла-было пойти, но грозное „Non!“, повелительный и угрожающій жестъ пальцемъ сразу остановилъ ее. Послѣ этого, судя по тону разговора, между супругами началась перебранка.

Къ вечеру вернулись на „Алмазъ“. Жара, или, вѣрнѣе, духота на кораблѣ ужасная, на берегу

значительно лучше: съ наступленіемъ ночи становится даже прохладно; на суднѣ мы лишены этого облегченія: черный, накалившійся за день бортъ остываетъ лишь къ утру.

Каютъ-компанія опустѣла; собираемся только къ обѣду и завтраку; остальное время проводимъ на полу-ютѣ. Слушаемъ разсказы нашего агента, знакомаго съ мѣстностью. Съ его словъ, въ окрестностяхъ Джибути водятся шакалы и гіэны. Нахальство послѣднихъ доходитъ до того, что онѣ забираются въ городъ, преимущественно къ бойнѣ. Мѣстные жители охотятся на нихъ ночью, прячась за камни, гдѣ-нибудь на тропѣ звѣря. Охота считается опасной, такъ какъ гіэна бросается на выстрѣлъ, которымъ при лунномъ, слабомъ сравнительно освѣщеніи, трудно убить наповалъ.

Воды у Джибути славятся обиліемъ рыбы. Въ ясный солнечный день при тихомъ морѣ можно видѣть массу крупныхъ и мелкихъ рыбъ. Вчера ночью кругомъ крейсера ходило какое-то фосфорическое пятно. Думали—акула, и опустили крюкъ съ мясомъ; впослѣдствіи оказалось, что это стадо мелкихъ рыбокъ, оставляющихъ за собою огненную полосу, хорошо замѣтную на гладкой водѣ.

Приливы и отливы, благодаря пологости дна, здѣсь особенно значительны. Посылаемые на берегъ катера брали съ собою на буксирѣ шестерку, или же ѣдущіе пользовались шлюпкой сомалитовъ, такъ какъ въ извѣстные часы можно было подойти къ пристани лишь на очень мелко сидящей шлюпкѣ.

Недалеко отъ нашего якорнаго мѣста есть мель. Офицеры со „Свѣтланы“ бываютъ тамъ ежедневно, ловятъ рыбу, собираютъ раковины и, кажется, поймали даже нѣсколько лангустовъ.

30 ноября. Съ разрѣшеніемъ старшаго офицера, около трехъ часовъ дня, когда вода всего ниже, отправились мы ловить рыбу. Набравъ шесть человѣкъ гребцовъ изъ желающихъ, докторъ, механикъ Ч., мичманъ П. и я прибыли къ мели. На мѣстѣ, гдѣ воды было по поясъ, бросили дрекъ (шлюпочный якорь); вода продолжала убывать. На спущенные крючки съ мясомъ шли маленькіе крабы. Эти существа въ зависимости отъ дна окрашены въ бѣлый, сѣрый и даже красный цвѣтъ. Ловля на удочки продолжалась недолго. Рыболовы раздѣлись и начали купаться. Предвидя купаніе, я запасся кожаными туфлями изъ опасенія укола морскаго ежа. Остальная же публика, за исключеніемъ, конечно, оставшейся босикомъ команды, пожертвовала своими бѣлыми тропическими туфельками. Вскорѣ, однако, мои сандаліи слетѣли съ ногъ и я поспѣшилъ къ шлюпкѣ гдѣ у меня имѣлись въ запасѣ высокіе, чутъ ли не до пояса, резиновые сапоги. Воды было выше пояса, а потому я сразу зачерпнулъ. Плыть въ нихъ весьма тяжело. Покупавшись нѣкоторое время, вернулся въ шестерку и сталъ разбирать предметы, доставаемые командой изъ воды. Сначала набрали морскихъ звѣздъ, ежей и раковинъ, а затѣмъ начали вытаскивать цѣлые кусты коралла. Вотъ тутъ стало очень интересно. Въ развѣтвленіяхъ этихъ кустовъ находились крохотныя рыбки, крабы, ежи, раки-отшельники и креветки;тутъ же гнѣздились одна на другой устрицы.

Въ одномъ изъ кустовъ нашли нѣчто вродѣ змѣи—бѣлую съ желтыми пятнами, очень юркую. Неоднократно ускользала она изъ ведра на днище шлюпки, откуда вылавливали ее съ трудомъ. Найдена была и другая змѣя—похожая на угря—темная, съ пестротой. Обѣ длиной немногимъ болѣе фута.

Змѣй не удалось довезти живыми до корабля—онѣ вскорѣ заснули, равно какъ пестрыя и зеленыя рыбки. Крабы, креветки, морскія звѣзды и ежи—тѣ жили долго.

Забавны маленькіе раки-отшельники, запрятывающіеся въ раковинки. Одного я выволокъ наружу—когда заточникъ неосторожно высунулъ полтуловища изъ своего изящнаго крѣпкаго домика. Въ числѣ найденныхъ чудищъ были голатуріи—продолговатыя существа, мягкія и пухлыя, выпускающія струю воды, когда ихъ берутъ въ руку. Темно-сѣрыя, не то коричневыя, по меньше фута длиной, напоминающія ливерную колбасу—эти моллюски довольно отвратительны, и потому болѣе двухъ штукъ мы съ собою не взяли.

Вернувшись на судно, перепачканные, съ ведромъ живыхъ существъ, собрали мы офицеровъ и стали демонстрировать имъ трофеи ловли. Изъ-за спинъ нашихъ товарищей выглядывали любопытныя лица матросовъ. Насладившись вдоволь разсматриваніемъ всей дряни, находившейся въ лоханкѣ (изъ ведра все перелили въ лоханку), мы отдали акваріумъ командѣ.

Устрицъ, впрочемъ, отобрали, собираясь устроить хорошую закуску къ обѣду.

Лейтенантъ Г. вскрылъ одну изъ нихъ и, проглотивъ, заявилъ, что превосходно. Страннымъ показался мнѣ торчащій изъ нея лепестокъ, да и поверхность ракушки была не бѣлая, какъ у тѣхъ, которыя мнѣ доводилось ѣсть, а перламутровая. Однако, послѣ заявленія Г., всѣ ждали закуски.

Ресторатор былъ на берегу, и потому устрицъ къ обѣду не вскрыли, такъ что никто ихъ не ѣлъ. Впослѣдствіи Г. сознался, что онѣ отдавали тиной и на вкусъ были просто мерзостью.

Поставленный на полу-бакѣ акваріумъ началъ издавать невѣроятный запахъ тины и порченой рыбы, и его вылили за бортъ.

До перваго декабря остаемся въ Джибути.

Много идетъ разговоровъ и толковъ о войнѣ, но ни у кого изъ насъ нѣтъ сознанія серьезности нашего похода. Жизнь течетъ, какъ вообще она течетъ на кораблѣ. Плаванье—какъ плаванье. Одно лишь неудобство: на берегу не позволяютъ оставаться послѣ спуска флага (захода солнца). Ученій почти не производится, за исключеніемъ шлюпочныхъ. Съ вечера на всю ночь до утра два сторожевыхъ миноносца уходятъ въ море.

На „Наваринѣ“ 26 ноября былъ устроенъ танцовальный вечеръ. Пригласили мѣстныхъ дамъ съ ихъ мужьями и офицеровъ съ кораблей нашей эксадры. До позднихъ часовъ гремѣлъ оркестръ. Несмотря на торжество, „Наваринъ“, равно какъ и прочія суда, свѣтилъ прожекторами. Сторожевые катеры ходили кругомъ.

1 декабря. Въ началѣ третьяго часа вызвали всѣхъ наверхъ сниматься съ якоря и черезъ полчаса покинули Джибути.

Выстроились въ походный строй: „Жемчугъ“ со „Свѣтланой“ впереди, за ними „Сысой“ съ „Алмазомъ“ въ кильватеръ, далѣе 6 транспортовъ въ двѣ колонны съ миноносцами по бокамъ и два транспорта позади, съ „Навариномъ“ въ замкѣ.

Въ скоромъ времени приказано транспортамъ взять на буксиръ миноносцевъ. У пятерыхъ буксиры лопнули, не выдержавъ напряженія при девяти-узловомъ ходѣ.

Миноносцы подняли пары, отдали буксиры и пошли своими средствами.

Идемъ къ мысу Расъ-Гафунъ (на восточномъ берегу Африки, южнѣе Гвардафуя въ итальянскомъ Сомали).

2 декабря. Утромъ опредѣляли девіацію. Вечеромъ сыграна дробь-атака; вахтенное отдѣленіе разведено по орудіямъ.

3 декабря. Идемъ все тѣмъ же девяти-узловымъ ходомъ Аденскимъ заливомъ.

Миноносцы подошли къ транспортамъ принимать провизію. Погода хорошая; чуть-чуть качаетъ. Къ утру появилось на небѣ созвѣздіе Южнаго Креста. Второй разъ въ жизни приходится мнѣ видѣть эти звѣзды, но равно, какъ и въ первый, не нахожу ничего достойнаго вниманія. Даже сходства съ крестомъ очень мало. Нашъ Ореонъ съ его тремя царями куда ярче и болѣе похожъ на крестъ, нежели пресловутый южный.

Стало прохладнѣе. Офицеры стоятъ вахту въ тужуркахъ, въ кителѣ холодно. На ночь отправляюсь въ каюту.

Вошли въ Индійскій океанъ.

„Горчаковъ“ отсталъ отъ насъ.

4 декабря. Во второмъ часу по-полудни „Жемчугу“ и миноносцамъ приказано отдѣлиться отъ эскадры и идти въ Расъ-Гафунъ. Со спускомъ флага прибыли и мы къ мысу и приготовились къ погрузкѣ угля. „Юпитеръ“ подошелъ къ намъ, собираясь швартоваться. Покачивало. Опасаясь поврежденій, командиръ отказался производить погрузку на зыби. Транспортъ отошелъ. Ночью прибылъ „Горчаковъ“. Адмиралъ приказалъ ему идти по назначенію.

5 декабря. Съ восходомъ солнца перемѣнили мѣсто—подвинулись къ берегу. Здѣсь зыбь была меньше. На этотъ разъ ничто не помѣшало „Юпитеру“ подойти къ намъ.

На голомъ, пустынномъ, песчаномъ берегу виднѣется деревушка. Черныя фигуры копошатся въ пескѣ.

Въ скоромъ времени отъ берега отвалила шлюпка и направилась къ намъ. По мѣрѣ приближенія ея мы стали различать закутанныя въ платки фигуры туземцевъ.

Командиръ разрѣшилъ впустить ихъ на судно.

Шлюпка подошла, и сомалійцы взлѣзли на палубу. Съ босыми ногами, обнаженной грудью, завернутые въ какія-то ткани, каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ по вѣточкѣ какого-то кустарника, съ виду напоминающаго нашъ тальникъ. Этой палочкой они чистятъ себѣ зубы. Повидимому, подобное занятіе вошло у нихъ въ привычку, такъ какъ иные и минуты не могутъ разстаться съ этой зубной щеткой. Нужно замѣтить, что зубы нашихъ гостей блестѣли какъ слоновая кость. У старѣйшаго (судя по виду) болтался на поясѣ большой мечъ въ ножнахъ, по хожій на кухонный ножъ.

Я повелъ ихъ осматривать корабль.

Не безъ нѣкоторой робости спустились они въ жилую палубу, но въ машину идти отказались.

Изъ видѣннаго болѣе всего поразило ихъ зеркало въ моей каютѣ, передъ которымъ они остановились и дѣлали гримасы. Чернокожіе гости пытались мнѣ что-то сообщить, чего я долго не могъ понять, такъ какъ они объяснялись жестами. Наконецъ, услыхавъ слово „Москва“, вспомнилъ исторію погибшаго у здѣшнихъ береговъ въ 1882 году парохода Добровольнаго флота „Москва“. У мѣстныхъ жителей сохранилось воспоминаніе объ этомъ событіи, принесшемъ не мало выгодъ населенію.

Передъ началомъ погрузки сомалитовъ попросили удалиться.

Отстоявъ свою очередь въ угольной пыли, вернулся я къ себѣ, гдѣ, несмотря на каторжную духоту, принялся писать письмо. Въ моей каютѣ находился судовой щенокъ Морька, или, какъ мы его звали, Филька, купленный въ Судѣ; онъ успѣлъ сдѣлаться всеобщимъ любимцемъ. На время погрузки Морьку запирали. Юный и рѣзвый, онъ вертѣлся подъ ногами и легко могъ погибнуть подъ угольнымъ мѣшкомъ или зазѣвавшимся матросомъ.

Къ концу отдыха мы приняли нужныя 158 тоннъ и стали чиститься.

6-го декабря. Въ 9 час. 20 мин. утра вышли изъ Расъ-Гафуна. Дали девяти-узловой ходъ.

Въ полдень по случаю Тезоименитства Государя Императора произвели салютъ въ 31 выстрѣлъ.

Именинникъ Ч., согласно положенію, заказалъ пирогъ, который мы съѣли за трехъ-часовымъ чаемъ.

7-го декабря. Транспорты приняли миноносцевъ на буксиръ.

Суда показываютъ суточный расходъ угля; у насъ онъ равняется 48 тоннамъ.

Во время ночной вахты лейтенантъ Д., вахтенный начальникъ и я разрабатывали программу представленія перехода черезъ экваторъ. Изъ нашей каютъ-компаніи никто, кажется, не былъ въ южномъ полушаріи, а если кто и былъ, то не могъ передать подробностей празднованія перехода. Въ общихъ чертахъ оно каждому моряку извѣстно, но детали приходилось самимъ разрабатывать.

Дѣйствующія лица—Нептунъ и жена его Амфитрида (хотя у Нептуна не было жены по миѳологіи, но за-то была у Поссейдона, того же Нептуна), сынъ ихъ Тритонъ, а затѣмъ нянька, свита и прочіе. Коренастый толстый матросъ Ромашинъ, служившій

до призыва кухоннымъ мужикомъ, или чѣмъ-то въ родѣ помощника повара, казался намъ подходящимъ для роли Нептуна. Его жену надо было выбрать изъ наиболѣе похожихъ на женщину матросовъ. Унтеръ-офицеръ Невѣдомскій, благодаря пискливому голосу и безусому лицу, долженъ былъ прекрасно сыграть Амфитриду; на немъ и остановились. Остальныхъ набрать среди желающихъ не представляло никакого труда.

Разговоръ Нептуна съ вахтеннымъ начальникомъ затѣмъ съ командиромъ и, наконецъ, съ командой долженъ быть въ стихахъ.

Лейтенантъ Д., вахтенный начальникъ С. и я принялись сочинять. Большая часть стиховъ была уже сочинена, когда П. явился мнѣ на смѣну, и я кромѣ вахты, передалъ ему разработку окончанія представленія.

Бутафорскую часть возложили цѣликомъ на П. режиссерскую принялъ на себя я.

Весь слѣдующій день заняты были приготовленіемъ къ переходу. Ромашинъ и Невѣдомскій репетировали роли.

9-го декабря. Во 2-мъ часу раздались звуки барабана. Изъ люка на полу-бакѣ вышелъ Нептунъ подъ руку съ женой. Длинная по-колѣна борода, сдѣланная изъ ворсы, прикрывала до нѣкоторой степени его наготу. На головѣ красовалась желѣзная корона, выкрашенная въ желтый цвѣтъ. На шеѣ крахмальный воротничекъ, на рукахъ и на щиколодахъ манжеты, черезъ плечо лента и трезубецъ въ рукѣ —вотъ и весь костюмъ морского царя.

Амфитрида была также въ коронѣ, изъ-подъ которой спадали длинныя пряди волосъ изъ распущеннаго троса. Вся одежда царицы заключалась въ

одной юбкѣ—повязаннаго вокругъ тальи сигнальнаго флага (М).

Свита состояла изъ почти совершенно нагихъ, разрисованныхъ углемъ тѣлъ.

Важно выступалъ морской царь, опираясь на трезубецъ. Подойдя къ командному мостику, гдѣ кромѣ вахтеннаго начальника находились и всѣ офицеры, собравшіеся смотрѣть на представленіе, онъ остановился и началъ декламировать:

„Третій мѣсяцъ шатаетесь вы по моимъ владѣніямъ,
„Деньги сорите по кабакамъ, да по заведеніямъ,
„Забрались безъ малаго къ самому моему дому,
„А дани не платите мнѣ—царю морскому.
„Ну, да на вашу ораву найду я управу!
„Разсуждать съ вами долго не стану.
„Ведите меня къ капитану.
„Карету, мнѣ, карету!“

Процессія двинулась къ трапу, гдѣ стоялъ автомобиль, сдѣланный изъ бухтъ, тюфяковъ и досокъ. Спереди сидѣлъ шоффферъ. Послѣдній былъ великолѣпенъ и составлялъ гордость П.

Нептунъ съ женой усѣлись и поѣхали по шкафуту. У командирскаго помѣщенія они вышли. Командиръ и завѣдующій встрѣтили морского царя.

Ромашинъ началъ:

„Здравствуй, отецъ командиръ,
„Я надѣлъ свой парадный мундиръ
„И съ супругой, дѣтьми на „Алмазъ“
„Вышелъ къ вамъ сообщить, что обидѣлъ ты насъ.
„Ты съ кораблемъ своимъ вошелъ безъ разрѣшенія
„Въ мои владѣнія.
„Дѣтей и мамокъ напугалъ,
„А дани мнѣ не присылалъ.
„Коль не хочешь гнѣвить меня дольше,
„Дай мнѣ выкупъ—вина, да побольше.“

Командиръ и завѣдующій дали въ выкупъ не по чаркѣ, какъ ожидалъ Ромашинъ, а по золотому.

Лицо у Нептуна приняло радостное выраженіе, да и языкъ развязался. До того онъ говорилъ запинаясь и безъ выраженія, но сцену ссоры съ женой, которую не берусь повторить здѣсь изъ-за обилія нецензурныхъ словъ, встрѣчающихся въ стихахъ, онъ провелъ великолѣпно, равно какъ и Невѣдомскій.

Финалъ заключался въ томъ, что разгнѣванный царь бросаетъ въ воду царицу.

На шкафутѣ былъ устроенъ бассейнъ изъ брезента, куда Ромашинъ бросилъ Невѣдомскаго, и куда попалъ самъ, подхваченный свитой. Во время своего паденія несчастный потерялъ одинъ изъ полученныхъ золотыхъ и пришелъ въ грустное настроеніе. Золотого не нашли даже по окончаніи крещенія, когда выпустили воду изъ бассейна.

Вслѣдъ за Нептуномъ начали купать всѣхъ безъ разбора. Въ воду попалъ и я и прочіе молодые офицеры. Лейтенанты укрылись на мостикѣ; о нихъ вспомнили тогда, когда командиромъ приказано было окончить забаву.

Однако, хитрецы не избѣгли окачиванія. Началось съ вахтеннаго начальника С., и затѣмъ одинъ за другимъ были окрещены всѣ офицеры. Команда, слѣдуя нашему примѣру, обливала кондукторовъ. Веселье скоро было нарушено: въ кочегаркѣ лопнула одна изъ паропроводныхъ трубъ. Машину застопорили, вышли изъ строя, куда вернулись черезъ два часа.

10-го декабря. Миноносцы подошли къ транспортамъ принимать уголь, а мы, тѣмъ временемъ, спустили щитъ и открыли по немъ огонь. Ученіе про-

должалось вплоть до завтрака. Послѣ того, какъ щитъ былъ принятъ на палубу, присоединились къ отряду.

11-го декабря. Погода великолѣпная. Полный штиль. Дымъ изъ трубъ валитъ совершенно вертикально и уходитъ далеко въ высь. Волны уже нѣтъ: круглая бугристая зыбь, изрытая кое-гдѣ мелкой рябью, тихо и бережно приподнимаетъ и опускаетъ насъ, какъ нянька засыпающаго младенца.

Опять становится жарко. Многіе спятъ на полуютѣ.

Заберешься себѣ въ плетеное кресло и смотришь, какъ офицеры одинъ за другимъ выползаютъ изъ своихъ каютъ. Вѣстовые несутъ тюфяки, подушки и одѣяла. Одно неудобство: приходится вставать въ шесть часовъ—время приборки. Команда, вооруженная швабрами, галиками и ведрами, поднимаетъ такой адскій шумъ, что поневолѣ проснешься, да того и гляди обольютъ еще изъ бранспойта.

День значительно удлинился—солнце заходитъ въ половинѣ седьмого. Погода продолжаетъ благопріятствовать. Ученіями и тревогами насъ не утомляютъ.

Ни для кого не секретъ, что идемъ на Мадагаскаръ. О войнѣ вообще и о морскомъ сраженіи въ частности какъ бы забыли, да и не мудрено. Съ выхода изъ Джибути не имѣемъ никакихъ извѣстій. Въ Артурскую эскадру плохо вѣримъ, считая ее напуганной, деморализованной и лишенной храбраго, дѣльнаго флотоводца. Всѣхъ интересуютъ Аргентинскія суда, увидѣть кои въ составѣ эскадры Рожественскаго никто не потерялъ еще надежды.

Въ толкахъ, пересудахъ, разсказахъ и предположеніяхъ проходятъ день за днемъ. Піанола брен-

читъ съ утра до ночи. Большая часть пьесъ настолько заиграна, что противно слушать. По выбору ихъ узнаешь того, кто играетъ, хотя и сидишь у себя въ каютѣ.

По праздникамъ командиръ и завѣдующій приглашаются къ нашему завтраку.

Присутствіе Радлова никому не въ тягость, штабъ его оживляетъ наши ужины.

13-го декабря. Въ пять часовъ утра открылся островъ Коморо. Измѣнили курсъ на SW 74° и затѣмъ мѣняли его еще два раза SW 40° и SO 53°.

14-го декабря. Въ 9 часовъ утра открылся островъ Маіотта.

Миноносцы идутъ на буксирѣ; „Свѣтлана“ опредѣляетъ девіацію.

15-го декабря. Рано утромъ миноносцы отдали буксиры.

Въ 7 часовъ производилось артиллерійское ученіе.

Вскорѣ послѣ подъема флага „Свѣтлана“, „Жемчугъ“ и миноносцы отдѣлились отъ отряда и пошли къ якорному мѣсту.

Транспорты выстроились въ одну кильватерную колонну.

На горизонтѣ показались туманныя очертанія горъ.

Начали разводить пары на катерѣ и приготовляться къ постановкѣ на якорь.

По мѣрѣ приближенія голубой цвѣтъ горъ переходилъ постепенно въ синій и, наконецъ, зеленый.

Всѣ были на верху, слѣдя за разворачивающейся передъ глазами картиной. Никому изъ нашего экипажа не доводилось бывать въ этихъ мѣстахъ.

Въ 1 часъ 20 минутъ вошли въ бухту острова Nossi Be и отдали якорь.

Nossi Be въ 8 миляхъ отъ Мадагаскара, но благодаря островку Nossi Comba, находящемуся между ними, кажется частью Мадагаскара.

Рейдъ имѣетъ два выхода; онъ широкъ и удобенъ. Берега высокіе, нагорные, покрыты яркой зеленью. Въ небольшой долинкѣ, скрытой кокосовыми пальмами и вѣтвистыми мангу, утопаетъ крохотный Helleville.

17-го декабря. Съѣхалъ на берегъ. Затрудненій не дѣлаютъ, требуютъ лишь возвращенія къ спуску флага.

Наша шлюпка подошла къ каменной пристани —молу, длинной косой врѣзавшемуся въ море.

Вотъ мы и на берегу

Справа, у воды тянется длинный лабазъ. Слѣва, сквозь зелень, виднѣется каменное зданіе Messageries Maritimes. Дорога идетъ немного въ гору, сворачиваетъ влѣво между двумя рядами высокихъ мангу и затѣмъ, уже по ровному, ведетъ, прямо къ городу.

Попадаются черные мальгаши, арбы, запряженныя волами, и блѣднолицые французы (впослѣдствіи я узналъ, что климатъ Носси-бе вреденъ, и европейцы съ трудомъ его переносятъ).

По бокамъ аллеи разбросано нѣсколько магазиновъ, преимущественно французскихъ, хотя въ Гельвиллѣ торгуютъ не одни только французы—попадаются индусы и китайцы.

На землѣ валяются пыльные, изъѣденные муравьями, раздавленные плоды мангу, величиной съ крымское яблоко, формой же напоминаетъ фигурную тыкву въ раннемъ ея періодѣ.

Аллея выходитъ на площадь, среди которой выстроенъ деревянный навѣсъ для рынка. Днемъ онъ пустуетъ, но по утрамъ полонъ. Мясники, зеленщи-

ки, продавцы птицъ, все это переполняетъ площадь и забивается подъ навѣсъ. Сбоку два-три магазина и въ глубинѣ кафе съ прохладительными напитками.

Отъ площади начинается городъ, т.-е. одна длинная улица, вторая идетъ параллельно ей. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ онѣ соединены переулками; вотъ и весь Гельвиль—съ небольшую русскую деревню. Большая часть домовъ—хижины мальгашей, хотя попадаются и каменные дома европейцевъ. Въ городѣ нѣтъ ничего интереснаго, поэтому всѣ съѣзжающіе стремятся за городъ. Туда ведутъ порядочныя шоссе, которыми, къ сожалѣнію, нельзя воспользоваться для поѣздокъ, такъ какъ, кромѣ велосипеда П. нѣтъ другого способа передвиженія. Достать лошадь почти невозможно. Немногимъ легче—арбу-запряженную волами. Нѣкоторые любители умудрились, однако, добыть для этой цѣли паланкины.

Узнавъ въ городѣ, что окрестности изобилуютъ кайманами, мы рѣшили воспользоваться слѣдующимъ съѣздомъ и поохотиться.

Купивъ ананасовъ (ихъ здѣсь даютъ двѣ штуки на франкъ) и банановъ, вернулись мы на судно.

18-го декабря. Жара днемъ ужасная. Поставили всюду, гдѣ только возможно, тенты. По ночамъ очень сыро. Команда вся спитъ на верху, однако, частые ночные дожди вгоняютъ ее въ душную палубу. Во время отдыха пріѣзжаютъ торговцы съ бананами, ананасами и мангу. Послѣднихъ команда наѣлась до отвала и на слѣдующій день хворала. Торговцамъ запретили привозить этотъ плодъ, а командѣ приказано носить набрюшники.

Во время отдыха, захвативъ съ собою берданку и двустволку, съѣхали мы съ П. на берегъ искать кайамановъ.

Пошли къ рѣкѣ, которая протекаетъ верстахъ въ четырехъ отъ города. Провожатыхъ мы съ собою не взяли, не стоило, такъ какъ туда ведетъ прекрасное шоссе. По обѣимъ сторонамъ его растутъ невѣдомыя деревья. Крохотныя птички щебечутъ въ листахъ, стрекочутъ кузнечики, разновидныя бабочки порхаютъ надъ цвѣтами. На насъ были надѣты высокіе сапоги, во избѣжаніе укусовъ скорпіоновъ и прочей тропической дряни, которая, впрочемъ, говорятъ, здѣсь не ядовита (отъ нея не умираютъ).

Черезъ часъ ходьбы, во время которой П. натеръ себѣ ногу и захромалъ, мы добрались до небольшого озера, лежащаго въ котловинѣ. Тѣсная кайма кустарника съ торчащими тамъ и сямъ пальмами окружила его почти со всѣхъ сторонъ. Это озеро напомнило мнѣ тѣ котловины, окруженныя ивами, осокорями и тальникомъ, которыя попадаются въ нашихъ заливныхъ лугахъ на Камѣ. Только вода здѣсь ярче—вѣроятно, благодаря синевѣ неба. Незнакомыя мнѣ бѣлыя птицы, похожія на маленькихъ цапель, перелетали съ берега на берегъ. Длиннохвостая, остроносая утка, величиною съ небольшого гуся, летала тутъ же. Вдали слышалось гоготаніе какой-то птицы.

Не успѣли мы обойти и третьей части озера, какъ къ намъ присоединился лейтенантъ В. съ „Свѣтланы“, и мы продолжали путь втроемъ. Наконецъ, разглядѣли по близости, въ густой зелени, рѣченку и опустились къ ней. Мы полагали, что здѣсь-то и водятся крокодилы.

Какъ ни томила насъ жажда, но пить изъ рѣки, въ мѣстности, гдѣ желтая лихорадка скашиваетъ ежегодно изрядное количество людей, никто не

рѣшился. Пробираться къ водѣ было не легко. Ноги скользили по склону, высохшая трава царапала руки. Приходилось цѣпляться за сучья и вьющіяся растенія, которыя часто сбрасывали съ насъ шлемы.

Ни одного каймана не видѣли.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы присѣли отдохнуть, рѣчка была шириною не болѣе пяти саженъ. Вода еле двигалась. Сонная рыбка, величиною съ окуня, стояла у самаго берега. По вязкой почвѣ, истыканной норками, бѣгали маленькіе крабы, копошились лапчатые головастики, ни то лягушки, ни то рыбки. Изъ кустовъ спустилась какая-то птица, вродѣ нашихъ погонышей. В. ее застрѣлилъ. Взятый имъ въ качествѣ оруженосца чернокожій мальчуганъ согласился за франкъ достать ее съ противоположнаго берега. Онъ боялся каймана. Когда же юнецъ перешелъ нашу рѣчку и мы увидѣли, что вода не доходитъ ему даже до колѣнъ, то потеряли всякое уваженіе къ мѣсту, гдѣ раньше предполагали присутствіе крокодиловъ, и поспѣшили домой; къ тому же солнце, скатываясь все ниже и ниже, напоминало намъ объ обѣденномъ времени и шлюпкѣ, отходящей въ $6^1/_2$ часовъ.

Я поднялся съ сучка, на которомъ сидѣлъ, и, приглашая спутниковъ за собою, сталъ выкарабкиваться изъ заросшаго оврага. Однако, П. и В. облѣнились, сидя у воды, и не трогались съ мѣста. Подойдя къ озеру, я услыхалъ ауканіе моихъ товарищей и вскорѣ замѣтилъ ихъ на противоположной сторонѣ; но я не ждалъ и медленно двинулся къ городу.

Сильная жажда давала себя чувствовать. Многое отдалъ бы за стаканъ холоднаго квасу. Черезъ часъ

ходьбы добрался до Гельвиля и зашелъ въ кафе, гдѣ выпилъ залпомъ цѣлую бутылку сквернаго лимонада. Кафе былъ полонъ. Офицеры съ нашихъ судовъ въ бѣлыхъ портъ-саидскихъ кителяхъ, безъ погонъ, сидѣли кругомъ столовъ и пили пиво, лимонадъ, воду съ гренадиномъ, cherry-coblery и другіе прохладительные напитки, до воды со льдомъ включительно.

Хотѣлось отдохнуть, но время выходило, и я въ обществѣ Ч. и М., оказавшихся тутъ же, побрелъ къ шлюпкѣ. Въ началѣ седьмого часа я былъ уже на крейсерѣ.

П. прибылъ во время нашего обѣда усталый и измученный. Онъ привезъ хамелеона, котораго самъ поймалъ. Въ первый разъ довелось мнѣ увидѣть эту забавную ящерицу. Размѣромъ, считая хвостъ, немногимъ болѣе фута. Этотъ гадъ раскрывалъ пасть и шипѣлъ, когда его трогали, причемъ мѣнялась его окраска: изъ нѣжно-зеленой она переходила сначала въ болѣе темную, а затѣмъ коричневую. Больше всего насъ занимали глаза хамелеона: крохотные, посаженные на вращающихся яблокахъ и несвязанные между собою. Благодаря этому маленькое чудовище можетъ смотрѣть одновременно на разные предметы, пока одинъ глазъ направленъ вверхъ, другой смотритъ внизъ или въ бокъ. Цѣлую ночь провелъ хамелеонъ безъ привязи у насъ въ каютъ-компаніи въ углу на старой корзинкѣ изъподъ цвѣтовъ (презентованной „Алмазу“ еще въ прошлогоднюю компанію въ Алжирѣ), и никакого стремленія уйти не обнаружилъ.

Старшимъ офицеромъ куплена для команды обезьянка породы „Маки“ съ собачьей мордочкой и длиннымъ, пушистымъ, въ черныхъ кольцахъ, хво-

стомъ. „Коко“, такъ назвали ее, охотно взбирается на плечо, но въ руки не дается, издавая особое стрекотаніе каждый разъ, какъ собираешься его взять.

19-го декабря. До насъ дошло грустное извѣстіе о взятіи Портъ-Артура. Хотя и слѣдовало ожидать подобной развязки, но все же долгое упорство Стесселя вселяло въ насъ нѣкоторую надежду.

Объ Артурской эскадрѣ, затопленной на рейдѣ, говорили со злобой. По этой части въ каютъ-компаніи полное единодушіе. Не ожидая помощи отъ Артурскихъ моряковъ, мы все же надѣялись, что часть японской эскадры должна быть отвлечена крѣпостью и тѣмъ самымъ обезпечитъ Рожественскому побѣду надъ другой частью.

Въ 4 часа вступилъ на вахту. Съ первыхъ же дней П. и меня включили въ общій кругъ.

Въ 8 часовъ, когда я смѣнился, за мной пришелъ катеръ со „Свѣтланы“ съ мичманомъ Т. Я поѣхалъ. С. и П. были уже тамъ. Каютъ-компанія „Свѣтланы“ очень симпатична. Старшій офицеръ умный, очаровательный и воспитанный человѣкъ. Кромѣ Т. на „Свѣтланѣ“ находится мой бывшій соплаватель лейтенантъ Б., а также В., съ которымъ я познакомился въ Судѣ, а затѣмъ встрѣтилъ его на охотѣ за кайманами.

Пообѣдавъ въ обществѣ смѣнившагося съ вахты Б. и посидѣвъ съ часъ времени, вернулись мы втроемъ на „Алмазъ“.

20-го декабря. Получено извѣстіе отъ Рожественскаго изъ St. Marie (островъ по ту сторону Мадагаскара). Адмиралъ требуетъ нашего выхода.

Носится слухъ о появленіи на островѣ Чагосъ японскихъ крейсеровъ.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ соединенія съ главными силами. Однако, Фелькерзамъ проситъ разрѣшенія остаться еще недѣлю.

„Если Рожественскій требуетъ, значитъ нужно!“ —говорятъ поклонники адмирала.—„Не за чѣмъ медлить“. Я присоединяюсь къ нимъ и негодую на нашего начальника. Ночью легъ спать по обыкновенію на ютѣ. Къ утру меня разбудилъ „Коко“, Обезьянка забралась на мою подушку, обхватила мою голову лапками и начала ее чесать клыками. Быть можетъ, почесываніе и пріятно, но грязныя лапки „Коко“, бѣгающаго по палубѣ, оставили слѣды на моемъ лицѣ и на подушкѣ. Я прогналъ его. Обезьяна ходитъ по всему кораблю и не мало потѣшаетъ насъ. Къ „Морькѣ“ относится враждебно и кусается каждый разъ, какъ щенокъ подходитъ къ ней. Однажды Коко такъ искусалъ Морьку, что доктору пришлось наложить швы. Изъ-за этого многіе и не взлюбили лемура.

21-го декабря. Уволили часть команды на берегъ гулять. Пускаютъ утромъ до обѣда. Въ назначенное время вернулись всѣ и даже въ порядочномъ видѣ.

Грузили уголь на „Китай“. Съ четырехъ часовъ дня и до девяти вечера пробылъ я тамъ (погрузка на чужихъ корабляхъ производится вяло).

Продолжалась она и 22-го. „Свѣтлана“, миноносцы „Бодрый“ и „Бѣдовый“ ушли по особому назначенію.

24-го декабря. (Сочельникъ). Къ намъ пріѣхали какіе-то нѣмцы и французы (подлѣ Helleville есть нѣмецкая колонія въ нѣсколько домиковъ, куда мы даже заходили наканунѣ). По случаю ихъ пріѣзда затѣяли крюшонъ, и какъ водится на флотѣ, стара-

лись напоить, въ чемъ и преуспѣли. Напаивая другихъ, не забывали и себя. С., Г., П. и М. выпили со мною на брудершафтъ. Я велъ жизнь трезвую, чѣмъ вызывалъ иногда насмѣшки своихъ соплавателей, но ради этого случая пришлось выпить лишнее, о чемъ сожалѣлъ во время своей „собаки“ (вахта съ 12 ч. ночи до 4). Глаза у меня слипались. Желая разогнать сонъ, я ходилъ по темной палубѣ, лавируя между спящими. Матросы такъ разложатся, оставляя небольшіе проходы, что того и гляди наступишь кому-нибудь на ногу или на щеку. За полъ-часа до окончанія вахты я соблазнился плетенымъ кресломъ завѣдывающаго, мимо котораго не разъ проходилъ за эту безконечную вахту, и сѣлъ...

Когда я открылъ глаза, было уже свѣтло. Передо мною стоялъ лейтенантъ Г., явившійся на смѣну. Я взглянулъ на часы—было около шести. Г. продолжалъ стоять, не говоря ни слова, и глядѣлъ на меня. На его лицѣ я прочелъ не только изумленіе, но и нѣкоторое удовольствіе. „Ну, и стоите же вы вахту!“—сказалъ онъ и разсмѣялся, обычнымъ звучнымъ и заразительнымъ смѣхомъ.

Вамъ же меньше стоять!—отвѣчалъ я ему.

— Положимъ, такъ; однако, что у васъ, какъ?

— Шестерка на правомъ шкеншелѣ, катеръ на бакштовѣ, завѣдующій и командиръ дома...

— Команду будили? какое отдѣленіе на вахтѣ?

— Не знаю, сейчасъ спрошу у вахтеннаго.

— А книжка приказаній есть?

— Тамъ, въ рубкѣ.

— Ну хорошо, хорошо, ступайте, я уже самъ все тамъ узнаю, покойной ночи или, вѣрнѣе, утра!—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.

Я прошелъ къ себѣ въ каюту, такъ какъ на ютѣ не выспишься: „барабанщики по палубамъ!“ и затѣмъ „бей на молитву!“—донеслось до моего слуха.

25-го декабря. Въ 8 часовъ утра безпроволочный телеграфъ принесъ къ общей радости вѣсти съ „Нахимова“. Крейсеры вскорѣ показались: „Нахимовъ“, „Аврора“ и „Донской“. На головномъ шелъ Энквистъ.

Въ 9 час. 50 мин. они стали на якорь.

Полагая, что отрядъ пришелъ въ Носси-бе за нами, отдано приказаніе разводить пары, съ расчетомъ сняться съ якоря на слѣдующее утро.

Передъ командным обѣдомъ, по пробитіи сбора, командиръ и завѣдывающій поздравляли команду съ праздникомъ Рождества Христова.

Старшій офицеръ лейтенантъ Д. произведенъ въ капитаны 2-го ранга—надѣлъ погоны и принималъ поздравленія.

Офицеры съ прибывшихъ крейсеровъ пріѣзжали къ намъ и разсказывали о своемъ плаваніи кругомъ Африки, о слухахъ, будто-бы насъ разбили японцы при выходѣ изъ Краснаго моря. Особенно забавнымъ казалось намъ, что они вѣрили въ свое время этимъ слухамъ.

Въ 8 час. вечера командѣ устроили елку.

За отсутствіемъ подходящаго дерева воспользовались срубленной на берегу пальмой. Минеры разукрасили ее электрическими лампочками.

Въ командирскій кабинетъ, выходящій окнами на шканцы, принесли граммофонъ и подъ звуки этого инструмента команда ходила кругомъ дерева и получала подарки по жребію (вязанки, форменки, платки, щетки, было даже нѣсколько штукъ карманныхъ часовъ).

Послѣ раздачи подарковъ допущены танцы подъ гармонику. Начался топотъ, отбиваніе дробей, прищелкиваніе и т. п. характерные звуки нашего народнаго танца. Пуще всѣхъ старался недавній морской царь.

Въ десятомъ часу „елку“ потушили, убрали и черезъ нѣкоторое время вызвали „всѣхъ на верхъ“ поднимать катера.

Пошелъ проливной дождь.

Въ 11 часовъ роздали койки.

26-го декабря. Въ половинѣ шестого снялись съ якоря и вступили въ кильватеръ „Сисою“. Черезъ полчаса получили телеграмму „Свѣтланы“ о томъ, что Рожественскій идетъ въ Носси-бе, послѣ чего Фелькерзамъ повернулъ въ бухту, и въ 7 часовъ мы вернулись на прежнее мѣсто.

„Жемчугъ“ остался въ морѣ опредѣлять девіацію.

Въ 8 час. получили телеграммы „Свѣтланы“: „Командующій эскадрой приказалъ передать адмиралу Энквисту остаться на якорѣ“, и затѣмъ—„Командиръ эскадры проситъ телеграфировать начальнику морской части Діэго-Суарецъ, чтобы капитанъ 2-го ранга Витте, съ указанными ему угольщиками направился къ адмиралу на соединеніе, а также выслать какой-нибудь миноносецъ на параллель поворота въ Носси-бе“.

Въ 9 час. 30 мин. на горизонтѣ показалась „Свѣтлана“.

Вернулся „Жемчугъ“.

Миноносецъ „Блестящій“ ушелъ къ выходу изъ пролива.

„Свѣтлана“ вошла на рейдъ и отдала якорь.

Около трехъ часовъ получили телеграмму съ „Суворова“.

— „Возможно, что командующій эскадрой сегодня не войдетъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы все время миноносецъ былъ на указанномъ мѣстѣ".

Къ вечеру пришелъ буксирный пароходъ „Русь" (бывшій „Ролландъ"). Ночью на рейдъ вошелъ „Орелъ", госпитальное судно Краснаго Креста.

Съ „Сисоя" передали: „ожидать адмирала завтра утромъ".

27-го декабря. Рано утромъ на горизонтѣ показались дымки эскадры Рожественскаго.

Офицеры и команда высыпали на полубакъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили мы за появляющимися судами, считали и пересчитывали, надѣясь увидѣть среди нихъ аргентинцевъ.

Эскадра приближалась.

Обрисовываются знакомыя очертанія грозныхъ однотипныхъ броненосцевъ, видна уже ярко-желтая окраска ихъ трубъ. Одного за другимъ узнаемъ всѣхъ покинутыхъ въ Танжерѣ товарищей — все знакомые — лишнихъ нѣтъ.

Надежда на аргентинцевъ рухнула...

Величественно входятъ на рейдъ „Суворовъ", Александръ III", „Бородино", „Орелъ", „Ослябя", „Камчатка", „Анадырь", „Корея", „Малайя" и „Метеоръ".

Громкое „ура" нашихъ командъ встрѣчаетъ прибывшихъ.

Съ „Суворова" машутъ фуражками, платками, кричатъ „ура", оркестры играютъ марши.

Въ 10 час. 50 мин. всѣ суда разомъ отдаютъ якорь. Слышится грохотъ каната и плескъ воды; откидываются выстрѣла, на полубакахъ взвиваются гюйсы.

Рейдъ оживился еще болѣе. Жителямъ Гельвиля едва ли доводилось видѣть у себя подобное скопленіе судовъ.

Настроеніе сразу поднялось. Почувствовалось присутствіе начальника, престижъ котораго былъ очень высокъ. Всѣ подбодрились, подтянулись.

Съ прибытіемъ командующаго сообщеніе между судами послѣ спуска флага запрещено, за исключеніемъ грузящихъ уголь чужими командами. (Въ этотъ же день наша 2-я вахта грузила уголь на „Юпитеръ“ и вернулась въ 10 часовъ).

28-го декабря. Стоялъ вахту съ 12—до 4 дня.

Пришелъ „Уралъ“, вспомогательный крейсеръ, передѣланный изъ купленнаго у „Гамбурга-Америка-линіи“ парохода. Онъ вышелъ изъ Европы вмѣстѣ съ „Олегомъ“, но обогналъ его.

На „Уралѣ“ есть необычайно сильный безпроволочный телеграфъ. Еще задолго до появленія судна на горизонтѣ мы знали о его приближеніи, а также о почтѣ, имѣющейся на крейсерѣ.

Едва успѣлъ „Уралъ“ отдать якорь, какъ его окружили шлюпки со всѣхъ судовъ, присланныя за почтой.

Въ 4-мъ часу возвратилась и наша шестерка съ писарями. Письма были ноябрьскія — октябрьской почты не оказалось.

Получивъ два письма, я забился къ себѣ въ каюту и принялся за чтеніе. Душно. Ни малѣйшаго движенія воздуха, хотя окошко открыто (окно мое выходитъ на палубу). По тенту, растянутому подъ шкафутомъ, барабанитъ дождь. Гремитъ громъ. Впрочемъ, онъ гремитъ каждую ночь. Каждую ночь идутъ дожди, которые выгоняютъ меня съ юта. Лежишь весь мокрый и лишь въ крайности возвращаешься въ каюту, гдѣ крысы и тараканы, а въ послѣднее время появились даже клопы.

29-го декабря. Сообщеніе между судами съ захо-

домъ солнца совершенно запрещено. Наша команда, грузившая уголь на „Юпитеръ“, вернулась въ 6 часовъ утра.

30-го декабря. На „Бородино“ умерло два матроса (задохнулись въ боковыхъ корридорахъ). Хоронили ихъ въ морѣ. Оркестры играли „Коль славенъ“, пока катера съ тѣлами проходили мимо всѣхъ судовъ.

31-го декабря. Хоронили прапорщика съ „Урала“, убитаго стрѣлой, оборвавшейся во время угольной погрузки. Тѣло свезли на берегъ и похоронили на кладбищѣ.

Пришелъ „Терекъ“ (обращенный въ крейсеръ пассажирскій пароходъ, купленный у „Гамбургъ-Американской линіи“), привезъ почту.

„Алмазъ“ снялся съ якоря и подошелъ къ „Горчакову“ грузиться. Въ то время, какъ мѣшки съ углемъ волочились по палубѣ, черная ѣдкая пыль столбомъ поднималась надъ кораблемъ, забиваясь всюду; бѣлые кителя обращались въ сѣрые. На ютѣ сидѣлъ лейтенантъ Гирсъ съ „Орла“. Съ большимъ интересомъ слушали мы его разсказы о походѣ кругомъ Африки; вспомнили, кстати, и Гулльскій инцидентъ. „Миноносцевъ — говорилъ онъ — мы не видѣли, а стрѣляли по пароходу, который, несмотря на выстрѣлы, продолжалъ идти намъ на пересѣчку и только на самомъ близкомъ разстояніи свернулъ и пошелъ встрѣчнымъ курсомъ“.

Отъ разсказовъ перешли къ спорамъ и толкамъ. Изъ полученныхъ газетъ узнали о письмахъ Кладо и вотъ разбирали ихъ.

Присылка оставшихся въ Балтійскомъ морѣ судовъ въ помощь намъ меня радовала. Еще до выхода изъ Кронштадта я удивился, что ихъ не посылаютъ вмѣстѣ съ нами. Моряки выслушивали

мое замѣчаніе и, снисходительно улыбаясь, называли меня штатскимъ человѣкомъ. Теперь я торжествовалъ.

Говорилось, между прочимъ, о находящейся на Чагосѣ японской эскадрѣ. Откуда появилась эта утка?.. Причемъ указывали не только на число, но и на названіе кораблей, ожидающихъ насъ у острова. Погрузка продолжалась до позднихъ часовъ. Только къ полуночи ее окончили, но палубу не прибрали.

Въ 12 часовъ по петербургскому времени (разница немногимъ болѣе часу) офицеры встрѣтили новый годъ.

Я стоялъ вахту. Мнѣ принесли въ штурманскую рубку рюмку водки, закусокъ и бокалъ шампанскаго. Закуску я съѣлъ, шампанское выпилъ, но водки не тронулъ; такъ простояла рюмка всю вахту и опорожнилась на слѣдующей.

Когда я смѣнился, то въ каютъ-компаніи никого уже не было. На столѣ виднѣлись слѣды недавняго ужина. Изобиліе стакановъ и пустыхъ бутылокъ свидѣтельствовало о возліяніи. Среди корокъ хлѣба и сыра копошилась крыса. Увидѣвъ меня, она соскочила и спряталась за піанино.

1-го января. *) Въ 8 часовъ утра отошли отъ „Горчакова“. Палубу начали скачивать.

Въ 3 часа адмиралъ Энквистъ со штабомъ перешелъ къ намъ. Завѣдующій переселился на транспортъ „Кіевъ“. Адмиралу, повидимому, нравится у насъ. Тяжело, вѣроятно, пришлось на „Донскомъ“ и „Нахимовѣ“; то ли дѣло въ великолѣпномъ Алексѣевскомъ помѣщеніи!

Однимъ изъ первыхъ отданныхъ имъ приказаній было—не ставить меня на вахту. Старшій офицеръ

---

*) 1905 г.

сообщилъ мнѣ объ этомъ въ очень деликатной формѣ, боясь обидѣть. Чагинъ также счелъ нужнымъ сказать мнѣ нѣсколько словъ, изъ коихъ я вывелъ, что командиръ не раздѣляетъ мнѣнія адмирала.

Въ душѣ я былъ очень радъ. Быть можетъ, лестно стоять самостоятельную вахту, но не весело.

2-го января. Утромъ пустили на берегъ 15 человѣкъ команды.

Послѣ отдыха 2-ое отдѣленіе послано грузить уголь на „Уралъ“. Офицеры, раздѣлившись на двѣ смѣны, дѣлали визиты. Во вторую очередь попалъ и я. Побывали на „Ослябя“, „Сисоѣ“, „Наваринѣ“, „Анадырѣ“, „Донскомъ“, „Нахимовѣ“, „Жемчугѣ“ и „Камчаткѣ“. Всюду встрѣчали насъ, по положенію, то-есть бокалами теплаго шампанскаго.

На „Камчаткѣ“, конечно, говорили о случаѣ у Доггеръ-банка. Старшій офицеръ корабля-мастерской собственными глазами видѣлъ миноносца.

На „Анадырѣ“ лейтенантъ Д. также видѣлъ миноносца, хотя присутствія рыбацкихъ судовъ не отрицалъ.

6-го января. Съѣхалъ на берегъ въ обществѣ П.

Взяли съ собою ружья; хотя первое похожденіе на каймановъ и охладило наше рвеніе къ охотѣ, но разсказы другихъ о видѣнныхъ ими чудовищахъ снова возбудили въ насъ желаніе попытать счастье.

По пути П. стрѣлялъ разныхъ пташекъ, едва ли съѣдобныхъ, хотя наши проводники-мальчишки говорили: „c'est bon, tres bon“.

Подходя къ озеру, одинъ изъ мальчугановъ воскликнулъ: „Caïman, caïman!“ и указалъ пальцемъ на темную полоску величиной съ футъ, находящуюся на поверхности воды. Я отнесся недовѣрчиво, но тутъ же убѣдился въ правдивости его словъ: пла-

вающій предметъ погрузился. Мы стали ждать. Не прошло и минуты, какъ тотъ же предметъ снова появился и на этотъ разъ онъ двигался. Я вскинулъ ружье и выстрѣлилъ. Фонтанъ воды поднялся у самой головы каймана, и одновременно всплеснуло что-то позади. Чудовище вильнуло хвостомъ и нырнуло.

По-моему, экземпляръ едва ли былъ болѣе двухъ аршинъ, П. увѣрялъ, что въ сажень, а мальчуганы, качая головами и закрывая глаза, шептали: „tres grand, tres grand".

Однако, понятіе о величинѣ у насъ съ ними было разное. Когда я спросилъ мальчугана, крупны ли здѣсь кайманы, то двѣ разставленныхъ аршина на полтора одна отъ другой руки спутника были мнѣ отвѣтомъ.

Съ озера вышли мы на дорогу и подошли къ мосту черезъ рѣчку. Здѣсь опять увидѣли небольшого каймана, который скрылся, прежде чѣмъ я успѣлъ выстрѣлить.

Пошли вдоль рѣчки. По берегу бѣгали крабы. При нашемъ приближеніи они быстро прятались въ норки. Стоило остановиться, и черезъ нѣкоторое время они снова выползали изъ своихъ жилищъ.

Пошелъ дождь. Спрятались подъ дерево. Однако, несмотря на прикрытіе, мы промокли до костей. Вскорѣ дождь пересталъ, показалось солнце и обсушило насъ.

Почувствовавъ жажду, мы подошли къ лачугамъ, расположеннымъ невдалекѣ. У одной изъ нихъ сидѣлъ черный старикъ. Кое-какъ стали объяснять ему, что хотимъ выпить кокосоваго молока. Серебряная монета, скользнувшая въ его руку, сдѣлала чернокожаго болѣе понятливымъ. Покуда онъ пошелъ за ножомъ, одинъ изъ нашихъ мальчугановъ вскарабкался на пальму. Два крупныхъ орѣха, ве-

личиной съ порядочную дыню, грузно шлепнулись на землю. Принесеннымъ ножомъ срѣзали верхнюю часть, и мы утолили жажду.

Изъ остальныхъ домиковъ вылѣзло нѣсколько женщинъ. Съ любопытствомъ уставились онѣ на насъ. Отдавъ остатки молока провожатымъ, двинулись мы въ обратный путь.

7-го января. Начались ненавистныя мнѣ шлюпочныя катанія. По сигналу съ „Суворова“ шлюпки со всѣхъ судовъ обходятъ эскадру. Прескучно тащиться подъ веслами. Однако, моряки утверждаютъ, что это очень полезно.

Ѣздилъ завтракать на „Александръ III“ съ М. и К.

Въ четвертомъ часу вернулись къ вторичному шлюпочному ученію. Обошли эскадру, и возвращаясь утомленные, узнали, что адмиралъ приказалъ обойти еще разъ. Гребцы стали макать весла, шлюпки ползли, обманывая, гдѣ только можно, то-есть, не обходя стоящихъ далеко отъ „Суворова“ кораблей или же заслоненныхъ другими.

8-го января. Устроили завтракъ, на который пригласили нѣсколько офицеровъ съ „Александра III“, „Свѣтланы“, „Донского“ и „Бородино“.

Было выпито изрядное количество вина. Многіе оказались на-веселѣ, когда старшій офицеръ принесъ кресты отъ Гроба Господня, присланные Аѳономъ. Такъ какъ ихъ было всего три, то приходилось тянуть жребій.

Я предлагалъ отложить на завтра, когда винные пары улетучатся, но М. не согласился, сталъ говорить рѣзкости, а старшій офицеръ его поддержалъ. Вытянули С. и я. Моя удача подзадорила М., который заявилъ, что уступитъ мнѣ крестъ, если ему выпадетъ жребій.

Третій крестъ достается ему. М. передаетъ его мнѣ, а я уступаю старшему офицеру.

На слѣдующее утро М. сожалѣлъ объ уступкѣ креста, и старшій офицеръ отдалъ его обратно.

10-го и 11-го января. За послѣднее время дожди стали еще чаще. Льютъ съ утра до ночи съ небольшими перерывами. На ютѣ спать невозможно. Крупныя капли просачиваются черезъ тентъ. На воздухѣ все же не холодно—ходимъ въ кителяхъ. Погода не мѣшаетъ производить шлюпочныя ученія.

Офицерамъ приказано занести въ свои записныя книжки силуэты японскихъ кораблей.

Въ тотъ же вечеръ я нанесъ всѣ 33 судна; большая же часть офицеровъ пренебрегла приказаніемъ адмирала.

Во время обѣда на „Свѣтланѣ“ раздался выстрѣлъ. Всѣ переполошились. Оказалось, что по неосторожности комендора выстрѣлило 75 мм. орудіе. Снарядъ пролетѣлъ мимо нашего миноносца и ударилъ въ берегъ, не причинивъ никому вреда.

Пришелъ пароходъ-рефрежираторъ „Esperence“ зафрахтованный евреемъ Гинцбургомъ. Рефрежираторъ на немъ испортился *), и мясо начало гнить.

Приказано принять оставшееся годнымъ.

Порченыя туши выбрасывались въ море. Приборемъ ихъ заносило на берегъ, гдѣ онѣ разлагались и заражали воздухъ.

Нашъ рестораторъ собирается вернуться въ Россію и отказывается кормить.

Приходится выбирать среди офицеровъ каютъ-компаніона. Выбрали меня. Отказаться нельзя.

12-го января. Энквистъ уходилъ въ море на „Те-

---

*) Многіе полагали, что не обошлось безъ подкупа.

рекѣ". Пользуясь его отсутствіемъ, меня поставили на вахту. Въ три часа съ „Суворова" былъ сигналъ: „приготовиться судамъ сняться съ якоря завтра въ 8 часовъ утра". Многіе вообразили, что на слѣдующее утро назначенъ уходъ; поднялся переполохъ. Немедленно меня, какъ каютъ-компаніона, отправили подъ проливнымъ дождемъ на берегъ закупать провизію. Однако, вечеромъ выяснилось, что мы отправляемся не въ дальній путь, а просто практиковаться въ стрѣльбѣ.

13-го января. Въ 8 часовъ утра снялись съ якоря и вышли въ море. „Нахимовъ" наскочилъ на катамаранъ съ аборигенами. Катамаранъ (родъ пироги) перевернулся, и чернокожіе очутились въ водѣ. „Нахимовъ", по положенію, произвелъ пушечный выстрѣлъ, застопорилъ машину, сбросилъ буйки и принялся спускать шестерку, находящуюся въ ростраxъ. Большая часть шлюпокъ оставлена имъ на берегу, такъ какъ онѣ мѣшаютъ стрѣльбѣ.

„Алмазъ" шелъ за „Нахимовымъ" и проявилъ полное отсутствіе распорядительности, остановившись въ почтительномъ отдаленіи. Въ концѣ-концовъ мы все-таки спустили вельботъ и вытащили чернокожихъ. Приказано отправить ихъ на берегъ, буксируя и перевернутый катамаранъ.

Съ вельботомъ ушелъ нашъ артиллерійскій офицеръ, котораго не дождались. Стрѣльба производилась подъ наблюденіемъ лейтенанта С.

Въ шестомъ часу вернулись на рейдъ и стали по новой диспозиціи, значительно дальше отъ берега.

15-го января. Потупчиковъ *) сдалъ мнѣ оставшуюся провизію и покинулъ насъ.

---

*) Ресторатеръ.

Энквистъ перенесъ флагъ на „Свѣтлану“ и съ утра ушелъ въ море.

Пользуясь отсутствіемъ адмирала, мы пригласили сестеръ съ „Орла“ В. и П.

Въ 11 часовъ С. и я были на „Орлѣ“ и, усадивъ сестеръ на катеръ, доставили ихъ на „Алмазъ“.

Завтракъ былъ параднѣе обыкновеннаго, но все же хуже, чѣмъ данный 8-го. Мы полагали, что дамы толка въ ѣдѣ не понимаютъ и потому трюфелей не дали, за то угощали ананасами и граммофономъ. Послѣ завтрака показали достопримѣчательность нашего корабля—адмиральское помѣщеніе, а затѣмъ сидѣли на ютѣ.

Въ 4 часа отвезли гостей.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда вернулась „Свѣтлана“ съ Энквистомъ.

16-го января. Воскресенье. Тридцать человѣкъ команды отправили къ обѣднѣ на „Свѣтлану“. Я выразилъ желаніе ѣхать съ ними.

Капитанъ З. предлагалъ мнѣ остаться у нихъ завтракать, я поблагодарилъ, но вернулся къ себѣ. Энквистъ сидѣлъ уже у насъ за столомъ.

17-го января. Было еще темно, когда меня разбудилъ стоявшій на вахтѣ П. Съ вечера я легъ поздно, и теперь вставать не хотѣлось. Однако, надо ѣхать закупать провизію. Какъ ни противны эти ранніе съѣзды на берегъ, но я благодаренъ имъ за то, что освобождаюсь отъ утреннихъ хожденій на вельботѣ кругомъ эскадры.

Сидишь себѣ дурнемъ и рѣшительно не понимаешь, для чего сосѣди изъ кожи лѣзутъ, стараясь обогнать другъ друга.

Подъ дождемъ сѣлъ я на катеръ, подъ дождемъ добрался до берега и вышелъ, сопутствуемый моимъ

вѣстовымъ Лужинскимъ, исправляющимъ одновременно обязанности буфетчика, и Ромашинымъ, замѣнившимъ повара. Нашъ вольный поваръ, такъ же какъ и Потупчиковъ, уклонился отъ дальнѣйшаго, уже опаснаго, путешествія.

Когда мы пристали къ молу, нѣсколько шлюпокъ съ другихъ судовъ находилось уже тамъ.

Каютъ-компаніоны спѣшили опередить одинъ другого. На рынкѣ была толчея.

Баклажаны, помидоры, огурцы и прочая зелень раскупалась мгновенно. Не успѣвшій запастись ею на рынкѣ, принужденъ былъ платить втридорога въ магазинахъ Рувье, Мортажъ и Лякамюза.

Особенно трудно было достать молоко. Ради этого приходилось оставаться на берегу до 10 часовъ, когда появлялись молочники. На нихъ набрасывались и, стоило чуть-чуть зазѣваться или поделикатничать, какъ возвращаешься съ пустыми жестянками. Прибѣгали къ хитрости: такъ какъ молоко несли съ фермъ, находящихся за городомъ, то я посылалъ Лужинскаго или Ромашина къ околицѣ стеречь.

Какъ хищные звѣри, нападали они изъ-засады на чернокожаго, несущаго корзины съ бутылками. Съ прочихъ судовъ дѣлали то же самое. Вся суть удачи заключалась въ томъ, чтобы обмануть другихъ, не показать вида, что ожидаешь молочника.

Куръ, утокъ и даже мясо достать было легче, хотя послѣднее приходилось иногда заказывать наканунѣ или же являться на рынокъ пораньше.

Мясо, принятое съ „Esperence“, чудное съ виду, отдавало саломъ, и его браковали.

Ананасы значительно вздорожали. Ихъ не хватало на эскадру, и потому продавали незрѣлые.

Къ бананамъ мы такъ привыкли и полюбили ихъ, такъ что разъ въ день за завтракомъ либо за обѣдомъ они подавались на сладкое.

18-го января. Дождь. Въ 7 часовъ утра снялись съ якоря и, вступивъ въ кильватеръ „Нахимову", пошли на стрѣльбу и эволюціи. Развѣдочный отрядъ вышелъ нѣсколько раньше. На небольшой зыби, подъ моросящимъ дождемъ, сбросили щиты, и началась стрѣльба.

На одномъ изъ галсовъ „Суворовъ" поторопился, не далъ „Донскому" времени зайти и влѣпилъ въ него 75 мм. снарядъ.

Опять приходится удивляться счастью, а, быть можетъ, безвредности нашихъ снарядовъ *). Попавъ въ задній мостикъ, онъ выворотилъ нѣсколько палубныхъ досокъ, срѣзалъ двѣ ножки у сигнальнаго столика и погнулъ стойку; жертвъ не было.

Въ 5 часовъ вернулись на рейдъ.

19-го января. Опять ходили на стрѣльбу.

Обязанности каютъ-компаніона начинаютъ казаться мнѣ менѣе пріятными. Стараешься, чтобы выходило и дешево и хорошо, а выходитъ дорого и гадко.

Недовольныхъ моей кормежкой, однако, не замѣчаю. Быть можетъ, говорятъ за глаза, но открыто не рискуютъ: того гляди самъ недовольный попадетъ на мое мѣсто, а этого боятся пуще всего.

20-го января. На госпитальномъ „Орлѣ" умеръ матросъ съ „Ослябя". Миноносецъ „Буйный" принялъ тѣло и предалъ его морю.

---

*) Разрушительное дѣйствіе нашихъ снарядовъ замѣтно было уже при гулльскомъ инцидентѣ, когда „Аврора" получила ихъ нѣсколько штукъ. Они дѣлаютъ лишь ровныя, изящныя, по діаметру снаряда, дырочки.

Пришелъ пароходъ „Messageries Maritimes“ и привезъ нѣсколько ящиковъ почты. Сначала она попала на „Суворовъ“, а оттуда распредѣлена по судамъ. Нашъ писарь вернулся съ тюками писемъ. Внесли ихъ въ каютъ-компанію, и старшій офицеръ принялся за разборку. Вскрывая одинъ за другимъ толстые пакеты, онъ вынималъ оттуда письма и громко читалъ адреса: „Сергѣю Ивановичу С., Ѳомѣ Романовичу Н., лейтенанту П. П. М., Виктору Алексѣевичу Б...“ и т. д.

Тебѣ уже пять, а мнѣ хоть бы одно! — досадовалъ Ч., обращаясь къ С.

Николаю Павловичу С., — продолжалъ капитанъ Д.,—еще ему же.

— Ай, да „Зять“: восьмое, кажется, получилъ!

— А Чикъ-то, Чикъ! ему больше всѣхъ!

— Бабадаглушка, вотъ и вамъ.

Дайте-ка, дайте, — сказалъ толстенькій Б., протягивая руку.

Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, будетъ съ васъ, есть уже ворохъ! — воскликнулъ П., выхватывая письмо изъ-подъ самаго носа Бабадаглы.

— Полноте, Миша, бросьте!

Куда бросить, въ иллюминаторъ? — и П. всталъ изъ-за стола.

— Нѣтъ, отдайте, глупо-же вѣдь, право!

Миша, вамъ!—сказалъ старшій офицеръ.

П. отдалъ забранное у Б. письмо и потянулся за своимъ.

А вотъ Коху совсѣмъ что-то не пишутъ?—замѣтилъ кто-то.

Не правда! — огрызнулся К., указывая на единственное письмо, которое онъ уже успѣлъ распечатать и прочесть.

Ишь, Васькѣ-то подвалило!—завидовалъ „Зять“.

Пиши и будешь получать!—спокойно отозвался Б.

Когда разобрали всѣ письма, перещупали всѣ пустыя обложки, принялись за чтеніе. Воцарилось мертвое молчаніе. Многіе разошлись по каютамъ и вплоть до обѣда не выходили оттуда.

Къ „Алмазу“ подошла шлюпка. Въ ней сидѣли пассажиры съ прибывшаго парохода. Они обращались къ Рожественскому съ просьбой разрѣшить имъ осмотрѣть корабли. Командующій разрѣшилъ, но на броненосцы не пустилъ, а указалъ на „Алмазъ“.

Въ числѣ прибывшихъ французовъ было четыре дамы.

Гости вышли на палубу. Ожидая найти грозныя орудія, башни, минные аппараты, броневыя защиты, они были поражены пассажирскимъ видомъ нашего корабля.

Великолѣпная, птичьяго глаза, столовая, куда адмиралъ разрѣшилъ имъ проникнуть, мягкая шелковая мебель уютной розовой гостиной, кожаный кабинетъ... вотъ чѣмъ могли мы похвастаться!

Наша каютъ-компанія, помѣщенная на бакѣ, казалась жалкой послѣ адмиральскихъ хоромовъ.

Гостямъ подали вина и чаю. Побренчали на піанолѣ, репертуаръ коей нѣсколько измѣнился, такъ какъ мы помѣнялись нотами съ „Суворовымъ“.

Послѣ отъѣзда гостей собрались въ каютъ-компаніи дѣлиться новостями.

Съ почтой пришло порядочное количество газетъ.

Извѣстія съ театра войны одно печальнѣе другого, да и въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ дорогой далекой Россіи неблагополучно.

21-го января. Дважды было шлюпочное ученіе. Второй разъ подъ парусами. Это веселѣе, нежели

подъ веслами, хотя также имѣетъ свои непріятныя стороны. Приходится ходить кругомъ своего корабля, и всякій считаетъ долгомъ сдѣлать замѣчаніе, начиная съ адмирала, которому это дѣло знакомо, и кончая его флагъ-офицеромъ, который, не будучи въ силахъ удержать своей марсо-флотской натуры, рѣшается крикнуть: „выберите шкоты, выберите шкоты“. Командиръ и старшій офицеръ также выходятъ смотрѣть на катающихся. Одному кажется, что кливеръ полощетъ, а другому — фалъ не до мѣста.

Покатавшись болѣе часу, мы вернулись.

Когда я поднялъ вельботъ и шелъ по адмиральскому мостику, то вдругъ увидѣлъ Коко и Морьку. Захотѣлось пошалить. Ухвативъ веревочку, привязанную къ поясу обезьяны, я направился къ Морькѣ. Щенокъ сталъ лаять. Коко далъ прыжокъ, но веревка осадила обезьяну и собаченка избѣгла укуса. На мостикѣ стояло нѣсколько матросовъ и смотрѣло на мои шалости. Нѣсколько разъ подводилъ я лемура къ его врагу и каждый разъ во время сдерживалъ прыжокъ. Вскорѣ, однако, мнѣ надоѣло, и я выпустилъ звѣрка. Коко вскочилъ на поручни и запутался въ веревкѣ; желая распутать, я подошелъ къ нему. Раздалось стрекотаніе, и злобная обезьяна впилась мнѣ въ руку выше кисти. Боли я не ощутилъ, но на кителѣ выступили кровавыя пятна. Я былъ наказанъ.

Возмущенный, однако, мстительностью лемура, хотя и заслуженной, я поднялъ его за веревочку и высѣкъ на воздухѣ.

На рукѣ сдѣлали перевязку.

Пробили склянки. Свистали къ вину и ужину; я же пошелъ обѣдать.

Какъ и всегда, обѣдъ прошелъ въ болтовнѣ, ост-

ротахъ и изводѣ. М. изводилъ С., увѣряя, что толще его нѣтъ. С. утверждалъ, что М. уклоняется отъ взвѣшиванія, стыдясь своего вѣса (офицеры взвѣшивались каждый мѣсяцъ и съ каждымъ мѣсяцемъ теряли по нѣсколько фунтовъ, что радовало полныхъ и огорчало худыхъ). Мирились обыкновенно, переводя разговоръ на добрѣйшаго Б., превышавшаго вѣсомъ и С. и М. Отъ вѣса переходили къ аппетиту и смотрѣли, кто больше ѣстъ. С., обладавшій прекраснымъ аппетитомъ, прибѣгалъ къ хитрости, чтобы отвлечь М. отъ наблюденія. „Вѣстовой, дай-ка мнѣ подливки!“—говорилъ онъ или же: „покажи-ка мнѣ картошку“. Вѣстовой подносилъ блюдо, С. бралъ не только подливку или картошку, но и котлету.

Послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ въ каюту, гдѣ меня ожидалъ Ромашинъ. Въ бѣломъ поварскомъ костюмѣ и колпакѣ, полный чувства собственнаго достоинства, съ важнымъ видомъ, подалъ онъ мнѣ счетъ и грифельную доску съ написаннымъ на ней меню слѣдующаго дня.—Ну, что тамъ, опять фаршированные баклажаны?.—Можно и кукурузу.

— Да никто не ѣстъ ее у насъ.

— Въ такомъ случаѣ замѣсто баклажанъ томаты дадимъ, а дальше пулэ-грилье и на третье пуддингъ-кабинетъ.—Вотъ если бы ваше... жанбону достать, такъ пулэ можно къ обѣду подать“.

Ромашинъ любилъ употреблять иностранныя слова.

22-го января. Шлюпочное ученіе.

Транспортъ „Малайя“ отправленъ въ Россію.

23-го января. Ходилъ опять на каймановъ, на этотъ разъ рано утромъ, время, когда они, какъ говорятъ, выходятъ на берегъ. Моимъ спутникамъ П. и Г. удалось видѣть двухъ на берегу, но мнѣ не посчастливилось.

24-го января. Миноносецъ „Бравый“ хоронилъ въ морѣ умершаго на госпитальномъ „Орлѣ“ матроса съ транспорта.

У насъ завтракали два офицера со „Свѣтланы“ и одинъ съ „Александра III“. Ночью стояли безъ огней.

Сообщеніе съ берегомъ разрѣшается только до полудня. Для отправки шлюпокъ послѣ этого времени требуется разрѣшеніе адмирала. Эта мѣра вызвана дурнымъ поведеніемъ офицеровъ на берегу. Какого-то прапорщика матросъ ударилъ по лицу.

Этотъ фактъ вызвалъ громоносный приказъ адмирала, въ которомъ говорилось объ офицерѣ, „битомъ по мордѣ“. Быть можетъ, офицеръ, позволившій себя ударить, и не достоенъ званія офицерскаго, но крутое выраженіе въ данномъ случаѣ многими ставилось адмиралу въ вину, къ тому же прапорщикъ не былъ такъ виноватъ, какъ думалъ Рожественскій.

На берегу въ кафе процвѣтала карточная игра. На верандѣ, а затѣмъ и въ сосѣднемъ павильонѣ поставлены карточные столы. Особенно отличались транспорты. У броненосца „Александра III“ имѣлся свой столъ, за которымъ играла своя компанія, но другія суда играли вмѣстѣ. Нашъ „Алмазъ“ рѣдко принималъ участіе въ игрѣ.

Сначала все шло благополучно. Публика выигрывала, проигрывала, пила прохладительные напитки, и только. Однако, скоро игра повелась нечисто. Какого-то техника заподозрили въ шуллерствѣ. Дошло до адмирала, который и озаботился о стѣсненіи съѣзда на берегъ.

25-го января. Съ утра вышли на эволюціи и стрѣльбу и въ пятомъ часу вернулись.

26-го января. Опять вышли въ море на эволюціи.

У „Донского“ сломалось что-то въ машинѣ. „Аврора“ взяла его на буксиръ.

Передъ входомъ на рейдъ „Донской“ отдалъ буксиръ и пошелъ своими средствами, поставивъ въ помощь машинѣ имѣющіеся у него косые паруса.

Въ седьмомъ часу стали на якорь.

27-го января. Шлюпочное ученіе. Вооружили минный плотикъ.

„Бодрый“ хоронилъ въ морѣ вѣстового съ „Донского“.

Матросъ нечаянно прострѣлилъ себѣ руку револьверомъ. Его свезли на „Орелъ“, гдѣ онъ и умеръ.

Послѣ этого случая приказано офицерамъ не имѣть въ каютахъ патроновъ, и сдать ихъ въ патронные погреба.

Это приказаніе едва ли гдѣ было исполнено.

Удивительно, какъ часто умираютъ на эскадрѣ! Отъ такой пустяшной раны — пропалъ человѣкъ. Говорятъ, что здѣсь климатъ вреденъ и раны очень опасны, всегда съ осложненіемъ.

Періодъ дождей, повидимому, прошелъ. Днемъ хотя и жарко, да зато можно спать ночью на ютѣ— ничто не тревожитъ, хотя сыро. Просыпаешься утромъ разбитый, но черезъ нѣкоторое время приходишь въ себя. Въ отдыхъ же не дай Богъ заснуть: совсѣмъ отяжелѣешь; руки висятъ, какъ плети, а ноги словно свинцомъ налиты, спину ломитъ. Обратился какъ-то къ доктору, а онъ только рукой махнулъ: „Со мной то же самое творится,—сказалъ онъ,— это сырость проклятая“.

Стоянка начинаетъ надоѣдать.

Ждемъ „Олега“ и надѣемся, что съ его прихо-

домъ выяснится, идемъ ли дальше. Не ждать же вѣдь третьей эскадры!

Итакъ, вотъ уже болѣе шести недѣль, какъ мы здѣсь.

Передъ обѣдомъ пришелъ почтовый пароходъ. Почта—единственное наше утѣшеніе.

Получишь письмо, забудешь все окружающее, забьешься въ мягкое кресло, стоящее въ углу каютъ-компаніи, и далеко, далеко унесешься мыслями. Не замѣчаешь, какъ подаютъ чай и вѣстовые приглашаютъ садиться, не слышишь, какъ, одинъ за другимъ, пять человѣкъ бренчатъ на піанолѣ. Только когда письмо окончено, вздохнешь, взглянешь на окружающее... тяжело станетъ, хочется уйти отъ всѣхъ. Спѣшишь на палубу...

Темно и тепло. Натыкаясь на спящихъ матросовъ, пробираешься къ юту. Одно изъ плетеныхъ креселъ свободно, остальныя заняты. Садишься. Глядя на яркія звѣзды, на южный крестъ, къ которому успѣлъ привыкнуть, снова погружаешься въ міръ прошлаго, въ міръ грезъ, воспоминаній. Проносятся одинъ за другимъ образы дорогихъ лицъ... Бьютъ склянки... раздается дудка вахтеннаго квартирмейстера и команда: „четвертое отдѣленіе на вахту“... Эхъ, тяжело порой моряку!

28-го января. Съ утра шлюпочное ученіе, въ которомъ я уже систематически не принимаю участія, съѣзжая заблаговременно на берегъ.

Послѣ отдыха дессантное ученіе.

29-го января. Въ теченіе всего дня, каждые полчаса, „Уралъ“ вызывалъ „Олега“ по безпроволочному телеграфу. Однако, отвѣта не было получено.

30-го января. Въ пять часовъ утра съѣхалъ на берегъ. П. по случаю дня своего рожденія устраивалъ шоколадъ и просилъ меня достать молока.

Я уже говорилъ о томъ, какимъ способомъ оно достается.

Оставшись на берегу съ двумя матросами и приказавъ прислать за мной катеръ къ десяти часамъ, я направился къ рынку, а затѣмъ къ околицѣ.

Молочникъ, противъ обыкновенія, пришелъ раньше и я вернулся на пристань за полчаса до назначеннаго времени. Опасаясь, чтобы молоко не испортилось, я воспользовался катамараномъ мальгаша. Катамаранъ это родъ пирóги, нѣчто похожее на нашъ ботникъ, только значительно уже. На носу и кормѣ, поперекъ, прилажены двѣ перекладины, далеко выступающія по обѣ стороны. Наружные концы ихъ, т.-е. носовой и кормовой соединены между собой палкой, полѣномъ или доской. Это дѣлается для приданія бóльшей устойчивости.

Усадивъ обоихъ матросовъ, одного—на носъ, другого—на корму, я самъ помѣстился посерединѣ передъ чернокожимъ гребцомъ. Не скажу, чтобы эта переправа доставила мнѣ большое удовольствіе. Катамаранъ былъ такъ загруженъ, что всего вершка на два вылѣзалъ изъ воды. На рейдѣ было тихо; мы сидѣли смирно. При встрѣчѣ съ катерами, снующими по рейду, мелкія волны захлестывали нашъ кораблик. Воду приходилось вычерпывать при помощи кокосовой скорлупы.

„Безупречный“ хоронилъ въ морѣ матроса, умершаго на госпитальномъ „Орлѣ“. Днемъ ѣздилъ на пришедшій изъ Маюнги пароходъ „Эсперансъ“ принимать провизію.

Въ 7 часовъ 25 минутъ вечера со сторожевого поста пущена ракета и дано знать о приближеніи семи судовъ. Кромѣ ракеты миноносца зажглись фалшфейера сторожевого катера. Полагая, что по-

явившіяся суда—эскадра Добротворскаго, не желающая войти ночью, приказано миноносцу убѣдиться въ этомъ. Однако, у „Безупречнаго“ телеграфъ оказался испорченнымъ и переговоры съ нимъ затруднительными.

31-го января. Въ 5 часовъ утра „Бравый“ и „Безупречный“ вышли встрѣчать „Олега“, но, сколько ни старались, никого не нашли.

Такъ и осталось необъясненнымъ это таинственное ночное видѣніе.

Упорно держится слухъ, будто „Олегъ“ медлитъ приходомъ, потому что захватилъ пароходъ, „Самбія“, везущій въ Японію осадную артиллерію.

1-го февраля. Въ 6 часовъ утра развѣдчики снялись съ якоря и ушли въ море на эволюціи. Сейчасъ же послѣ ихъ ухода получена телеграмма „Олега“ — „Уралъ“, мы находимся въ 70 миляхъ отъ „Nossi-Bé“.

„Алмазъ“ началъ сниматься съ якоря.

Я не пошелъ на ученіе—меня оставили при нашихъ катерахъ, отданныхъ въ распоряженіе флагманскаго интенданта—капитана Витте, находящагося на госпитальномъ „Орлѣ“.

До возвращенія эскадры, т.-е. 5 часовъ, пробылъ я на госпитальномъ суднѣ.

„Орелъ“—своеобразный мірокъ. Жизнь на корабляхъ сближаетъ людей, ну, а мужчинъ съ женщинами и подавно. Мнѣ, однако, не понравились маслянистые глаза старыхъ и молодыхъ докторовъ въ то время, какъ они разговаривали съ сестрами.

Благодаря одной знакомой ранѣе и другой сестрѣ, съ которой познакомился на „Алмазѣ“, я не умеръ съ тоски. Меня очень интересовало возвращеніе эскадры.

Въ концѣ пятаго часа на горизонтѣ показались дымки и вскорѣ можно было различить суда.

Я узнаю высокій рангоутъ „Олега“. Онъ идетъ въ одной колоннѣ съ нашими крейсерами. Далѣе различаю „Изумруда“, затѣмъ, когда эскадра уже входитъ на рейдъ, вижу миноносцевъ „Грознаго“ и „Громкаго“; они немногимъ больше тѣхъ, которые съ нами.

„Днѣпръ“ и „Ріонъ“, выкрашенные всѣ въ черную краску, становятся нѣсколько поодаль, а остальныя суда на серединѣ рейда.

2-го февраля. „Олегъ“ привезъ октябрьскую почту. Кромѣ 11 писемъ я получилъ посылку съ теплыми вещами. Странно было видѣть и примѣрять мѣховую тужурку, чепанъ и бурковые сапоги въ странѣ, гдѣ весь нашъ костюмъ ограничивался кителемъ, панталонами и бѣлыми башмаками. Бѣлья не носили, иные ходили даже безъ носковъ.

3-го февраля. Три сестры съ „Орла“ завтракали у насъ.

Для гостей былъ заказанъ необыкновенный завтракъ, вся тяжесть по устройству коего легла на меня.

Приходилось то и дѣло бѣгать въ камбузъ (кухня) и слѣдить за Ромашинымъ. Его помощникъ, тихій, скромный Бѣляковичъ, учившійся въ кондитерской, мастеръ по пирогамъ, помогалъ съ усердіемъ.

Несмотря, однако, на всю возню, которую я предпринялъ, ботвинья съ севрюгой, взятой съ транспорта, раковыми шейками и свѣжими огурцами оказалась безъ соли и къ тому же рыба была не проварена. Артишоки, поданные затѣмъ, исправили нѣсколько впечатлѣніе, произведенное первымъ блюдомъ. Цыплята въ сухаряхъ или „пулэ - грильe“ какъ называетъ ихъ Ромашинъ, возстановили славу нашего повара, которая снова померкла при появленіи суфле. Боже, на что оно походило!

4-го февраля. Великолѣпная ночь дала мнѣ возможность прекрасно выспаться. Въ 6 часовъ всталъ.

Въ $6^1/_2$ началось шлюпочное ученіе, но съ „Алмаза“ пошли только двѣ шлюпки. Знай я раньше, что мой вельботъ останется, не всталъ бы такъ рано!

Завтра идетъ пароходъ въ Европу. Спѣшу закончить письма.

Носится слухъ, что на дняхъ покидаемъ Nossi Bé.

Разсчитываемъ идти впередъ, никому не хочется возвращаться.

Эскадра наша уже состоитъ изъ 45 судовъ, изъ нихъ 8 броненосцевъ, 5 крейсеровъ 1 ранга, 3—второго, считая „Алмазъ“ въ томъ числѣ, 5 вспомогательныхъ, 9 миноносцевъ, двухъ вооруженныхъ транспортовъ, 11-ти невооруженныхъ, госпитальнаго судна и буксирнаго парохода.

Ѣздилъ на „Анадырь“ принимать провизію, перегруженную съ „Esperence“.

Раскрывая ящики, читая надписи, я выбиралъ нужное и записывалъ взятое. Одинъ изъ моихъ матросовъ сунулъ, было, въ карманъ жестянку съ консервами. Я замѣтилъ во время и сдѣлалъ серьезное внушеніе жулику.

5-го февраля. Водолазы со „Свѣтланы“, „Авроры“ и „Донского“ отчищали подводную часть „Алмаза“.

Корабль во время продолжительнаго плаванія обростаетъ, т.-е. подводная часть покрывается ракушками и бородой. Обростаніе счищаютъ въ докахъ, но такъ какъ намъ негдѣ было пользоваться таковыми, то прибѣгли къ способу, изобрѣтенному, если не ошибаюсь, адмираломъ Рожественскимъ, при помощи водолазовъ. Отчистка продолжалась 6-го и 7-го.

8-го февраля. Вышли на эволюціи. Эскадра раздѣ-

лена на двѣ части. Одной командуетъ Рожественскій, другой — Фелькерзамъ. „Алмазъ“ попалъ во вторую.

Рожественскій нападалъ, а Фелькерзамъ долженъ былъ отражать.

Къ сожалѣнію, эти интересные и полезные маневры производятся рѣдко на нашемъ флотѣ. Они не пользуются симпатіей моряковъ, не то что пресловутое шлюпочное катаніе.

Во время этого примѣрнаго сраженія я представилъ себѣ, что́ должно чувствовать, когда на горизонтѣ показываются сначала дымки, затѣмъ мачты, трубы и, наконецъ, темныя полоски корпусовъ непріятельскихъ кораблей...

Охотникъ, отправляющійся на хищнаго звѣря, заслыша приближающійся хрустъ, мнѣ кажется, долженъ испытывать нѣчто подобное.

9-го февраля. Водолазы съ „Алмаза“ принимали участіе въ отчисткѣ подводной части броненосца „Александръ III“. Я былъ посланъ съ ними. Пришлось все время сидѣть въ баркасѣ и изнывать отъ жары и скуки.

Пришелъ пароходъ „Messageries Maritimes“, отправляющійся въ Европу. Пассажиры намѣревались осмотрѣть „Суворовъ“, но флагманскій корабль не доступенъ для публики. Вообще не показываютъ ни одного боевого судна. „Алмазъ“ какъ яхта, не представляющій въ этомъ отношеніи никакого интереса, удовлетворяетъ тѣмъ не менѣе любопытству праздныхъ туристовъ.

Къ намъ пріѣхало три француза. Изъ нихъ одинъ—служащій на пароходѣ, другой—возвращающійся на родину чиновникъ, окончившій свою обязательную службу въ колоніяхъ, и третій — еврей-

скаго типа, молодой, некрасивый, ѣдущій всего на мѣсяцъ во Францію. Кромѣ нихъ толстая некрасивая дама — жена чиновника, миловидная дѣвица, лѣтъ 17-ти, повидимому, невѣста молодого человѣка, и братъ ея, балованный мальчишка лѣтъ десяти. Всего полдюжины.

Началось традиціонное вожденіе по адмиральскому помѣщенію, штабнымъ каютамъ, палубѣ, на мостикъ и оттуда въ каютъ-компанію, гдѣ, на покрытомъ краснымъ сукномъ столѣ, разставлено было печенье, сахаръ и лимонъ. Вѣстовые разносили чай, а затѣмъ теплое шампанское. (Нашъ рефрежираторъ вотъ уже два дня какъ не работаетъ, его дезинфецируютъ, чистятъ и красятъ).

Гостей мы доставили на своемъ катерѣ. Б. и я поѣхали ихъ провожать. Мнѣ нужно было заѣхать на берегъ, чтобы переговорить съ поставщикомъ относительно муки. Наши гости ни за что не хотѣли отпускать насъ. Пришлось войти на пароходъ, гдѣ гости-хозяева, въ свою очередь, привѣтствовали насъ тѣмъ же напиткомъ, но... холоднымъ.

10-го февраля. Съ утра послали меня съ водолазами къ „Александру III", гдѣ я провелъ цѣлый день. Обязанности идти на барказѣ несемъ мы втроемъ—П., Б. и я.

Едва успѣлъ я вернуться съ водолазныхъ работъ, какъ мнѣ сообщили, что большая компанія собирается ѣхать на всю ночь ловить рыбу сѣтями. Я не отказался отъ участія въ поѣздкѣ и, наскоро одѣвшись и пообѣдавъ, стоялъ уже у трапа, гдѣ грузили на шестерку самоваръ, стаканы, котелъ для варки ухи и т. п. Ловля предполагалась у острова Nossi Comba. Болѣе $^3/_4$ часа тащились мы туда на паровомъ катерѣ. На буксирѣ тянулись двѣ шестерки

и двойка. Во главѣ экспедиціи стоялъ нашъ командиръ, затѣмъ командиръ транспорта „Тамбовъ“, флагманскій штурманъ, докторъ, лейтенантъ С. и мичманъ П.

Прибыли. Оставили катеръ на глубокомъ мѣстѣ, а сами высадились на песокъ при помощи шестерокъ и двойки. Развели костеръ и поставили самоваръ. Шлюпки стали завозить сѣти. Вода убывала и скоро одна изъ вытащенныхъ носомъ на берегъ шестерокъ очутилась совсѣмъ на сушѣ.

Первая тоня не дала много рыбы, зато всѣ перепачкались и перемочились. Вода продолжала убывать и чистая песчаная полоса, гдѣ мы находились, далеко протянулась къ морю. Ясно стало, что волей-неволей придется провести здѣсь всю ночь, такъ какъ шестерка находилась уже шагахъ въ восьмидесяти отъ воды.

Изрѣдка накрапывалъ дождь. Оба командира расположились на ночлегъ. П. послѣдовалъ ихъ примѣру. Остальные продолжали ловлю. Команда, принимавшая участіе въ заводѣ и вытаскиваніи сѣтей, была набрана изъ желающихъ и работала весело. Всѣмъ распоряжался флагманскій штурманъ Д. знатокъ рыбы; онъ разсказывалъ „къ случаю“ невѣроятные случаи. Плотный С. покрикивалъ, подбодряя толстаго фельдфебеля Фефелова и худого какъ щепка, длиннаго, въ одной ночной рубашкѣ, писаря Пастухова, напоминавшаго при свѣтѣ костра одного изъ героевъ Лысой горы. Среди пойманныхъ рыбъ попадались и очень интересныя. Большой скатъ, вѣсомъ съ полъ-пуда, въ размѣрѣ болѣе аршина, трепыхался на берегу. Опасаясь пораненій (скатъ,— говорятъ, наноситъ раны хвостомъ), С. убилъ его весломъ. Рыба съ острыми зубами, названная „соба-

кой“ капитанами Д. и Ш., шипѣла и билась. Въ мотнѣ оказалась куча медузъ, крабовъ, голотурій, много рыбъ съѣдобныхъ и несъѣдобныхъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ нашимъ рыболовамъ. Были также каракатицы и даже маленькій осьминогъ. Эта дрянь мгновенно присосалась къ стѣнкѣ ведра, въ которое попала.

Пили чай и затѣмъ варили уху и все-таки ночь тянулась безконечно. О снѣ я и не думалъ, такъ какъ было сыро и я весь промокъ. Удивляюсь, какъ могъ П. заснуть. Боясь, чтобы онъ не простудился, лежа на сыромъ пескѣ, я швырнулъ ему рѣшетку изъ шлюпки, на которую онъ перебрался и, прикрывшись старой тужуркой и дождевикомъ, заснулъ, согрѣваемый потухающимъ пламенемъ костра.

Обувь, да и все прочее было у насъ мокрое, а потому, покуда носки, сапоги и бѣлье сушились у огня, мы бѣгали босикомъ и въ однѣхъ рубашкахъ. Подбѣгая впотьмахъ къ вытащенному неводу, я наткнулся на острый камень и захромалъ. Д. и С. неутомимо возились около сѣтей, а докторъ сѣлъ къ костру.

Въ воздухѣ проносилась какая-то невѣдомая ночная птица, летали маленькіе свѣтящіеся жучки.

Къ утру вода прибыла. Шестерка сошла съ мели и мы двинулись въ обратный путь.

Подошли къ „Алмазу“ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на „Суворовѣ“ подняли сигналъ: „на всѣ гребныя суда“.

Я не пошелъ съ вельботомъ, предоставивъ его управленіе моему лѣнивому квартирмейстеру Ванцаку.

Малороссъ Ванцакъ, о которомъ мнѣ не довелось еще говорить, какъ нельзя больше подходилъ ко

мнѣ. Къ шлюпочному ученію онъ относился скептически, не стремился обгонять другихъ, не проявлялъ спортсменской страсти. Вахту стоялъ онъ также хладнокровно. Стоитъ себѣ около трапа да ковыряетъ въ носу—это его любимое занятіе. Глядя на его спокойствіе, и самъ какъ-то перестаешь горячиться. Однажды увидалъ я Ванцака съ книгой въ рукѣ. Не могъ удержаться и посмотрѣлъ, что онъ читаетъ. Оказалось—Гоголя. Я заговорилъ съ нимъ о гоголевскихъ типахъ, а также спросилъ, что больше всего ему нравится. „А вотъ, ваше... какъ галушки-то Поцюку прямо въ ротъ летѣли“—отвѣчалъ онъ...

11-го февраля. Изъ привезенной рыбы варили уху не только на каютъ-компанію, но и на всю команду.

12-го февраля. „Грозный“ хоронилъ въ морѣ умершаго на госпитальномъ „Орлѣ“ матроса. Смерть на эскадрѣ стала до такой степени обычнымъ явленіемъ, что никого не трогаетъ. Смотришь, подходитъ миноносецъ къ „Орлу“ и... знаешь, въ чемъ дѣло.

За послѣднее время въ Helleville открылось много новыхъ лавокъ и все больше греческихъ. Богъ вѣсть, откуда пріѣзжаютъ эти коммерсанты.

Пройдешь по улицѣ и смотришь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вчера стояла жалкая лачуга, сегодня уже красуется лавочка съ крылечкомъ и на немъ вывѣска: „Антоній Прокописъ, поставщикъ флота“, или „Скопелитисъ, свѣжее мясо, телятина“ и проч. Вывѣски писались на русскомъ языкѣ. Многіе торговцы начинали понимать по-русски. Мальчишки мальгаши знали много словъ, хотя лексиконъ ихъ большей частью отличался выраженіями нецензурными. Однажды, помню, какъ, сѣвши на катеръ, я собирался отвалить, какъ услыхалъ чей-то повелительный голосъ: „на катерѣ—отваливай“; обернувшись, я уви-

далъ мальчугана, который еще нѣсколько разъ повторилъ эти слова, и безъ всякаго акцента.—Мелкихъ серебряныхъ денегъ на берегу достать почти невозможно, онѣ расходились по рукамъ чернокожихъ на утреннемъ рынкѣ. Зато фунты и луидоры туго набивали кошельки Рувье, Мортажъ и Лакамюза.

13-го февраля (воскресенье). Команду уже не пускаютъ на берегъ. Желающимъ разрѣшается навѣщать земляковъ на другихъ судахъ.

Послѣ отдыха опять собрались ловить рыбу. Поѣхали на двухъ шестеркахъ въ томъ же составѣ, кромѣ командира. Сѣти закинули у самаго „Алмаза“ и буксировали ихъ къ берегу. Теченіе сильно мѣшало намъ, и когда мы добрались до берега, было уже темно. Сѣти порвали, ничего не поймали и вернулись на корабль въ 8 часовъ вечера подъ проливнымъ дождемъ.

14-го февраля. Съ утра подошли къ германскому пароходу „Bosnia“, и началась погрузка съ пылью, бранью и духотой.

Въ 7 часовъ отошли отъ угольщика и вернулись на якорное мѣсто. Почти до полуночи приводили корабль въ приличный видъ. Команда мылась на палубѣ, которую обратили въ баню.

15-го февраля. На эскадрѣ продолжаются водолазныя работы.

Вечеромъ открывали боевое освѣщеніе.

16-го февраля. Утромъ шлюпочное ученіе, а вечеромъ свѣтили прожекторами.

17-го февраля. Поговариваютъ о скоромъ уходѣ.

Въ моей каютѣ духота нестерпимая, не помогаетъ даже электрическая вертушка. Большую часть времени провожу на ютѣ, либо въ каютъ-компаніи. Иногда захожу и сижу въ каютѣ П.: она бортовая, въ ней

не такъ жарко, къ тому же въ иллюминаторъ вставленъ совокъ, благодаря которому нѣтъ-нѣтъ да и попадетъ струйка вѣтерка. Ночь провожу, конечно, на ютѣ, куда Лужинскій несетъ мой тюфякъ и подушки. Жмусь къ самой адмиральской рубкѣ. Надо мной навѣсъ и тентъ. Отъ косого дождя я спасаюсь плетенымъ кресломъ, къ которому прилаживаю цыновку. Его я ставлю сбоку; однако, третьяго дня, не смотря на принятыя мѣры, я принужденъ былъ покинуть излюбленное мѣсто и поспѣшно скрыться въ каютѣ. Дождь пошелъ съ той стороны, съ которой онъ обыкновенно не идетъ.

Послѣ вечерней молитвы было ученіе миннымъ катерамъ. Они атаковали эскадру. Открывали боевое освѣщеніе.

18-го февраля. Поѣхалъ утромъ на берегъ. Цѣны ужасно возросли: на франкъ даютъ 4 яйца. Спѣлыхъ ананасовъ уже нѣтъ. Марокъ 25-сант. тоже нѣтъ, приходится наклеивать болѣе дорогія. Молоко достать трудно—за то Носси-Бе процвѣтаетъ. Главную улицу начинаютъ мостить, вѣроятно, на наши деньги. Хозяинъ кафе разбогатѣлъ и, какъ говорятъ, возвращается во Францію сейчасъ же послѣ нашего ухода. Открылся еще одинъ кафе; сомнѣваюсь, однако, чтобы онъ разжился: слишкомъ поздно. Продолжаютъ открываться магазины, почти сплошь греческіе. Въ лавкахъ на площади раза три раскупленные товары замѣняются новыми.

Торговцы Рувье и Лакамюзъ знаютъ по фамиліямъ всѣхъ ревизоровъ и большую часть каютъ-компаніоновъ. Лакамюзъ сталъ торговать и молочными продуктами. Но, Боже, что онъ за это деретъ! Ледъ приходится заказывать на берегу, такъ какъ своего добиться не можемъ. Ромашинъ, отправляясь въ ре-

фрежираторъ, такъ повышаетъ температуру, что только къ утру она спускается ниже нуля.

Послѣ того, какъ игра въ карты прекратилась, офицеры уже неохотно съѣзжаютъ на берегъ.—Прогулка за городъ и охота на кайамановъ надоѣли. Ждемъ не дождемся выхода.

Рожественскій хвораетъ. На дняхъ видѣлъ его на берегу съ флагъ-офицеромъ. Видъ у него блѣдный. Фелькерзамъ также прихварываетъ.

19-го февраля. Изъ Европы пришелъ почтовый пароходъ, но мнѣ писемъ не оказалось.

Завтра—масленица, собираемся ѣсть блины.

Гречневой муки у насъ нѣтъ. Передали по семафору на транспортъ „Тамбовъ“: тамъ, навѣрное, найдется.

Вечеромъ „Тамбовъ“ передалъ, что мука у него есть и онъ пришлетъ ее намъ завтра утромъ.

20-го февраля (воскресенье). Утро. Ярко свѣтитъ солнце. Кое-гдѣ по небу бѣгутъ облака. На воздухѣ, какъ и всегда, душно и влажно. Сижу у себя въ каютѣ. Окно открыто. Оно, впрочемъ, закрывается только на время погрузокъ.

До слуха доносятся удары прутьевъ въ металлической посудѣ.—Это Бѣляковичъ сбиваетъ что-то.

На крейсерѣ тихо. Команда переодѣвается по-праздничному. Пробили сборъ. Обѣ вахты выстроились на шкафутахъ, офицеры встали въ коридорѣ. Адмиралъ и командиръ здоровались съ командой.

Въ 11 час. завтракали. Подали блины. Адмиралъ остался доволенъ, въ особенности сметаной, которую ѣлъ даже просто такъ, безъ всего. Зернистая икра, привезенная изъ Мажонги, оказалась страшно соленой—забыли вымочить въ молокѣ.

Послѣ завтрака я растянулся въ плетеномъ креслѣ

и задремалъ. Солнце спустилось къ горизонту, когда я очнулся, играли повѣстку. Я проспалъ свой чередъ идти на дежурной шлюпкѣ (теперь шлюпокъ не отправляютъ иначе какъ съ офицеромъ). Вмѣсто меня пошелъ П. Вернулся въ каюту; ко мнѣ зашелъ К. съ коробкой леденцовъ. Онъ вернулся съ берега, гдѣ устраивалъ собраніе товарищей своего выпуска. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ, но не поѣхалъ.

К. съ товарищами собрались въ только что открытомъ кафе „Franco-russe". Повидимому, празднованіе вышло скромное: К. былъ совершенно трезвъ.

Упорно держится слухъ о нашемъ возвращеніи въ Джибути, гдѣ будемъ ожидать присоединенія кораблей Небогатова.

Оттуда нѣсколько далѣе до Японіи, за-то соединеніе эскадръ произойдетъ раньше. Красивый Nossi-Be едва ли кто пожалѣетъ — очень ужъ наскучила стоянка.

Узналъ, что ожидается еще пароходъ изъ Европы.

21-го февраля. Коммерсантъ Рувье съ женой завтракалъ у насъ.

Красивый, еще не старый, хотя совершенно сѣдой, съ розеткой какого-то ордена въ петлицѣ, Рувье имѣетъ очень приличный видъ. Жена его, высокая худая брюнетка, недурная собой, нѣсколько вульгарна.

Завтракъ прошелъ тихо, довольно натянуто и скучно. Уѣзжая, Рувье пригласилъ офицеровъ принять участіе въ пикникѣ—поѣздкѣ на его дачу, находящуюся на горѣ острова Nossi-Comba. Говорятъ, оттуда великолѣпный видъ.

Въ 3 час. 15 мин. прибылъ на „Алмазъ" Рожественскій.

Мы сначала не знали, чему приписать его появ

леніе (адмиралъ рѣдко посѣщалъ корабли), но затѣмъ поняли, что адмиралъ бѣжитъ отъ грязи и пыли .. на „Суворовѣ“ погрузка угля.

Пришелъ пароходъ „Messageries Maritimes“, идущій въ Европу; съ нимъ отправили одного больного матроса.

22-го февраля. Однако, препротивно вести хозяйство! Приходится всюду самому ѣздить, доставать, закупать, къ тому же шлюпку не всегда выпросишь: дадутъ, такъ словно одолженіе дѣлаютъ.

23-го февраля. Грузились углемъ. Къ намъ подошелъ громадный нѣмецкій пароходъ „Alexandria“; капитанъ угольщика возмущался, что заставили подойти его къ намъ, а не насъ къ нему.

Съ 8 час. утра и до 4 час. 35 мин. продолжалась погрузка. Приняли 281 тонну. Отходя, пароходъ задѣлъ за наши катерныя шлюпбалки и погнулъ ихъ. Пришлось отправить на „Камчатку“ чинить.

24-го февраля. Жара стоитъ ужасная. Команда продолжаетъ окачиваться по три раза въ день.

Докторъ устроилъ медицинскій осмотръ нижнимъ чинамъ.

25-го февраля. Утромъ съѣзжалъ на берегъ за провизіей, опустилъ письма. Шлюпочное ученіе идетъ своимъ чередомъ.

„Сисой“ уходилъ въ море.

Вечеромъ производили ученіе миннымъ катерамъ. Это одно изъ интересныхъ и полезныхъ ученій, которымъ, равно какъ примѣрными боями, моряки мало интересуются.

26-го февраля. Въ 6 час. 40 мин. вечера пришелъ транспортъ „Иртышъ“. Теперь вся эскадра въ сборѣ.

Ночью стояли безъ огней.

27-го февраля. Воспользовавшись приглашеніемъ.

Рувье, три офицера, П., Б. и я, съѣхали на берегъ. Въ наше распоряжніе данъ паровой катеръ съ шестеркой на буксирѣ. Два офицера съ „Изумруда“, Р. и С., также приняли участіе въ пикникѣ.

Въ восьмомъ часу отвалили отъ берега.

На шестерку нагрузили паланкины.

Рувье былъ одинъ, его супруга не приняла участіе въ поѣздкѣ.

Около часу тащились мы до Носси-Комба. На мелкомъ мѣстѣ пересѣли въ шестерку, подошли къ самому почти берегу и вышли. Ожидавшіе насъ чернокожіе носильщики набросились на паланкины.

На пескѣ у подножія горы, подъ сѣнью пальмъ, ютилось нѣсколько хижинъ мальгашей. Подъ деревьями сидѣли черныя женщины и играли въ какую-то игру. Старая и самая безобразная изъ нихъ держала на колѣняхъ деревянную доску съ углубленіями. Круглыя сѣмена какого-то растенія служили фишками. Она клала и перекладывала ихъ изъ одной ямки въ другую. Остальныя слѣдили съ большимъ вниманіемъ. Наше появленіе не оторвало ихъ отъ занятія. Когда паланкины были вынесены изъ шлюпки, въ каждый изъ нихъ впряглось по четыре человѣка. Мы сѣли и тронулись въ гору. Удивительно, какъ эти люди не задыхаются! Болѣе часу поднимались мы на вышину 500 метровъ. Остановки были рѣдки. Дорога вилась змѣей, то углубляясь въ зелень, то скользя по косогору.

Прекрасная картина развертывалась передъ нами. Островъ Носси-Бе—съ одной стороны и часть Мадагаскара—съ другой. Прямо, сливаясь съ небомъ въ туманной дали, величественный океанъ. Эскадра виднѣлась у нашихъ ногъ. Катера, идущіе отъ одного судна къ другому, казались крохотными букашками.

Наконецъ, добрались и до дачи, гдѣ готовился завтракъ. Температура на верху на 6° ниже. Мы даже ощутили нѣкоторую прохладу.

Въ ожиданіи завтрака, воспользовавшись свободнымъ временемъ, мы пошли осматривать дачу губернатора, находящуюся нѣсколько выше.

Она оказалась маленькимъ домикомъ въ четыре комнаты, обнесеннымъ верандой. Нѣсколько запущенныхъ поросшихъ травой клумбъ разбросано передъ домомъ въ видѣ палисадника.

Убѣдившись и очень скоро, что въ лѣтней резиденціи губернатора намъ рѣшительно нечего дѣлать, вернулись къ болѣе уютной дачѣ коммерсанта.

Позавтракали, погуляли по владѣніямъ Рувье и двинулись въ обратный путь.

Черезъ 3/4 часа мы уже были внизу и въ 3 час. дня на крейсерѣ. Пріѣхали какъ разъ въ то время, какъ приглашенная съ „Бородино“ группа актеровъ заканчивала свое представленіе. Театръ былъ устроенъ на адмиральскомъ мостикѣ. Сигнальные флаги отдѣляли кулисы отъ сцены, сцену отъ зрителей и они же служили занавѣсомъ.

Актерамъ было дано угощеніе.

28-го февраля. Утромъ шлюпочное ученіе.

Часть команды грузитъ уголь на „Горчаковъ“.

Въ 4 часа снова шлюпочное ученіе.

Говорятъ, что получена телеграмма о взятіи Мукдена и сдачѣ 50 тысячъ русскихъ. Большую часть извѣстій получаемъ черезъ Маюнгу при помощи французскихъ миноносцевъ, которые чуть-ли не ежедневно ходятъ туда. Въ Носси-Бе телеграфа нѣтъ, есть геліографъ, который дѣйствуетъ только въ хорошую погоду.

Печальное извѣстіе огорчило, но не удивило насъ.

Покуда Куропаткинъ будетъ растлѣвать армію, нечего ждать отъ нея.

Начинаемъ приготовляться къ походу.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я принялся закупать провизію.

Заранѣе лучше: наканунѣ ухода всего не купишь.

1-го марта. Шлюпочное ученіе.

Принимали машинные матеріалы съ транспортовъ (масло, паклю и проч.). Послѣ отдыха пробили водяную тревогу. Провѣрили партіи. Ночью открывали боевое освѣщеніе.

2-го марта. Утромъ шлюпочное ученіе, вечеромъ подняли шлюпки.

3-го марта. Съ 8 час. утра начали разводить пары въ 6 котлахъ. Сообщеніе съ берегомъ разрѣшено только до десяти часовъ. Чуть свѣтъ, съѣхалъ я на берегъ. Рынокъ уже полонъ. Содержатели каютъ-компаній закупаютъ на-скоро все, что попадается подъ руку. Цѣны невѣроятно возросли. Одинъ грекъ скупилъ всѣ яйца и продаетъ ихъ по полфранка штуку. Мясо расхватали сразу. Сколько ни привозятъ его мясники—все раскупается. Свѣжія, еще пульсирующія туши увозятся на пристань. Къ счастію, я уже набилъ мясомъ рефрежираторъ и потому обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на муку, сахаръ, печенье, яйца и зелень въ консервахъ. Ромашинъ и Лужинскій тащатъ громадныя корзины съ птицей.

Кромѣ насъ, каютъ-компаніоновъ, всякій также стремится побывать на берегу. Кому бумагу купить, кому ножъ, часы, табаку.

Почту завалили письмами. Изъ ящиковъ выгребали по нѣскольку разъ, и, тѣмъ не менѣе, они сейчасъ же снова наполнялись.

(Многимъ кажется обиднымъ уходить, не дождав-

шись парохода, который долженъ былъ придти 4-го или 5-го).

По дорогѣ отъ города къ пристани тянутся цѣлые обозы. Мальгаши съ корзинами и ящиками на головахъ, матросы съ мѣшками на спинахъ. Все это спѣшитъ, суетится, ругается.

Однако, толчея на рынкѣ и бульварѣ ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что творится на пристани. Грохотъ ящиковъ, свистки паровыхъ катеровъ, мычаніе воловъ, кудахтанье куръ, визгъ несмазанныхъ телѣгъ, все это смѣшивается въ общій гулъ, выступающій на яркомъ фонѣ отборныхъ ругательствъ. Пройти по молу не легко. Того и гляди задавятъ арбой, ушибутъ ящикомъ, столкнутъ въ воду.

Шлюпки со всѣхъ судовъ обхватили тѣснымъ кольцомъ пристань: груженые баркасы, катера, шестерки, двойки и тузы миноносцевъ въ нѣсколько рядовъ жмутся одинъ къ другому.

Къ десяти часамъ все опустѣло.

Торговцы сбывали оставшуюся птицу, фрукты и другіе товары уже прямо на корабли.

Мнѣ удалось увидѣть, какъ на нѣсколькихъ катамаранахъ привезли быковъ. Животныя лежали поперекъ пирогъ, крѣпко связанныя.

Въ 2 часа 40 мин. снялись съ якоря.

Медленно, одинъ за другимъ покидали мы бухту Носси-Бе.

Впереди „Свѣтлана“ съ развѣдочнымъ отрядомъ, состоящимъ изъ вспомогательныхъ крейсеровъ: „Урала“, „Терека“ и „Кубани“, за ней двѣ колонны броненосцевъ съ „Суворовымъ“ и „Ослябя“ во главѣ. (Фелькерзамъ былъ на „Ослябя“; онъ перешелъ на него вскорѣ послѣ прибытія Рожественскаго въ Носси-Бе).

За броненосцами, держа курсъ между колоннами, шелъ „Алмазъ“. Двѣ вереницы транспортовъ, по 7 штукъ въ каждой, слѣдовали за ними. Съ боковъ находились „Днѣпръ“ и „Рiонъ“, позади—„Донской“ и „Аврора“. „Олегъ“—въ замкѣ. „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“—на траверзахъ головныхъ броненосцевъ, госпитальный „Орелъ“ и „Русь“ шли сбоку. Миноносцы распредѣлились при головныхъ и концевыхъ броненосцахъ, при головныхъ транспортахъ и, кромѣ того, при „Алмазѣ“, „Кіевѣ“ и „Ярославлѣ“.

Между „Свѣтланой“, находящейся впереди, и „Олегомъ“, замыкающимъ шествіе, разстояніе около 5 миль, а, принимая во вниманіе боязнь нашихъ кораблей близко подходить къ другому, оно значительно увеличивалось.

Неизвѣстно, куда мы идемъ.

Проложенный курсъ даетъ основаніе предполагать, что не въ Джибути, а впередъ. Однако, навѣрное не знаемъ. Никому не жаль Носси-Бе, гдѣ протомились болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ.

Къ вечеру туманная даль стала поглощать очертаніе Мадагаскара, а наступившая ночь совершенно скрыла его для большей части изъ насъ, вѣроятно, навсегда.

4-го марта. Первую же ночь пришлось опять встать на штурманскую вахту, отъ которой я успѣлъ совершенно отвыкнуть за продолжительную стоянку.

Почти всю ночь до 4 часовъ безпрерывно Рожественскій занимался сигнализаціей. Не только сигнальщики, но и всѣ находящіеся на мостикѣ утомились ужасно. (Всякій сигналъ приходится репетовать до тѣхъ поръ, покуда не отвѣтятъ всѣ суда). Сначала любовался картиной. Длинная вереница яркихъ красныхъ и бѣлыхъ огней, мигающихъ на

мачтахъ, напоминаетъ широкую улицу въ иллюминацію. Эскадру у насъ въ шутку называли „Невскимъ проспектомъ“.

Въ полдень широта мѣста 11° 35' S и долгота 49° Ost; пройдено 154 мили.

Въ два часа повернули на N 072°.

„Жемчугъ“ имѣлъ человѣка за бортомъ; его удалось спасти.

Съ „Кіева“ также упалъ человѣкъ, бросившійся съ умысломъ; этого спасти не удалось.

5-го марта. Во время моей ночной вахты пошелъ дождь. Хотѣлъ укрыться въ штурманскую рубку но она была занята флагъ-офицеромъ. Вышелъ на мостикъ. Тамъ стояло двѣ черныхъ фигуры въ дождевикахъ. Приглядѣвшись къ темнотѣ, различилъ командира и мичмана С.

Около 4 часовъ ушелъ къ себѣ въ каюту и проспалъ до подъема флага.

Погода пасмурная. „Алмазъ“ чуть-чуть покачиваетъ. Миноносцы идутъ на буксирахъ у транспортовъ.

У „Грознаго“ лопнула брага. Остановились. Черезъ два часа дали ходъ.

У „Сисоя“ случилась какая-то неисправность въ машинѣ; броненосецъ вышелъ изъ строя и пошелъ отдѣльно. Уменьшили ходъ. Къ вечеру „Сисой“ справился и всталъ на свое мѣсто.

У „Громкаго“ также лопнула брага.

Въ полдень широта (φ)=10° 28'S; долгота (l)=51° 32'Ost; плаваніе 167 миль.

Среди дня шелъ дождь.

Времени свободнаго у меня мало. Некогда сѣсть за письмо. Днемъ заботы по хозяйству, ночью—вахта

Продолжаютъ скрывать, куда идемъ.

6-го марта. „Бородино“ выходилъ изъ строя.

Въ девять часовъ взяли курсъ на N 069°. Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ идемъ къ Зондскимъ островамъ.

Къ полдню пройдено 160 миль. φ=9°22'S; l=54°Ost. Часы перевели на 12 минутъ впередъ. Вахтенный начальникъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ, какъ сокращали его вахту.

7-го марта. За сутки пройдено 193 мили. φ=8° 15'S; l=57° Ost.

„Нахимовъ“ и „Суворовъ“ выходили изъ строя. Застопоривали машины.

Прислуга орудій подъ наблюденіемъ П. и моимъ опредѣляла на глазъ разстояніе до различныхъ судовъ. При помощи дальномѣровъ Лужоля, мы провѣряли.

Океанъ попрежнему спокоенъ. Ежеминутно вылетаютъ изъ-подъ форштевня летучія рыбки. Ихъ прозрачныя крылышки серебрятся на солнцѣ. Иногда онѣ вылетаютъ стайками. Словно кулики, проносятся надъ водой и, пролетѣвъ шаговъ сто, исчезаютъ въ волнахъ.

8-го марта. Немедленно послѣ восхода солнца суда застопорили машины и приготовились къ погрузкѣ угля. Транспорты подошли къ намъ на разстояніе кабельтова или двухъ, такъ какъ грузиться въ океанѣ бортъ о бортахъ, какъ въ портахъ, немыслимо: благодаря постоянной зыби можно повредить судно. Спустили барказы и паровые катера. Часть команды отрядили на „Корею“. Тамъ насыпали мѣшки и при помощи стрѣлъ подавали ихъ въ барказъ, буксируемый паровымъ катеромъ.

Барказъ выгружался у нашего борта при помощи маленькихъ талей.

Грузились съ 7 час. утра до 6 вечера.

Конечно, погрузка не могла быть очень успѣшной: мы приняли немногимъ болѣе ста тоннъ—запасъ $2^1/_2$ дней, такъ какъ въ день расходовалось сорокъ съ небольшимъ.

Полагаю, что за все время существованія парового флота подобнаго рода погрузка производилась въ первый разъ эскадрой Рожественскаго.

Покуда мы были заняты дѣломъ, держась все время подъ парами *), то давая ходъ, то стопоря машину, четыре крейсера развѣдчика сторожили насъ.

Въ полдень широта мѣста равнялась 7^0 7,5'S и долгота 59^0 8'Ost; за сутки пройдено 145 миль, т.-е. скорость нашего движенія равнялась шести узламъ.

Какъ я уже сказалъ, обязанность ходить на катерѣ, буксирующемъ барказъ, выпадала на долю П. и мою.

Не скажу, чтобы я былъ отъ нея въ восторгѣ.

На зыби, еле замѣтной для корабля, катеръ мотало, какъ щепку. Ноги уставали стоять, а сядешь, наколачиваетъ спину.

На барказѣ у рулевого и крючковыхъ, равно какъ и у катерной прислуги, были одѣты спасательные пояса: на всякій случай.

Въ 4 час. 15 мин. погрузка окончена.

Запасъ угля, который брали суда, значительно превышалъ норму. У насъ, гдѣ таковой равнялся 589 тоннамъ, принимали до 800. На броненосцахъ разница еще болѣе значительна. Ютъ, срѣзы, жилыя палубы, каютъ-компаніи и другія помѣщенія, все это заваливалось мѣшками. Неуклюжіе утюги совсѣмъ зарылись въ воду. Рожественскій не допускаетъ воз-

---

*) Ясно, что въ океанѣ, гдѣ глубина нѣсколько верстъ, якоря не отдаютъ.

раженій со стороны командировъ, опасающихся за устойчивость ихъ кораблей.

9-го марта. День моего рожденія. Изъ-за ночной вахты проснулся, конечно, поздно—къ самому завтраку. Собирался надѣть одинъ изъ новенькихъ кителей, но вспомнилъ, что послѣ угольной погрузки грязь и пыль на кораблѣ не сразу выводятся, не смотря на скачиваніе.

Ко мнѣ въ каюту вошелъ мичманъ С. съ коробкой папиросъ. (На кораблѣ знали о днѣ моего рожденія).

„Примите этотъ маленькій пустячекъ!"—сказалъ онъ.

Въ обыкновенное время я поблагодарилъ бы за милое вниманіе и принялъ бы подарокъ, но теперь, когда у всѣхъ папиросы вышли, а я такъ давно пробавлялся отвратительными носсибейскими крученками, подарокъ казался мнѣ слишкомъ цѣннымъ и я отказывался. С. продолжалъ настаивать, утверждая, что запасъ у него порядочный и, наконецъ, обѣщался обидѣться въ случаѣ моего отказа. Я согласился и крѣпко пожалъ руку ревизора.

Въ полдень $\varphi = 5^0\,59'S$; $l = 60^0\,56'Ost$; пройдено 130 миль. Послѣ завтрака разбирали тактическую задачу.

Рожественскимъ было рекомендовано гг. офицерамъ устраивать примѣрные морскіе бои на бумагѣ.

У насъ мало кто интересовался этимъ. Однако, Г., Г. и П. приняли участіе въ рѣшеніи задачи. Разбирали случай встрѣчи съ японской эскадрой, состоящей изъ 4 броненосцевъ, 4 бронированныхъ крейсеровъ, имѣющей по бокамъ по отряду изъ 6 легкихъ крейсеровъ въ каждомъ. Трудно приходилось намъ: нечѣмъ было защитить транспортовъ. Это наше больное мѣсто. Съ включеніемъ Небогатовскихъ кораблей задача рѣшалась въ нашу пользу.

За обѣдомъ пили мое здоровье.

10-го марта. Опять угольная погрузка. Опять я на катерѣ. На этотъ разъ зыбь меньше — буксировать легче.

Въ полдень опредѣлили свое мѣсто: $\varphi = 4^0\ 52'S$; $l = 62^0\ 57'Ost$; за сутки пройдено 139 миль.

Въ 3 часа мы приняли 123 тонны и окончили погрузку; на другихъ корабляхъ она еще продолжалась.

Въ 6-мъ часу начали строиться въ походный порядокъ. Съ наступленіемъ темноты пробили дробь-атаку. Занимались сигнализаціей съ „Олегомъ“ при помощи боевого фонаря. На мостикѣ, кромѣ сигнальщиковъ, стоитъ по матросу съ каждой стороны. Ихъ обязанности—слѣдить за горизонтомъ.

На передней мачтѣ, выше марса, прикрѣпили бочку, куда сажаютъ сигнальщика. Бочка соединена съ мостикомъ телефономъ. Сидящій въ ней обязанъ увѣдомлять о появляющихся судахъ. Отъ поры до времени вахтенный начальникъ звонитъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что сигнальщикъ не заснулъ.

11-го марта. Въ полдень $\varphi = 4^0\ 1'S$; $65^0\ 32'Ost$; плаванія 154 мили. Послѣ отдыха комендоры занимались опредѣленіемъ разстояній. Удивительно, какъ хорошъ у нихъ глазомѣръ! На разстояніи 40 кабельтовыхъ ошибаются не болѣе, какъ на четыре или пять.

Жизнь на кораблѣ течетъ спокойно. Едва ли кто относится сознательно къ серьезности нашего похода. Тѣ же веселыя бесѣды въ каютъ-компаніи, игра на піанолѣ, игра въ шашки, трикъ-тракъ, шахматы; по вечерамъ тѣ же охоты на нахальныхъ крысъ, осмѣливающихся забираться на диваны и столы. М. такъ же попрекаетъ полнотой С., и такъ же спорятъ Д. съ Б. о студентахъ. Словомъ, плаваніе, какъ плаваніе, отнюдь не походъ на непріятеля. Почти весь день,

за исключеніемъ завтраковъ и обѣдовъ, флагъ-офицеры проводятъ у насъ. Флагманскій штурманъ — удивительный разсказчикъ. Когда онъ принимается за повѣствованіе, его окружаетъ толпа слушателей. Особенно весело къ полуночи, когда на столъ подаются закуски, водка и кое-что изъ оставшагося отъ обѣда. Это называется у насъ ужиномъ. Бесѣда затягивается до позднихъ часовъ. Порой забываешь, что скоро на вахту, что слѣдуетъ отдохнуть, а сидишь себѣ да слушаешь.

12-го марта. Занимались эволюціями. У „Буйнаго" лопнулъ буксиръ, эскадра останавливалась. Въ полдень широта мѣста 3°5'S и долгота 68°28'Ost. Приближаемся къ экватору. Скоро попадемъ и въ наше полушаріе.

За сутки пройдено 194 мили — болѣе, нежели до сихъ поръ; это благодаря отсутствію погрузки, которая отнимаетъ у насъ нѣсколько часовъ.

Судовъ не встрѣчаемъ, да и не мудрено, такъ какъ идемъ такимъ путемъ, какимъ едва ли кто ходитъ.

Нѣкоторые корабли видятъ огни по ночамъ. Однако, эти огни видятъ по большей части не фланговые и не передовые, а находящіеся въ серединѣ, почему и не придается особаго значенія ихъ показаніямъ.

Къ ночнымъ вахтамъ я уже привыкъ — онѣ не утомляютъ меня.

Сплю въ каютѣ, такъ какъ ложусь съ разсвѣтомъ, когда на ютѣ начинается приборка, къ тому же изъ трубъ сыплетъ угольками.

Жара и духота у меня нестерпимыя. Отворенныя дверь и окно мало помогаютъ. Не ощущается ни малѣйшаго движенія воздуха. Электрическая вертушка

недостаточно обвѣтриваетъ, къ тому же она у меня испорчена. Черезъ отворенную дверь забѣгаютъ крысы и шуршатъ въ бумагѣ, тараканы щекотятъ и даже кусаютъ. Ихъ ужасно много. На дняхъ увидалъ, что они объѣли мои сапоги. Когда я сообщилъ объ этомъ въ каютъ-компаніи, меня подняли на смѣхъ, но смѣялись недолго, такъ какъ вскорѣ выяснилось, что почти у всѣхъ сапоги попорчены.

13-го марта (воскресенье). Адмиралъ и командиры приглашены къ завтраку.

Въ полдень широта мѣста 2°6'S; долгота 71°14'Ost; пройдено 179 миль.

Послѣ отдыха, по дудкѣ „командѣ пѣсни пѣть и веселиться", на полубакѣ начались танцы и игра на гармоникѣ.

14-го марта. Съ 8 час. и до завтрака занимались эволюціями.

Въ полдень широта 1°24'S; долгота 73°47'Ost; плаваніе 159 миль. Свободное время посвящаю писанію писемъ. Нѣсколько штукъ уже готово, лежатъ запечатанными. Опущу, гдѣ голько будетъ возможно.

Постоянныя неудачи съ буксирами вызвали приказъ адмирала о взысканіи денежнаго штрафа съ командировъ тѣхъ транспортовъ, у коихъ буксиры, поданные на миноносцы, лопнутъ.

Странная вещь: послѣ этого буксиры почти что перестали лопаться.

Ночью по ракетѣ съ „Суворова" суда пробили дробь-атаку и открыли боевое освѣщеніе. Пущенный въ небо лучъ прожектора означалъ прекратить боевое освѣщеніе.

15-го марта. Грузились углемъ съ 5 час. 55 мин. утра до $3^1/_2$ час. дня. Приняли 126 тоннъ. Это уже

третья погрузка въ океанѣ. Опять пополамъ съ П. водили барказъ.

За сутки пройдено 145 миль. Въ полдень широта 0°56'S; долгота 76°8'Ost.

16-го марта. Снова грузились углемъ, но этотъ разъ недолго: приняли всего 62 тонны. Въ пятомъ часу эскадра двинулась дальше. За сутки пройдено 110 миль; 0°18'S; 77°53'Ost.

На завтра предположено опять грузиться.

17-го марта. День моего ангела, а также моего тезки, старшаго офицера.

Назначенная погрузка отмѣнена, къ радости обоихъ именинниковъ.

Утромъ прошли экваторъ. Въ полдень находились уже въ нашемъ сѣверномъ полушаріи. За сутки прошли 152 мили.

Въ 6 часовъ у насъ лопнула паропроводная труба. Сколько уже ихъ перелопалось! Въ Судѣ чинили, въ Джибути, на Мадагаскарѣ. Не дай Богъ подобнаго случая въ бою! Уменьшили ходъ.

Съ наступленіемъ темноты „Донской" далъ знать телеграммой о показавшемся огнѣ и открылъ боевое освѣщеніе. По всей вѣроятности, онъ принялъ звѣзду за огонь. Наши телеграфы поставлены на самое малое разстояніе, во избѣжаніе перехватыванія телеграммъ непріятельскими развѣдчиками или англичанами, готовыми шпіонить.

Въ полночь на „Суворовѣ" взвилась ракета. Пробили дробь-атаку, свѣтили фонаремъ, словомъ, все по расписанію.

18-го марта „Сисой" выходилъ изъ строя. Миноносцы, имѣя малые пары, продолжаютъ идти на буксирѣ. „Горчаковъ", не знаю ужъ почему, не возвращенный въ Россію, тормозитъ эскадру.

По временамъ налетаютъ шквалы съ дождемъ.

(Въ полдень $\varphi = 1^0 14'$N; l=83°19'Ost; плаваніе 190 миль).

19-го марта. Подвигаемся къ Зондскимъ островамъ. Внѣ сомнѣнія, идемъ къ проливу. (Въ полдень $\varphi = 1^0 50'$N; l=86°13'Ost; плаванія 178 миль). Въ 4 часа измѣнили курсъ на N059°. Мясо начинаетъ приходить къ концу. Муку расходуемъ экономно. Не смотря на это, нашъ столъ довольно разнообразенъ и сытенъ. На полубакѣ стоятъ громадныя клѣтки съ курами, утками и гусями. Птица съ успѣхомъ замѣняетъ мясо. Выручаетъ также зелень въ консервахъ, спаржа, артишоки, бобы, горошекъ, капуста и проч.

Консервованное мясо подается рѣдко.

Въ этомъ отношеніи мы находимся въ значительно лучшихъ условіяхъ, нежели другія суда, особенно миноносцы, гдѣ нѣтъ рефрежираторовъ; тамъ постятся съ выхода изъ Носси-Бе.

Быстро идетъ время. Кажется, что вчера покинули Мадагаскаръ, а на самомъ дѣлѣ скоро три недѣли, какъ полземъ по океану. Вода да небо сначала быстро надоѣли, а затѣмъ къ нимъ привыкли.

Проснешься къ завтраку, не успѣешь оглянуться, какъ подаютъ чай, а тамъ обѣдъ и вахта. Если адмирала нѣтъ на мостикѣ, то начинаешь болтать съ вахтеннымъ начальникомъ: вспоминаешь Петербургъ, перебираешь общихъ знакомыхъ, разсказываешь разныя приключенія.

Старшій офицеръ и командиръ стоятъ ночь пополамъ.

Командиръ переселился въ рубку, находящуюся подъ мостикомъ; къ нему проведенъ рупоръ. Вахтенному начальнику стоитъ сказать два слова, какъ

командиръ уже на мостикѣ. Не знаю, право, когда онъ спитъ!

Отъ поры до времени появляется бѣлая борода адмирала. Рѣдко, впрочемъ, она появляется внезапно. Одинъ изъ трехъ спутниковъ (флагъ-офицеровъ) непремѣнно да очутится раньше. Увидишь З. или Д. и ждешь... Смотришь, на шкафутѣ что-то бѣлѣетъ и подвигается. Прекратишь разговоръ, отойдешь къ сигнальщикамъ и уставишься на горизонтъ.

Вахтенный начальникъ звонитъ въ машину — справляется о числѣ оборотовъ. Приказываетъ прибавить или убавить.

Входитъ Энквистъ.

— Гдѣ же „Кабардинецъ“?*) Спрашиваетъ онъ.

— Вотъ тамъ ваше превосходительство, — указываетъ рукой вахтенный начальникъ.

— Поднимите ему буки (Б) **).

— Есть, — отвѣчаетъ стоящій на вахтѣ и даетъ соотвѣтствующее распоряженіе.

20-го марта (воскресенье). Съ утра приготовились къ погрузкѣ, но ее отмѣнили. Командиръ и адмиралъ со штабомъ завтракали у насъ. Въ полдень опредѣлились. Широта 2°58'N; долгота 88°45'Ost. За сутки пройдено 167 миль.

Вечеромъ занимались сигнализаціей со своими мателотами***) при помощи фонарей Леонтьева и Ляратьера.

Ночью, стоя на вахтѣ, любуюсь иллюминаціей и звѣздами. Южный Крестъ начинаетъ сползать къ горизонту, за то Медвѣдица подымается все выше и выше.

---

*) Адмиралъ не могъ запоминать названія „Анадыря“.

**) Больше ходу.

***) Сосѣдями.

21-го марта. Съ 6 час. утра до 4 час. дня грузились углемъ. Намъ приказано принять 280 тоннъ—количество совершенно непосильное. Очевидно, штабъ ошибся, ну, а у насъ побоялись противорѣчить. Однако, приняли всего 160 тоннъ.

На шканцахъ, въ боковыхъ коридорахъ, жилой палубѣ, всюду навалены мѣшки съ углемъ.

Докторъ возмущается, увѣряя, что это анти-гигіенично. Механикъ утверждаетъ, что корабль теряетъ устойчивость *). Во время погрузки узнали, наконецъ, куда идемъ; получена диспозиція въ Камранѣ (бухта на восточномъ побережьи Индо-Китая въ Аннамѣ, нѣсколько выше Сайгона). Становится яснымъ, что пройдемъ Малаккскимъ проливомъ.

За сутки пройдено 132 мили.

Судовъ никакихъ не встрѣчаемъ, да и не мудрено, такъ какъ идемъ въ сторонѣ отъ пароходныхъ путей.

22-го марта. Находимся въ какихъ-нибудь 150 миляхъ отъ Малаккскаго пролива. За горизонтомъ приказано слѣдить особенно внимательно не только ночью, но и днемъ.

Въ проливѣ расчитываемъ на минныя атаки.

Въ первый разъ серьезно занялись провѣркой расписаній тревогъ. Водяная и пожарная у насъ хромаютъ.

Къ полдню пройдено 146 миль.

Въ шестомъ часу броненосцы выстроились по бокамъ транспортовъ. „Алмазъ“ идетъ во главѣ эскадры, за развѣдочнымъ отрядомъ, оставшимся на своемъ мѣстѣ. Прислугѣ приказано спать у орудій.

23-го марта. Съ разсвѣтомъ увидали неясныя очер-

---

*) Однако, отъ этого никто не захворалъ и корабль не перевернулся.

танія острова Никобаръ. Курсъ N088½°. Въ полдень измѣнили на S067°. Продолжаемъ идти въ томъ же строю. Эскадренный ходъ 9 узловъ. Погода прекрасная.

Въ 3 час. 10 мин. вошли въ Малаккскій проливъ. Миноносцы отдали буксиры.

Вечеромъ закрыли огни за исключеніемъ отличительныхъ *) и одного топоваго **); адмиральскій огонь также потушили. Съ „Суворова“ приказали зажечь его снова. „Алмазъ“ долженъ, очевидно, служить приманкой въ случаѣ нападенія на эскадру. У Фелькезарма и самого Рожественскаго адмиральскихъ огней нѣтъ.

24-го марта. Въ 5-мъ часу утра, когда было еще темно, встрѣтили однотрубный пароходъ. „Изумрудъ“ освѣтилъ его лучемъ прожектора. Судно прошло кабельтовыхъ въ восьми отъ лѣваго эшелона. „Ріонъ“ принялъ его отъ „Изумруда“ и провожалъ своимъ лучемъ.

Къ полдню прошли 189 миль.

Послѣ отдыха провѣряли расписаніе тревогъ.

Ночью налетали шквалы съ дождемъ. Команда спала у орудій, не раздѣваясь.

25-го марта. Въ половинѣ десятаго, когда, выспавшись послѣ ночной вахты, я выходилъ изъ душа, раздались звуки атаки.

Я не зналъ, что и подумать. Выбѣгающій изъ каюты М. успѣлъ мнѣ крикнуть: „миноносцы“.

Нечего говорить, съ какой поспѣшностью я накинулъ на себя китель и самое необходимое и выбѣжалъ къ своимъ 47 м.м. пушкамъ (я состоялъ полутонговымъ командиромъ двухъ 47 м.м. орудій, находящихся на лѣвомъ шкафутѣ).

*) Цвѣтные боковые, красный и зеленый.

**) Огонь на мачтѣ.

Мимо насъ, миляхъ въ полутора, проходилъ пароходъ, за кормой коего, какъ я узналъ тутъ же на шкафутѣ, усмотрѣно было нѣсколько быстро движущихся предметовъ, дающихъ буруны.

Сообщили сигналомъ на „Суворовъ“: „вижу непріятельскихъ миноносцевъ“.

Минутъ десять стояла прислуга у орудій.

Пароходъ прошелъ.

Пробили отбой, но комендоровъ оставили у орудій.

Въ 11-мъ часу эскадру сталъ нагонять отнотрубный, двухмачтовый пароходъ съ бѣлымъ кольцомъ на черной трубѣ; онъ шелъ подъ англійскимъ флагомъ. Будь это не въ виду береговъ, а гдѣ-нибудь въ океанѣ, то, навѣрное, онъ постарался бы забѣжать въ ближайшій портъ сообщить о мѣстонахожденіи эскадры, но тутъ не стоило, такъ какъ уже всѣ знали. Полагаю, что японцы ожидали насъ у Зондскаго пролива, куда направлены угольщики, чтобы отвлечь вниманіе. Хорошо, что отъ всѣхъ скрывали нашъ маршрутъ, а то мало ли кто возьметъ, да упомянетъ о немъ въ письмѣ, а тамъ весь свѣтъ узнаетъ.

Что-то, однако, будетъ дальше? Неужели японцы такъ-таки ничего не подстроили намъ въ проливѣ?

Въ 4-мъ часу встрѣтили пароходъ. За его кормой снова усмотрѣли движущіеся предметы—оказалось рядъ волнъ. Сходство этого явленія съ утреннимъ, принятымъ за миноносцевъ, побудило адмирала передать по семафору на „Суворовъ“, что „Алмазъ“ ошибся. Однако, стоявшій утреннюю вахту Г. утверждалъ, что второе явленіе нисколько не похоже на первое, и не соглашался признать за буруны видѣнные предметы.

26-го марта. 1-й часъ дня. Проходимъ мимо Синга-

пура. Мѣсто довольно узкое. Городъ виднѣется въ туманѣ. Подошелъ консульскій пароходъ подъ русскимъ флагомъ. Миноносецъ „Бѣдовый“ принялъ съ него телеграммы и передалъ ихъ на „Суворова“, а затѣмъ, проходя мимо насъ, сообщилъ по семафору новость, что вмѣсто Куропаткина назначенъ Линевичъ и что японская эскадра двѣ недѣли тому назадъ находилась у острова Лабуана (сѣв. часть о-ва Борнео), а крейсера и миноносцы у ближайшихъ острововъ Натуна.

Извѣстіе это подняло духъ. Вѣроятно, завтра будетъ бой.

Сингапуръ скрылся, скрылись и берега. Вошли въ Южно-Китайское море.

Въ 7 часовъ пробили дробь-атаку. Командѣ коекъ не выдали, приказано спать у орудій. Офицеры также не раздѣвались. Боевые фонари все время наготовѣ.

„Суворовъ“ передалъ телеграммой то, что мы уже знали отъ „Бѣдоваго“, съ добавленіемъ, однако, что японцы могли быть уже вчера освѣдомлены о нашемъ появленіи въ проливѣ.

Всю ночь ожидали минныхъ атакъ; особенно вторую часть, когда обрывокъ луны спрятался за горизонтомъ и тьма окутала эскадру.

Рожественскій шелъ съ огнями.

27-го марта (воскресенье). Миноносцы грузились углемъ.

Въ 8 час. утра Энквистъ приказалъ вызвать офицеровъ. Утомленные безсонною ночью, немытые, въ наскоро накинутыхъ тужуркахъ, выползли мы изъ своихъ каютъ и выстроились въ правомъ коридорѣ.

Очевидно, адмиралъ, вступая въ воды, гдѣ можно ожидать непріятеля, рѣшилъ сказать соотвѣтствую-

щее слово. Такъ думали мы. Старшій офицеръ отодвинулъ насъ отъ шханцевъ подальше въ коридоръ. Это навело на мысль, что разговоръ будетъ конфиденціаленъ—дальше отъ командныхъ ушей.

Вышелъ „дѣдъ". Со слезой въ голосѣ и дрожью въ бородѣ обратился онъ къ намъ. Съ первыхъ же словъ мы поняли, что ошиблись въ разсчетѣ. Адмиралъ началъ усовѣщевать офицеровъ за халатное отношеніе къ службѣ, выражавшееся въ бесѣдахъ во время вахты и облокачиваніи о поручни мостика. Требовалъ, не смотря на безсонныя ночи, выхода всѣхъ къ подъему флага и въ концѣ-концовъ уваженія къ себѣ, если не какъ къ Оскару Адольфовичу, то какъ къ адмиралу.

Озадаченные и возмущенные, разошлись мы по своимъ каютамъ.

— Положимъ, онъ не правъ,—сказалъ кто-то, именно Оскара Адольфовича мы уважаемъ.

Въ 11 час. адмиралъ завтракалъ въ каютъ-компаніи, какъ ни въ чемъ не бывало. У многихъ чесались языки заговорить на тему: какія рѣчи держатъ японскіе адмиралы своимъ офицерамъ наканунѣ боя.

28-го марта. Продолжаемъ идти Южно-Китайскимъ моремъ. Броненосцы выстроились справа отъ транспортовъ.

Провѣряли расписаніе водяной тревоги.

Послѣ захода солнца пробили дробь-атаку.

Вахтенное отдѣленіе развели по орудіямъ. Командѣ коекъ не раздавали. Офицеры спали у своихъ орудій.

Электрическіе огни замѣнены масляными — ихъ не такъ видно. (За сутки пройдено 210 миль).

29-го марта. Штиль. Вылетаютъ летучія рыбки.

Мощно разрѣзаютъ гладь величественные броненосцы. Черные клубы дыма несутся въ высь.

Въ 6-мъ часу утра встрѣтили англійскій крейсеръ „Sutledg", который салютовалъ.

Въ 8-мъ часу встрѣтили другой, похожій по типу на японскій, подъ англійскимъ флагомъ. Онъ поднялъ сигналъ, что не разбираетъ флага адмирала. Ближайшій къ нему, „Изумрудъ", собирался отвѣтить, что флагъ у насъ вице-адмиральскій, но по ошибкѣ поднялъ сигналъ, означавшій—„ножи и вилки" *).

Англичанинъ отвѣтилъ—„благодарю васъ" и не салютовалъ.

Энквистъ пришелъ въ справедливую ярость и приказалъ тотчасъ же передать „Изумруду", что адмиралъ выражаетъ ему свое особенное неудовольствіе.

Въ 12 час. госпит. „Орелъ" отдѣлился отъ эскадры и пошелъ въ Сайгонъ. На немъ отправили захворавшаго еще въ Носси-Бе лейтенанта К. съ „Александра III".

Пронесся слухъ, что, нигдѣ не останавливаясь и не ожидая Небогатова, идемъ прямо во Владивостокъ.

Подъемъ духа колоссальный! Всѣмъ это извѣстіе пришлось по нутру. (Впослѣдствіи разсказывали, что Рожественскій такъ и собирался сдѣлать).

Послѣ молитвы коекъ не раздавали. Большая часть офицеровъ спала на верху, одѣтые, готовые при первомъ звукѣ горна очутиться на своихъ мѣстахъ.

30-го марта. Грузились углемъ. Въ началѣ третьяго часа окончили погрузку. Принято 140 тоннъ.

Въ полдень число пройденныхъ миль равнялось 173.

---

*) Въ сигнальной книгѣ „вице-адмиральскій" стояло рядомъ съ „~~ножи и вилки~~". „Изумрудъ" ошибся на одну строчку.

Съ наступленіемъ темноты пробили дробь-атаку, орудія зарядили и развели по нимъ вахтенное отдѣленіе.

Въ 9 час. вечера на NW75° открылся маякъ Padaran.

31-го марта. Чуть свѣтъ, показался берегъ. Въ 5 ч. утра эскадра застопорила машины и принялась за погрузку угля. Миноносцы отправлены тралить, т.-е. очищать бухту отъ могущихъ тамъ оказаться минъ. Эта предосторожность, никогда не лишняя, тѣмъ болѣе здѣсь, гдѣ, дней за десять до нашего прихода, побывали японскіе крейсера.

Минные катера съ шестерками на буксирахъ посланы дѣлать промѣры и разставлять вѣхи.

Флагманскій штурманъ Д. назначенъ руководить одной частью катеровъ, другой завѣдуетъ штурманъ съ „Ослябя".

Командиръ, въ заботахъ о провизіи, посовѣтовалъ и мнѣ съѣхать съ Д.

Нужно замѣтить, что наши запасы пришли къ концу. Муки уже нѣтъ, яйца всѣ перепортились, два раза мы даже ѣли солонину. Правда, на полу-бакѣ разгуливаетъ поросенокъ „Васька", купленный еще въ Джибути Потупчиковымъ, но къ нему привыкли, онъ потѣшаетъ команду, жалко колоть.

Я усѣлся въ шестерку и на буксирѣ Суворовскаго миннаго катера потащились мы къ берегу.

Около часу шли до Камрана. Бухта состоитъ изъ двухъ частей, внѣшней и внутренней, соединенныхъ между собою широкимъ проливомъ; берега у внѣшняго рейда крутые, скалистые, у внутренняго же есть и долины, поросшія не то лѣсомъ, не то кустарникомъ—издали не разберешь; есть и голыя песчаныя отмели. Въ одной изъ долинъ, справа, на пескѣ,

покрытомъ жалкими кустиками и одиночными деревьями, расположилась деревушка.

Долго колесили мы по рейду, ставя вѣхи, обходя тралящихъ миноносцевъ, наконецъ, въ третьемъ часу, Д. отдалъ шестерку въ мое распоряженіе и я направился къ берегу.

Деревушка, куда я попалъ, заключалась изъ двухъ трехъ каменныхъ домовъ, нѣсколькихъ сараевъ и десятка-другого клѣтушекъ анамиговъ—вотъ и все.

Къ моему удивленію, одинъ изъ сараевъ оказался лабазомъ, наполненнымъ товарами. Здѣсь можно было достать не только муку, рисъ и сахаръ, но и кое-какіе консервы, хотя и сомнительнаго качества, все же консервы. Человѣкъ пять французовъ, хозяева лавокъ и мѣстные служащіе, живо познакомились съ нами. Владѣлецъ лабаза оказался полякъ Шафранскій, высланный или бѣжавшій изъ Россіи много лѣтъ тому назадъ и принявшій французское подданство. Довѣрія онъ мнѣ не внушалъ. Однако, пришлось имѣть дѣло съ нимъ, такъ какъ онъ являлся крупнѣйшимъ изъ здѣшнихъ коммерсантовъ.

На берегу я узналъ, что почтовой конторы здѣсь нѣтъ—она расположена въ другомъ концѣ бухты—довольно далеко. Захваченныя съ собою письма довѣрилъ одному изъ французовъ торговцевъ, который обѣщалъ отправить ихъ на слѣдующій же день. Шафранскій и другіе поспѣшили сообщить намъ интересныя новости, надъ которыми мы не мало смѣялись... Разсказывали о боѣ, происходящемъ около Борнео, гдѣ встрѣтились Рожественскій съ Того.

Однако, про подобнаго рода извѣстія я предпочелъ не разспрашивать. Меня болѣе интересовало мѣстечко и окрестности.

Болтливые французы поспѣшили удовлетворить

мое любопытство. Я узналъ, что по близости есть настоящій дѣвственный лѣсъ, въ которомъ водится стадо слоновъ въ 40 головъ (они здѣсь на перечетъ), есть тигры, кабаны въ изобиліи и даже недавно убили носорога.

Гуляя по берегу, я увидѣлъ воробья и очень обрадовался знакомой птичкѣ. На Мадагаскарѣ однѣ только вороны нѣсколько похожи на нашихъ, хотя немногимъ чернѣе и пятна не такъ расположены; остальныя птицы совершенно особенныя, незнакомыя.

Въ пятомъ часу прибылъ на „Камчатку“, гдѣ ожидалъ меня Д.

Пообѣдавъ на кораблѣ мастерской, отправились мы на „Воронежъ“. Согласно предписанію командующаго катера должны были найти себѣ пріютъ у своихъ транспортовъ.

Д. сѣлъ за карты, а я, не имѣя партнеровъ, сей часъ же послѣ чая пошелъ спать.

На пароходахъ Добровольнаго флота есть очень недурное пассажирское помѣщеніе. Трехмѣстная просторная и прохладная каюта очутилась въ моемъ распоряженіи. Утомленный долгимъ переходомъ и дневнымъ болтаньемъ на шлюпкѣ, я уже предвкушалъ сладость отдыха, какъ возлѣ меня что-то зашуршало и огромная крыса выскочила изъ-за шкафа. И здѣсь эти проклятыя животныя!.. Однако, усталость взяла свое, и я заснулъ какъ убитый.

1-го апрѣля. Проснулся рано. Скачивали палубу. Солнце, подымаясь изъ-за горы косымъ лучемъ, скользило по рейду. Розыскавъ своихъ гребцовъ, прекрасно устроившихся на транспортѣ, я приказалъ подать шестерку къ трапу и, не ожидая чаю, съѣхалъ на берегъ принимать заказанную съ вечера провизію.

Въ десятомъ часу вернулся. Въ моей шестеркѣ

кудахтали куры, крякали утки, визжала пара свиней. Ящики съ мукой, сахаромъ, содовой водой, консервованнымъ молокомъ, туши мяса и прочая снѣдь ворохомъ громоздились на бакѣ и банкахъ шлюпки. До завтрака пошелъ навстрѣчу „Алмазу“ и всталъ у вѣхи, гдѣ корабль долженъ былъ отдать якорь.

Около полдня „Алмазъ“ былъ уже на мѣстѣ, на внѣшнемъ рейдѣ у своей вѣхи, и я взобрался на него.

Къ обѣду у насъ была свѣжая телятина.

Послѣ ужина пробили дробь-атаку и развели вахтенное отдѣленіе по орудіямъ. Командѣ роздали койки.

2-го апрѣля. Съ утра отправился на берегъ, но провизіи не досталъ—все было распродано.

Что будетъ дальше? Не приниматься же за солонину!

Въ полдень вернулся госп. „Орелъ“ изъ Сайгона.

Во время отдыха пришелъ французскій крейсеръ „Descartes“ подъ флагомъ контръ-адмирала Jonquieres. Адмиралы обмѣнялись визитами.

Ночью „Аврору“ послали въ дозоръ.

3-го апрѣля (воскресенье). Пришелъ пароходъ „Eridan“ съ провизіей, предназначенной для каютъ-компаній. Какъ говорятъ, этотъ пароходъ купленъ и посланъ намъ командиромъ „Діаны“, стоящей разоруженной въ Сайгонѣ.

Каютъ-компаніонамъ приказано ѣхать за провизіей.

Одинъ за другимъ съѣхались на „Эриданъ“ всѣ завѣдующіе хозяйствомъ.

Цѣлый день, т.-е. съ утра до вечера, провели мы въ спорахъ и болтовнѣ и только передъ самымъ разъѣздомъ пришли къ заключенію, что для организаціи правильной и равномѣрной выдачи провизіи

нужно выбрать комиссію и поручить ей это дѣло. Однимъ изъ членовъ выбрали меня, но я отказался.

4-го апрѣля. Съ утра до вечера пробылъ на „Эриданѣ“.

Благодаря трудамъ коммисіи, провизію привели въ порядокъ и начали раздавать. Дѣлежка шла медленно, но съ соблюденіемъ тишины, порядка и справедливости. Къ вечеру прибылъ къ намъ флагманскій интендантъ. „Эдакъ вы и ко второму пришествію не кончите“, сказалъ онъ, глядя на раздачу, „времени у насъ немного, надо спѣшить, завтра-же пароходъ долженъ быть разгруженъ“.

При этихъ условіяхъ комиссія отказалась производить дѣлежку, и всякій сталъ брать, что ему нужно и что нравится, записывая на листочкахъ количество свезенной провизіи.

5-го апрѣля. Весь день провелъ на „Эриданѣ“.

Пронесся слухъ, что провизія достается даромъ—платить не придется.

Начался грабежъ или, какъ назвали мы его, „шарапъ“.

Каждый каютъ-компаніонъ лѣзъ въ трюмъ со своими гребцами, забиралъ все, что попадалось подъ руку, и грузилъ на шлюпку.

Сначала выбирали нужное, но затѣмъ тащили все безъ разбора.

Одному кораблю достается нѣсколько ящиковъ съ печеніемъ, другому—все варенье, третій присваиваетъ себѣ спаржу. Ящики съ виномъ брали, не глядя на этикеты.

Въ числѣ товаровъ оказалось прованское масло, розлитое по бутылкамъ. Принимая за вино, многіе захватили его въ большомъ количествѣ. Матросы отхлебывали изъ разбитыхъ бутылокъ и затѣмъ... ругаясь, выплевывали.

Къ вечеру на пароходѣ царилъ полный безпорядокъ. Ящики, падая на палубу, разбивались, бутылки съ виномъ выкатывались изъ нихъ, крались командой и здѣсь же, гдѣ-нибудь въ трюмѣ, распивались.

На моихъ глазахъ матросъ съ транспорта спряталъ за пазуху бутылку и консервы. Конечно, я приказалъ ему тотчасъ же вернуть украденное и сказалъ объ этомъ каютъ-компаніону судна, на которомъ онъ плаваетъ.

Всюду валялось битое стекло, раздавленныя жестянки, крышки отъ ящиковъ съ гвоздями, все это облитое прованскимъ масломъ, засыпанное мукой и клейкое отъ выдавленнаго консервованнаго молока.

Опьянѣвшіе матросы работали уже вяло. Одинъ изъ моихъ гребцовъ, приставленный караулить ворохъ забранной провизіи, воспользовался моей отлучкой въ трюмъ и звѣрски напился. Пришлось снести его въ шлюпку.

Въ концѣ-концовъ провизію разобрали или, вѣрнѣе, растащили всю. Не обошлось и безъ инцидентовъ съ другими содержателями, отличавшимися особенной безцеремонностью.

Усталый, вернулся я на крейсеръ.

Получилъ письмо отъ товарища, находящагося на „Діанѣ“.

Онъ удивлялся нашему смѣлому проходу Малакскимъ проливомъ и высказывалъ увѣренность въ томъ, что Рожественскій разобьетъ Того.

Пріятно было читать эти строки. Я самъ вѣрю въ нашего адмирала, въ его голову и мужество.

Энквистъ со штабомъ перешелъ на „Олегъ“. Едвали кто изъ насъ пожалѣлъ о немъ. На суднѣ безъ адмирала всегда какъ-то спокойнѣе.

6-го апрѣля. Въ полночь спустили адмиральскій

флагъ и подняли брейдъ - вымпель командующаго транспортами.

Радловъ опять возвращается къ намъ. Не могутъ оставить въ покоѣ „Алмазъ“ или, вѣрнѣе, его чудное помѣщеніе!

Въ 5 ч. утра снялись съ якоря и вошли во внутреннюю бухту, гдѣ находятся транспорты. Грузились углемъ при помощи ботовъ.

7-го апрѣля. Транспорты „Кіевъ“, „Юпитеръ“, „Горчаковъ“ и „Китай“ освободились отъ всѣхъ своихъ грузовъ и ушли въ Сайгонъ.

8-го апрѣля. Дѣлалъ разныя хозяйственныя покупки.

9-го апрѣля. Въ часъ дня эскадра снялась съ якоря и ушла въ море. Транспорты и мы остались на внутреннемъ рейдѣ. „Descartes“ появляется чуть ли не каждый день. Французы находятъ, что наше долгое пребываніе въ ихъ бухтѣ является нарушеніемъ нейтралитета. Вотъ потому-то и навѣдываются они, не ушла ли эскадра. Не заставая боевыхъ кораблей, они успокаиваются до нѣкоторой степени, хотя пребываніе „Анадыря“, „Иртыша“ и „Алмаза“, находящихся подъ военнымъ флагомъ, приводитъ ихъ въ смущеніе... Пошли на копромиссъ... „Иртышъ“ и „Анадырь“ спустили флаги, „Алмазъ“ же всталъ за госпиталь „Орелъ“, т.-е., попросту, спрятался... Французы могутъ его не замѣтить?!. Къ чему вся эта комедія? Вѣроятно, для донесеній республиканскому правительству. Самъ Жонкьеръ, очевидно, расположенъ къ намъ: онъ смотритъ на все сквозь пальцы.

10-го апрѣля (воскресенье). Завѣдующій со штабомъ, мичманами Г. *) и Э. и прапорщикомъ С. завтракалъ у насъ.

*) Г. появился вмѣсто Б., перешедшаго ревизоромъ на „Аврору“.

Представился случай отправить письма—прапорщикъ С. и ст. механикъ съѣхали на берегъ, не туда, куда я ѣзжу чуть ли не каждое утро, а въ другой уголъ бухты, гдѣ находится почта. Къ сожалѣнію, я опоздалъ на шлюпку и даже не успѣлъ передать писемъ.

Черезъ нѣкоторое время я съѣхалъ на катерѣ, отправленномъ за ними; но и тутъ мнѣ не повезло, такъ какъ у берега я сѣлъ на мель и настолько основательно, что прислугѣ пришлось раздѣться, влѣзть въ воду и раскачивать шлюпку. Послѣ долгихъ и тщетныхъ усилій прибѣгли къ помощи проходившаго мимо катера съ „Воронежа“. Онъ подалъ буксиръ. Я уже началъ терять надежду, какъ мы тронулись.

Въ это время Н. и С. вернулись. Письма мои такъ и остались не отправленными.

Къ „Алмазу“ подошелъ транспортъ „Меркурій“ и сталъ отдавать прѣсную воду. (Приняли 300 тоннъ).

11-го апрѣля. Въ седьмомъ часу утра снялись съ якоря и приблизились къ нѣмецкому угольщику „Bethania“. Грузились при помощи ботовъ. Конечно, обязанность буксировать бота распредѣлена между П. и мною. Вяло и медленно производятся подобныя погрузки, за то корабль остается чистымъ и офицеры, равно какъ и большая часть команды, отдыхаютъ

Пришелъ французскій пароходъ. Меня послали узнать, съ какимъ онъ грузомъ; если съ углемъ, то приказано послать его къ нашей эскадрѣ, болтающейся у входа въ бухту; если же съ провизіей, то купить, что можетъ пригодиться.

Пароходъ оказался съ грузомъ для „Сисоя“, „Донского“, „Александра III“, „Ріона“ и „Камчатки“. Эти суда озаботились выпиской всякой всячины. Я вернулся съ пустыми руками. Вскорѣ меня вызвали опять, такъ какъ на рейдъ вышелъ другой пароходъ

подъ нѣмецкимъ флагомъ и на немъ оказалась провизія (свѣжая зелень). Флагманскій интендантъ поручилъ мнѣ дѣлежку корзинъ съ овощами.

Послѣ обѣда я попалъ на вахту (8 — 12). Хотя адмирала у насъ уже нѣтъ, все же на вахту меня не ставили, принимая во вниманіе мои частые разъѣзды и хлопоты по дѣламъ хозяйства. Но тутъ, во время погрузки, выяснилось, что вахтенному начальнику очередь ѣхать на „Bethania“ руководить работой. Наши лейтенанты устраиваются всегда такъ, чтобы ихъ очередь совпадала съ вахтой; хорошо, если погрузка производится здѣсь же на суднѣ, тогда они дѣлаютъ два дѣла за разъ, въ противномъ случаѣ... ихъ замѣняютъ.

Въ двѣнадцатомъ часу, принявъ 184 тонны, вернулись на прежнее мѣсто.

12-го апрѣля. Представляется возможность попасть на почту.

Наскоро одѣваюсь. У насъ все дѣлается какъ-то вдругъ. Вдругъ согласятся дать шлюпку и сейчасъ же прикажутъ отваливать.

Собрались. Старшій механикъ, Б., П. П. и я готовы.

Докторъ, больше всѣхъ хлопотавшій о съѣздѣ на берегъ, въ послѣднюю минуту исчезъ невѣдомо куда. Чуть-чуть не уѣзжаемъ безъ него, но вотъ появился и Б., красный, запыхавшійся, встрѣченный всеобщимъ ворчаніемъ, застегиваясь на ходу, сбѣгаетъ онъ по трапу и грузно прыгаетъ въ катеръ.

„Разрѣшите отвалить?“, спрашиваетъ К. (старшій изъ строевыхъ офицеровъ). „Отваливай!“ —командуетъ онъ, получивъ разрѣшеніе съ вахты.

Вотъ и берегъ. Виднѣется два три домика, одинъ изъ нихъ—почта. Наконецъ-то, могу отправить письма. Пользуюсь также телеграфомъ и посы-

лаю поздравительныя, къ Пасхѣ, телеграммы. Однако, это удовольствіе не изъ дешевыхъ, по 6 франковъ за слово. Затѣмъ иду гулять. Здѣсь лучше, нежели въ песчаной мѣстности, гдѣ я бываю каждое утро. Широкое шоссе тянется черезъ рѣдкій лѣсъ. По бокамъ—вереница желѣзныхъ телеграфныхъ столбовъ (мѣстные жители разсказывали мнѣ, что телеграфъ часто страдаетъ отъ слоновъ, которые рвутъ проволоку, а столбы свиваютъ на манеръ пробочниковъ). Со мной шелъ П. Онъ болталъ безъ умолку. Я слушалъ его разсѣянно, съ наслажденіемъ вдыхая береговой воздухъ, пропитанный запахомъ весны. Меня поразилъ этотъ запахъ. Правда, слабый намекъ на нашу весну, но все же ничего подобнаго ни въ Испаніи, ни въ Джибути, ни на Мадагаскарѣ я не чувствовалъ.

Пройдя съ версту, мы остановились и присѣли.

Маленькіе неразлучные попугайчики (inséparables) стайками проносились надъ нашими головами и садились на дорогу. Въ кустахъ посвистывала иволга, такая же почти, какъ наши. Незнакомыя птички перелетали съ дерева на дерево.

Здѣсь было такъ хорошо, что не хотѣлось возвращаться на судно. Меня тянуло дальше. Идти дальше, безостановочно, часы, дни, мѣсяцы, туда—ближе къ дорогимъ мѣстамъ; здѣсь море не можетъ помѣшать, здѣсь сушей доберешься до Россіи и, быть можетъ, раньше, чѣмъ окончится война.

Однако, вскорѣ я былъ принужденъ очнуться. Тѣни деревьевъ, постепенно удлиняясь, вдругъ расплылись: — солнце спряталось за ближайшую вершину. Въ воздухѣ пахнуло прохладой.

Насъ уже дожидались въ шлюпкѣ.

Старшій механикъ и докторъ пріобрѣли трехъ

зеленыхъ попугайчиковъ, плохо летающихъ, очевидно, молодыхъ, величиною не больше скворца, съ красными клювами, очень ручныхъ, но невѣроятно крикливыхъ.

„Воображаю, какъ будетъ ругаться М.“—сказалъ Кохъ. „Попадетъ вамъ, бабадаглушка!“ — добавилъ Сеня. —(П.)

Были уже сумерки, когда на буксирѣ парового катера дотащились мы до „Алмаза“.

Противъ ожиданія, вѣчно всѣмъ недовольный М. пришелъ въ восторгъ отъ птичекъ и сразу привязался къ нимъ. Попугайчиковъ водворили въ каютъ-компаніи на свободѣ, на той самой корзинѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ помѣщался хамелеонъ.

На „Алмазѣ“ по сравненію съ другими судами животныхъ немного. Кошка, Коко, теперь попугаи, да поросенокъ Васька продолжаетъ разгуливать на полубакѣ. Морьки уже нѣтъ: онъ погибъ во время перехода. Въ одну прекрасную ночь щенокъ сталъ лаять и метаться изъ стороны въ сторону; его посадили въ мѣшокъ, гдѣ онъ вскорѣ умеръ.

Опять пришелъ „Descartes“; намъ, видно, придется уходить.

Дѣйствительно. Приказано готовиться къ походу.

13-го апрѣля. Въ 5 ч. 25 мин. утра снялись съ якоря и во главѣ транспортовъ направились къ эскадрѣ, находящейся въ морѣ. Вмѣстѣ съ нею прослѣдовали въ бухту Ванъ-Фонгъ—въ 55 миляхъ отъ Камрана.

По всей вѣроятности, переходя изъ бухты въ бухту, дождемся и Небогатаго. Выгонятъ изъ одной, зайдемъ въ другую; когда еще тамъ найдутъ! Я думаю, что французскій адмиралъ самъ указалъ намъ Ванъ-Фонгъ и затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, предложитъ передвинуться въ слѣдующую, а правитель-

ству своему сообщитъ: „такого-то числа нашелъ русскихъ тамъ-то, которые немедленно удалились по моему требованію“.

Въ 3 ч. 15 мин. стали на якорь.

Рейдъ открытый и очень широкій. Въ свѣжую погоду должно сильно качать.

Эскадра расположилась тремя колоннами. Транспорты ближе къ берегу, затѣмъ крейсера и крайними—броненосцы.

Два дозорныхъ крейсера оставлены въ морѣ. Цѣлыя сутки должны они крейсировать около бухты. Утромъ ихъ смѣнятъ два другихъ. Два миноносца отправлены на сторожевой постъ. Вотъ мѣры, которыми оберегаемъ мы себя отъ внезапныхъ нападеній.

16-го апрѣля. Страстная суббота. Вотъ уже четвертый день, какъ находимся мы въ Ванъ-Фонгѣ. Мѣсто дикое, ни почты, ни телеграфа нѣтъ; нѣтъ даже селенья, по крайней мѣрѣ, не видно такового. Солнце ярко свѣтитъ. Море спокойно. Сидя на ютѣ, разглядываю голую гору острова Куа, къ которому жмутся транспорты.

Командующимъ отданъ приказъ о томъ, чтобы въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресенье, во время службы, половинное число офицеровъ было наготовѣ, такъ какъ японцы имѣютъ обыкновеніе выбирать для своихъ нападеній то время, когда, по ихъ мнѣнію, бдительность русскихъ ослаблена. Минная атака признается возможной.

На броненосцахъ съ вечера встали на вахту не только вахтенные начальники и ихъ подвахтенные, но и полутонговые командиры *).

---

*) Завѣдующіе полутонгомъ, т.-е. группой орудій.

На кораблѣ служили заутрени. У насъ же ничего не было.

Странно казалось мнѣ не быть въ церкви, не говѣть, не поститься.

Командѣ предписано приготовиться къ исповѣди утромъ. Намъ также разрѣшено воспользоваться священникомъ со „Свѣтланы“, котораго собираются пригласить служить обѣдню.

17-го апрѣля (Пасха). Въ восьмомъ часу меня послали за священникомъ и пѣвчими.

Прибылъ на „Свѣтлану“. У трапа меня встрѣтилъ Зуровъ (старшій офицеръ). По русскому обычаю, онъ похристосовался и затѣмъ провелъ меня въ кают-компанію.

Удивительно, какъ Зуровъ умѣетъ очаровывать своимъ обращеніемъ. Его крупная фигура, открытый загорѣлый лобъ, совсѣмъ почти лысая голова съ фуражкой на самомъ затылкѣ дышатъ радушіемъ, привѣтливостью и воспитанностью.

Покуда „батя“ (такъ зовутъ священниковъ на флотѣ, когда желаютъ выразиться ласково и съ уваженіемъ) приготовлялся къ отъѣзду, я разговаривалъ съ прапорщикомъ Свербеевымъ, лейтенантомъ Барковымъ и мичманомъ графомъ Ниродомъ. Послѣдній, скромный мальчикъ, братъ убитаго на „Варягѣ“, какъ нельзя больше подходитъ къ „Свѣтланѣ“, т.-е. къ той „Свѣтланѣ“, какой я ее себѣ представляю—образцовому кораблю. Моряки утверждаютъ, что у каждаго судна есть своя душа, независимая отъ состава команды и офицеровъ. По ихъ мнѣнію, хорошая команда, посаженная на корабль съ худой душей, портится... и обратно. Въ подтвержденіе приводятся примѣры: броненосцы „Николай“ и „Сенявинъ“, крейсеръ „Мономахъ“ считаются съ плохой

душой; броненосецъ „Александръ III“, „Ушаковъ“, крейсеръ „Дм. Донской“ — хорошей. Души у молодыхъ, т.-е. новыхъ кораблей, обрисовываются съ перваго же плаванія. Броненосецъ „Орелъ“ сразу попалъ въ категорію плохихъ.

Пожалуй, въ этомъ повѣріи есть что-то такое, чего никакъ не объяснишь.

Если придерживаться такого взгляда, то можно утверждать, что у „Свѣтланы“ прекрасная душа.

Кромѣ пѣвчихъ, батюшка распорядился о перевозкѣ къ намъ походной церкви.

Прибыли на „Алмазъ“. Установили церковь.

Команда переодѣлась во все чистое, т.-е. лучшее изъ своей обмундировки, и выстроилась на адмиральскомъ мостикѣ передъ церковью, въ ожиданіи исповѣди. Сначала исповѣдывались офицеры, а затѣмъ команда, группами по 20 человѣкъ.

Лейтенантъ К. отказался отъ исповѣди, говоря, что считаетъ себя неподготовленнымъ, а заставить его исповѣдываться никто не можетъ, такъ какъ онъ никому не позволитъ вмѣшиваться въ свои убѣжденія. Конечно, никто и не принуждалъ К.

Меня также взяло сомнѣніе. Безъ достаточной подготовки, безъ воздержанія въ пищѣ и въ особенности въ словѣ, стыдно какъ-то идти къ причастію. Однако, сознаніе, что идемъ въ бой, разрѣшило мои сомнѣнія.

По окончаніи обѣдни пошли разгавливаться, т.-е., попросту—завтракать. Священникъ благословилъ трапезу и сѣлъ съ нами.

Пасхи не было—не откуда достать творогу. Куличи вышли неособенно удачными; за то ветчина, добытая съ парохода, свинина, гусь и цыплята пришлись всѣмъ по вкусу.

Благодаря заботливости старшаго офицера, командѣ были также куплены окорока.

Къ вечеру большая часть офицеровъ „поднабодалась“*); среди команды также замѣчались нетрезвые.

Откуда они могли достать вина?

Офицеры съ другихъ кораблей дѣлали визиты. Каждаго угощали виномъ.

М., съѣздившій куда-то въ гости, вернулся съ прищуренными глазами—несомнѣнный у него признакъ не слишкомъ трезваго состоянія. Увидавъ меня, онъ принялся христосоваться; однако, приступъ нѣжности у него скоро прошелъ. Придя въ каютъ-компанію, онъ началъ ко всѣмъ придираться и ссориться.

Начокавшись со всѣми своими, а также гостями я началъ страдать головною болью и удалился къ себѣ.

18-го апрѣля. Писарь развозилъ поздравительныя карточки нашей каютъ-компаніи.

19-го апрѣля. Тиха и однообразна наша жизнь безъ почты, безъ извѣстій. Письма отправляются съ покидающими насъ транспортами. По утрамъ два крейсера продолжаютъ уходить въ дозоръ; вечеромъ миноносцы идутъ на сторожевой постъ.

Въ 8 ч. пробили дробь-атаку, орудія зарядили, комендоровъ оставили при нихъ. Огни потушили. Эскадра исчезла во мракѣ. Одинъ только госп. „Орелъ“ представляетъ собою иллюминацію.

20-го апрѣля. Ожидая прихода французскаго адмирала, броненосцы и крейсера съ ранняго утра снялись съ якоря и ушли въ море.

---

*) Выраженіе, очень употребительное среди моряковъ, означающее—„поднапилась“.

Въ 10-мъ часу прибылъ французскій крейсеръ „Guichin“, вмѣсто надоѣдливаго „Декарта“ подъ флагомъ Жонкьера. Какъ и въ послѣдній разъ, французы застали на рейдѣ только миноносцевъ съ транспортами да „Алмазъ“. Передъ завтракомъ Жонкьеръ пріѣхалъ къ намъ и, пробывъ съ полчаса у Радлова, вернулся къ себѣ. Въ 1 ч. 30 мин. „Guichin“ снялся съ якоря и ушелъ.

Миноносецъ „Громкій“ посланъ къ эскадрѣ съ пакетомъ отъ завѣдующаго. Вѣроятно, какія-либо указанія или свѣдѣнія отъ французскаго адмирала.

21-го апрѣля. Въ 7 час. утра вернулась эскадра, пробывъ сутки въ морѣ.

22-го апрѣля. Грузились углемъ.

Съ утра до полдня я водилъ баркасъ; затѣмъ меня смѣнилъ П.

Только что расположился въ каютъ-компаніи въ ожиданіи оставленнаго мнѣ завтрака, какъ услыхалъ крики: „экстра, экстра“ и бѣготню по палубѣ.

Нужно замѣтить, что нѣсколько дней тому назадъ Рожественскій отдалъ приказъ о томъ, чтобы передъ очень важными телеграммами корабли телеграфировали нѣсколько разъ подрядъ слово „экстра“. Какъ только телеграфистъ прочтетъ это слово на лентѣ своего аппарата, онъ долженъ тотчасъ же, не читая продолженія, крикнуть на палубу: „идетъ экстра“. Это слово подхватывается всѣми услышавшими его и, такимъ образомъ, передаваемое отъ одного къ другому, живо облетаетъ весь корабль.

Нечего и говорить о томъ, какъ всѣ повыскакали изъ своихъ каютъ и понеслись на мостикъ. „Экстра“, „экстра“!—донеслось еще до слуха.

При помощи голосовой передачи доходило до мостика содержаніе телеграммы. Х. Л. О.—раздалось

на шкафутѣ; Х. Л. О.—откликнулось у трапа; Х. Л. О.—сказалъ сигнальщикъ. Это значитъ: „получить“, — прочелъ лейтенантъ Г. въ сигнальной книгѣ... „запиши“. Далѣе слѣдовали (З. З. Д.)—„Два“ и (Т. С. О.) — „одинаковыя“... Послѣ этого, сколько ни ждали, ничего больше не узнали. Очевидно, вышла ошибка.

Около 4-хъ часовъ окончили погрузку. Приняли 137 тоннъ. Теперь нашъ запасъ равняется 760 тоннамъ, — это вмѣсто положенныхъ 589.

Погода стоитъ прекрасная. Утромъ, правда, пошелъ маленькій дождь, который вскорѣ послѣ подъема флага пересталъ.

Сговорился съ П. и мичманомъ съ „Александра III“ Берновымъ отправиться завтра же на ближайшій островъ Куа поохотиться на козъ и павлиновъ — тутъ, говорятъ, они есть.

23-го апрѣля. Въ 4 часа 30 мин. мы уже встали. Въ самомъ началѣ шестого пріѣхалъ за нами Берновъ. Напившись чаю, сѣли въ его шлюпку и втроемъ направились къ берегу.

Солнце еще не успѣло высоко забраться. Отъ горъ падали длинныя тѣни; долины и ущелья казались погруженными въ сонъ. Пристали.

На берегу стоялъ желтый анамитъ. Очевидно онъ желалъ служить намъ въ качествѣ провожатаго.

Вышли, и, сдѣлавъ ему знакъ, чтобы слѣдовалъ за нами, углубились въ кустарникъ.

На низкихъ мѣстахъ растительность довольно густая; по мѣрѣ подъема она рѣдѣетъ и на верху горы почти голая. Среди зелени замѣтили нѣсколько хижинокъ, около которыхъ паслось стадо громадныхъ быковъ, похожихъ на черныхъ буйволовъ или на гао-

ровъ *). Когда мы проходили мимо нихъ, животныя перестали щипать траву и уставились на насъ. Спутникъ повелъ насъ въ сторону. Въ кустахъ подняли перепеловъ. Я стрѣлялъ по нимъ.

Встрѣтили мичмана съ „Авроры", товарища П. и К.

Матросы, взятые ими въ качествѣ провожатыхъ, утверждали, что видѣли огромную кошку. Сомнѣваюсь, чтобы на этомъ островѣ водились пантеры.

По временамъ слышались выстрѣлы нашихъ охотниковъ.

Мимо насъ прошелъ командиръ какого-то транспорта, онъ несъ убитую козу.

Становилось жарко. Неоднократно прибѣгали къ флягамъ съ чаемъ.

Долина, по которой мы разгуливали, была мала. Мы ее всю обошли въ какихъ-нибудь полчаса. Вернулись, еще разъ обошли и, не найдя ничего, прослѣдовали къ шлюпкѣ. Здѣсь пришла намъ фантазія выкупаться.

Вода прекрасно держитъ. Я пробовалъ ложиться на спину и въ такомъ положеніи оставался безъ всякихъ движеній. Далеко отплывать никто не рѣшался такъ какъ здѣсь водятся акулы.

Накупавшись вдоволь, собирались уже выходить, какъ къ берегу подошли сестры съ „Орла", воспользовавшіяся утреннимъ временемъ для прогулки. Пришлось оставаться въ водѣ и ждать, покуда онѣ не отвалятъ. Долго болтали и взвизгивали сестрицы, устраиваясь въ своемъ катерѣ; добрыхъ полчаса просидѣли мы въ водѣ. У меня уже начались судороги,

---

*) Быкъ джунглей въ Индіи, называемый также индійскимъ бизономъ.

къ тому же меня обожгла медуза. Словно крапивой, стегнула она по ногѣ.

Наконецъ, когда катеръ Краснаго Креста удалился, мы влезли въ шлюпку. Мичманъ Я. съ „Авроры“ стоялъ на берегу. Онъ предложилъ намъ вина, на что всѣ трое согласились.

Къ завтраку вернулись на крейсеръ хоть и безъ дичи, да зато съ чуднымъ аппетитомъ и въ прекрасномъ расположеніи духа.

24-го апрѣля. Опять пришелъ „Guichin“. Очевидно, собираются выгонять и отсюда. Неужели не дождемся Небогатова?

Говорятъ, онъ уже близко. На дняхъ долженъ присоединиться.

25-го апрѣля. Въ 6 часовъ утра командиръ и завѣдующій предложили намъ прокатиться по бухтѣ. Желающихъ набралось пять человѣкъ.

Обогнувъ островъ Куа, зашли въ какой-то проливъ, оттуда въ бухту и затѣмъ въ другую. Остановились у небольшой пальмовой рощи, спускающейся къ водѣ. Между деревьями раскинулось нѣсколько анамитскихъ хижинъ. Жители смотрѣли на насъ довольно равнодушно, пожалуй, дружелюбно. Они охотно приняли предложенныя имъ папиросы и курили ихъ съ серьезными лицами. Голыя дѣти, мальчики и дѣвочки, вертѣлись около насъ.

Пробывъ не болѣе получаса подъ сѣнью пальмъ, вернулись на судно прямо къ завтраку.

Вечеромъ стали готовиться къ походу. Подняли шлюпки и завалили ихъ. Видно, на самомъ дѣлѣ насъ выгонятъ изъ Ванъ-Фонга.

26-го апрѣля. Въ 8 часовъ утра снялись съ якоря и вышли въ море.

Передъ завтракомъ получена телеграмма „Моно-

маха", вызывающаго „Суворова". Начался разговоръ по телеграфу.

Вахтенный начальникъ поспѣшилъ подѣлиться съ нами радостнымъ извѣстіемъ. Въ теченіи завтрака разсыльный приходилъ докладывать разговоры кораблей.

Спросивъ широту и долготу мѣста (по сигнальной книгѣ), „Суворовъ" освѣдомился объ имени и отчествѣ старшаго офицера съ „Мономаха" (особая предосторожность, чтобы убѣдиться, въ самомъ ли дѣлѣ говоритъ „Мономахъ").

Сейчасъ же по окончаніи завтрака мы всѣ вышли на палубу. Броненосцы направились встрѣчать Небогатова; „Алмазъ" съ транспортами пошелъ нѣсколько въ сторонѣ.

Вскорѣ на туманномъ фонѣ горъ стали различать дымки. Эскадры сближаются. Постепенно узнаемъ мы своихъ. Еще издали замѣтили, что у „Николая" сняты заднія постройки, а у „Мономаха" срѣзана гротъ-мачта.

Всѣ три адмирала, такъ называютъ „Ушакова", „Сенявина" и „Апраксина", слѣдуютъ за „Николаемъ I-мъ". Корабли окрашены въ черный цвѣтъ сплошь, до трубъ включительно, что составляетъ разницу съ нами.

Транспорты, плохо соблюдая разстояніе, тянутся за эскадрой.

Въ 2 часа 30 мин. отрядъ Небогатова присоединился къ Рожественскому. Прогремѣлъ салютъ, за тѣмъ отвѣтный съ „Суворова" и корабли, пройдя вдоль эскадры, вступили въ строй.

Рожественскій вызвалъ Небогатова.

Въ 6 часу „Алмазъ" и транспорты вошли въ бухту Dayot (нѣсколько сѣвернѣе Ванъ-Фонга); транспорты

Небогатова, „Куронія“, „Ливонія“, „Лерхе“, „Свирь“, „Гр. Строгановъ“ и „Ксенія“, втянулись вслѣдъ за нами. Броненосцы остались въ морѣ. Несмотря на то, что высокія горы бухты вполнѣ скрывали насъ, ночью стояли безъ огней.

27-го апрѣля. Въ 9-мъ часу утра, одинъ за другимъ, вошли на рейдъ „Ушаковъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“, „Мономахъ“ и „Николай“. Первые четыре стали въ одну линію, а „Николай“ позади нихъ, нѣсколько съ боку.

Привезли почту. Давненько не имѣли писемъ и теперь очень имъ обрадовались.

Съ прибывшихъ кораблей стали пріѣзжать гости.

Пріятно было слушать, какъ они въ одинъ голосъ хвалили своего адмирала и корабли. Броненосцы, по ихъ словамъ, оказались лучшихъ мореходныхъ качествъ, нежели ожидали; недостатокъ угольнаго запаса возмѣщался тѣмъ, что корабли жгли очень мало угля. Словомъ „самотопы“, какъ называли ихъ, суда—хоть куда.

Не обошлось безъ брани по адресу Кладо, котораго многіе не одобряютъ.

Гости просидѣли у насъ весь день. Болтали, пили, одинъ даже пѣлъ. Піанола трещала немилосердно. Только къ полночи каютъ-компанія опустѣла.

28-го апрѣля. Рано утромъ, еще до восхода солнца, вдвоемъ съ Г., захвативъ съ собою ружья, отправились на охоту. По пути заѣхали на „Буйный“, за командиромъ миноносца.

Н. Н. Каломейцевъ охотно присоединился къ намъ. Подойдя къ берегу, выбрали долинку и высадились у нея. Съ мѣста увидали козу, а, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подняли пару павлиновъ.

Солнце еще не взошло. Въ воздухѣ пахло сыростью.

По близости кричалъ пѣтухъ. Я не предполагалъ, что можно найти пѣтуха въ дикомъ видѣ, и искалъ глазами селенья, котораго, конечно, не нашелъ.

Г. направился къ пѣтуху, а я съ Калломейцевымъ — къ павлинамъ, которые сѣли неподалеку. Въ это время на склонѣ горы, въ кустахъ, раздался ревъ. Мы съ Калломейцевымъ переглянулись и стали слушать. Ревъ повторился на этотъ разъ ближе. Черезъ нѣкоторое время ему отвѣтилъ другой—нѣсколько дальше. Мы все стояли и слушали, держа ружья наготовѣ. Послышался хрустъ валежника. Звѣрь сталъ приближаться. „Но что это такое? Ужъ не пантера ли?“—пронеслось у меня въ головѣ. Здѣсь онѣ безусловно есть. Вылѣзая изъ шлюпки, мы замѣтили на пескѣ громадный кошачій слѣдъ.

Вскорѣ невѣдомое животное смолкло. Калломейцевъ поднялъ камень и бросилъ по направленію слышаннаго голоса. Ничто не шелохнулось. Ободрились, пошли въ кусты. Однако, тотчасъ же пришлось отложить попытку: кусты оказались совершенно непроходимыми. Покрытые колючками, они рвали платье, царапали руки и лицо: сдѣлаешь шагъ, а дальше... ни впередъ, ни назадъ; къ тому же въ вѣтвяхъ масса крупныхъ муравьевъ, которые осыпаются и кусаютъ.

Въ это время къ намъ подошелъ Г. Ему не удалось убить пѣтуха,—птица пряталась въ колючихъ кустахъ. Продолжали путь втроемъ. Подняли павлина, по которому я выстрѣлилъ. Перья посыпались, но птица улетѣла. Обойдя всю долину, направились искать другую.

Долго шли вдоль самой воды по камнямъ и обломкамъ коралла. Морская пѣнка и раковины хрустѣли

подъ ногами. Однако, второй долины не нашли и тѣмъ же путемъ вернулись къ шлюпкѣ *).

29-го апрѣля. Небогатовскіе корабли перекрашиваютъ трубы.

Многіе изъ насъ удивляются, почему Рожественскій упорно стоитъ на черномъ цвѣтѣ корпусовъ и ярко-желтыхъ трубахъ. Предполагаю недовѣріе къ нашимъ морякамъ, которые не умѣютъ отличить своего отъ чужого; онъ предпочитаетъ представлять выгодную мишень непріятелю, нежели пострадать отъ своихъ.

Носятся слухи, что уходимъ завтра. Корабли Небогатова настолько исправны, несмотря на крупный переходъ, что готовы хоть сейчасъ слѣдовать за нами.

Передъ завтракомъ, Радлова посѣтилъ Энквистъ и затѣмъ Небогатовъ—коренастый, прыщеватый человѣкъ, съ развальцей.

Собираютъ письма, отправляемыя съ уходящими въ Сайгонъ транспортами.

30-го апрѣля. Утромъ принимали прѣсную воду съ „Метеора“. Затѣмъ грузились углемъ съ „Кореи“.

Во время отдыха пришла „Кострома“—госпитальное судно. На ней оказалась почта, адресованная черезъ Гинцбурга **).

Транспорты „Гр. Строгановъ“ и „Лерхе“ ушли въ Сайгонъ. Отправилъ съ ними письма.

Съ „Ушакова“ прислали намъ четверть водки,—

---

*) На слѣдующій день Калломейцевъ, съѣхавъ вторично на поляну, убѣдился въ томъ, что страшный ревъ—баранiй; видѣлъ пѣтуха и привезъ съ собою козу, часть которой прислалъ намъ.

**) Многіе предпочитали получать свои письма черезъ еврея, нежели черезъ Главный Морской Штабъ.

наша вся уже вышла. Отблагодарили пирогомъ (произведеніемъ Бѣляковича).

1-го мая. Съ утра снялись съ якоря и покинули предѣлы Индо-Китая.

Погода ясная и жаркая.

Къ завтраку эскадра уже выстроилась. Впереди развѣдочный отрядъ („Свѣтлана", „Терекъ", „Уралъ" и „Кубань"), за ними двѣ колонны броненосцевъ: 1) „Суворовъ", „Александръ III", „Бородино", „Орелъ"; 2) „Ослябя", „Сисой", „Наваринъ" и „Нахимовъ". Далѣе двѣ колонны транспортовъ съ „Алмазомъ" во главѣ: 1) „Анадырь", „Воронежъ", „Метеоръ", „Тамбовъ", „Корея", „Ксенія", „Ливонія" и 2) „Иртышъ", „Меркурій", „Ярославль", „Владиміръ", „Свирь", „Куронія". Крейсера: 1) „Олегъ", „Аврора", „Днѣпръ", 2) „Донской", „Мономахъ" и „Ріонъ", по бокамъ транспортовъ. У броненосцевъ на крамболахъ „Жемчугъ" и „Изумрудъ". Отрядъ Небогатова (броненосцы: „Николай", „Апраксинъ", „Сенявинъ" и „Ушаковъ") въ замкѣ. Миноносцы на буксирахъ. Всего 51 судно.

Вечеромъ оба отряда броненосцевъ стали по бокамъ транспортовъ.

Со спускомъ флага зажгли одни лишь отличительные огни. Иллюминаторы задраили. Курсъ NO 73°. Луна свѣтитъ. Море спокойно.

2-го мая. Къ утру, до восхода солнца, встрѣтили пароходъ, который пересѣкъ нашъ курсъ. „Жемчугъ" и „Изумрудъ" освѣщали его прожекторами. Съ восходомъ солнца „Донской" телеграфировалъ о видѣнномъ имъ перископѣ *). Къ полдню находились въ 232 миляхъ отъ „Dayot".

---

*) Приспособленіе, черезъ которое смотрятъ изъ подводной лодки—это глазъ ея.

Широта—13° 57′, 5 N.; долгота—112° 51′, 4 Ost.

Въ 12 часовъ 30 мин. перемѣнили курсъ на NO 60°.

Въ открытый иллюминаторъ вылетѣлъ одинъ изъ нашихъ попугайчиковъ. М. очень сокрушался, усмотрѣвъ въ этомъ дурное предзнаменованіе.

Послѣ отдыха докторъ читалъ намъ лекцію о поданіи первой помощи, объ искусственномъ дыханіи, обморокѣ и т. д.

Въ 7 час. 30 м. пробили дробь-атаку. Орудія зарядили и оставили при нихъ вахтенное отдѣленіе.

3-го мая. Попрежнему стою ночныя вахты. Въ 3 ч. ночи зашла луна. Стало темно. Корабли, освѣщаемые одними отличительными огнями, едва видны.

Въ 4 часа начало свѣтать. Въ 5 совсѣмъ свѣтло. Команда продолжаетъ окачиваться.

Провѣряли расписаніе тревогъ.

Къ полдню широта—15° 44′ N.; долгота—115° 36′ Ost. Пройдено 194 мили.

Запасъ водки истощился, слышатся недовольные голоса. Приходится пить командную.

За завтракомъ, обѣдомъ и чаемъ, когда всѣ въ сборѣ, разсуждаемъ о встрѣчѣ съ непріятелемъ. Нѣкоторые полагаютъ, что встрѣча произойдетъ у сѣвера Формозы, другіе склонны думать, что японцы воздержатся отъ открытаго боя, а будутъ тревожить минными аттаками и дадутъ возможность добраться до Владивостока, гдѣ постараются повторить Артуръ. Почти всѣ сокрушаются, что „Алмазъ“ участія въ бою не приметъ, а будетъ только отдаленнымъ свидѣтелемъ. Однако, несмотря на полное отсутствіе боевого значенія „Алмаза“, и у насъ идутъ приготовленія къ бою: при орудіяхъ имѣются сумки съ перевязочнымъ матеріаломъ, а на палубѣ стоятъ всюду

сосуды съ прѣсной водой (извѣстно, что во время боя люди страдаютъ отъ жажды).

4-го мая. Къ полдню пройдено 194 мили. Широта 18° 4′ N, долгота—117° 57′ Ost.

Ревизоръ выдавалъ жалованье. Съ выхода изъ Носсибе положительно некуда тратить.

Убрали шкафутный тентъ. Благодаря этому въ моей каютѣ стало прохладнѣе, есть надежда спать у себя.

5-го мая. Грузились углемъ съ „Иртыша“. Завѣдующій транспортами пересѣлъ на „Ярославль“. Изъ его штаба лейтенантъ Гильдебрантъ остался у насъ, остальные перебрались на транспортъ. Спустили брейдъ-вымпелъ. Въ полдень широта—19° 30′ N, долгота—119° 52′Ost; плаванія 148 миль.

Покуда шла погрузка, опустили удочки (крюки) съ цѣлью поймать акулъ. Поймать, однако, не удалось, несмотря на то, что акулъ было множество.

Въ пятомъ часу дали самый малый ходъ и вступили въ свое мѣсто.

Перемѣнили курсъ на NO 72°. Транспорты „Тамбовъ“ и „Меркурій“ покинули насъ.

Ночью свѣтила полная луна.

6-го мая. Штиль. Самымъ малымъ ходомъ, благодаря поврежденію въ машинѣ „Апраксина“, продолжаемъ подвигаться по Южно-Китайскому морю. Въ 3-мъ часу „Олегъ“ и „Аврора“, посланные по направленію показавшагося огня, вернулись, ведя съ собою однотрубный, двухмачтовый, грузовой пароходъ подъ англійскимъ флагомъ.

Въ 5 час. 5 мин. застопорили машины. Послали на пароходъ по 20 человѣкъ команды съ каждаго броненосца 1-го отряда, англичанъ же перевели на „Днѣпръ“

„Жемчугъ“, посланный передъ разсвѣтомъ осмотрѣть показавшееся справа на горизонтѣ судно, привелъ его къ намъ въ 8 час. утра. Пароходъ оказался безъ груза—его отпустили.

Захваченный пароходъ ошвартовили съ „Ливоніей“, такъ что въ 11 часовъ 45 минутъ, когда эскадра дала четырехузловой ходъ, „Ливонія“ съ англичаниномъ продолжали держаться въ строю впереди „Суворова“.

Въ 11 час. 10 мин. по случаю дня рожденія Государя Императора произвели салютъ въ 31 выстрѣлъ. Стеньговые флаги украсили мачты.

Въ полдень широта 19°52′ N; долгота 120°55′ Ost; плаванія 63 мили.

Погода, какъ и за все время перехода, стоитъ великолѣпная. Море спокойно. Качка замѣчается только во время остановокъ, да и качкой-то назвать нельзя медленное переваливаніе изъ стороны въ сторону на какіе-нибудь одинъ или полтора градуса.

Мичмана П. поставили на вахту, а С.—на штурманскую. Въ 10 час. я его смѣнилъ. Къ полночи засвѣжѣло.

Въ 11 час. 45 мин. измѣнили курсъ на SO68° и дали 8 узловъ.

Захваченный пароходъ идетъ самостоятельно.

7-го мая. Въ 3-мъ часу ушелъ спать на ютъ. (Проснулся въ 9-мъ часу).

Въ 4 час. 30 мин. утра взяли курсъ NO87°. Въ 5 час. пеленговали островъ Balintang на S049°; остовый край Batan на N034° и вестовый Saltan NWI°.

Въ 7 час. взяли курсъ N052° и опять пеленговали Batan NW 20, Saltan NW76, 5° и Balintang SO16,5°.

„Суворовъ“ приказалъ захваченному пароходу по-

ставить въ помощь машинѣ косые паруса, и закрасить полосу на трубѣ, а „Днѣпру“ передать англичанъ въ госпиталь „Орелъ“.

Въ 10 час. перевели часы на 7 мин. впередъ.

Вошли въ Тихій океанъ.

Въ 12 час. широта 20° 42′ N; широта 122° 36′ Ost; плаванія 109 миль.

Передъ завтракомъ старшій офицеръ прочелъ составленное имъ на май росписаніе подвахтенныхъ офицеровъ.

Обязанности распредѣлены между С., П. и мною. Иначе говоря, стоимъ на три вахты. Сегодня же съ полдня до 8 час. вечера я, затѣмъ П. до 12 и С. съ 12—4 утра, когда на смѣну ему становлюсь снова я и т. д. Время съ 6 утра и до 6 вечера разрѣшается не стоять на мостикѣ, а такъ просто числиться дежурными. Обязанности вахтенныхъ офицеровъ—слѣдить за сигналами, за горизонтомъ и помогать вахтенному начальнику.

Лейтенанты продолжаютъ стоять на пять вахтъ.

Отъ скуки практикуюсь въ азбукѣ „Морзе“.

Въ теченіе всего дня появлялся на горизонтѣ на SO 70°—80° дымокъ, обратившій на себя вниманіе „Суворова“ и „Кубани“.

Въ 6 час. всталъ на вахту. Около 8-ми показалась луна.

Команда одѣла фланелевыя рубашки.

Въ 11-мъ часу легъ спать на ютѣ. Вѣтеръ сдувалъ пледъ, которымъ я укрывался, луна свѣтила въ лицо... тѣмъ не менѣе, усталость взяла свое и я заснулъ.

8-го мая (воскресенье). Въ 4 часа вступилъ на вахту. Чуть свѣтало. Въ 5 час. 14 мин. показался верхній край солнца. Пошелъ дождь. Вскорѣ онъ

пересталъ. Вспрыснуло еще два раза и затѣмъ мало-по-малу небо очистилось.

Въ 6 час. вернулся въ каюту и проспалъ до 10 часовъ.

Команда перегружала уголь съ палубы въ ямы.

Съ 6 утра шли 3-узловымъ ходомъ, съ 8 часовъ прибавили до 8.

Въ 9 час. призовому пароходу приказано отдѣлиться отъ эскадры, а „Кубани“ конвоировать его.

Командиръ завтракалъ въ каютъ-компаніи. Нашъ столъ—далеко не изъ плохихъ. Къ примѣру, приведу меню завтрака. На первое — бульонъ съ кулебякой, на второе—жареная утка и на сладкое—блинчики съ вареньемъ.

Въ полдень измѣнили курсъ на N038°, Широта 22°29′ N; долгота 125°3′ Ost; плаванія 172 мили. Отъ Dayot 1111 миль. „Жемчугъ“ замѣтилъ воздушный шаръ надъ эскадрой. Черезъ часъ шаръ увидѣли и со „Свѣтланы“ и позади насъ на SW 85°, высотой на 35° отъ горизонта.

Въ это время „Жемчугу“ приказано направиться на SO 62° вправо отъ насъ и, отойдя на 12 миль, возвратиться на свое мѣсто, „Олегу“ идти поддержать, если окажется надобность.

Тщетно разыскивалъ я шаръ при помощи бинокля, но ничего не нашелъ. Одинъ изъ сигнальщиковъ утверждалъ, что замѣтилъ его между облаками, но шаръ скоро скрылся.

Послѣ ухода „Кубани“, ея мѣсто въ строю занялъ „Уралъ“, а на мѣсто „Урала“ стали мы.

„Жемчугъ“ и „Олегъ“ вернулись передъ обѣдомъ.

На завтра предположена погрузка угля.

Съ 8 вечера и до полночи простоялъ на вахтѣ.

Шелъ дождь. Луна взошла въ самомъ началѣ десятаго часа. На югѣ виднѣется „Южный Крестъ“.

9-го мая. Продолжаемъ идти съ одними отличительными огнями.

Въ 1-мъ часу вышли изъ тропиковъ. Около полгода провели мы въ нихъ. Стало прохладнѣе. Легъ спать въ каютѣ, хотя не скажу, чтобы чувствовалъ себя хорошо въ ней.

Въ 6 час. 15 мин. измѣнили курсъ на HW22°.

Благодаря волнѣ, погрузку оставили, и я проспалъ спокойно до 8 часовъ.

Въ 8 час. 15 мин. „Терекъ“ отдѣлился отъ эскадры и ушелъ по назначенію.

Въ 10 час. часы перевели на 6 минутъ впередъ.

За завтракомъ чествовали четырехъ Николаевъ—именинниковъ.

Въ полдень находились въ широтѣ 25°,1′ N, и долготѣ—126°5′ Ost; за сутки пройдено 180 миль.

Сигналомъ съ „Суворова“ приказано осматривать и отгонять съ пути всѣ встрѣчныя суда.

Въ 3 часа подали шоколадъ именинникамъ, который я проспалъ.

Становится настолько прохладно, что командѣ приказано одѣть фланелевыя рубашки и тѣльники. Въ 5 часовъ окачивались только желающіе.

„Днѣпру“ передано, чтобы не выпускалъ ссаженныхъ съ приза англичанъ ранѣе 20 мая.

На завтра предположена погрузка угля.

Легъ спать у себя, но, благодаря дневному сну, не въ состояніи былъ заснуть, ворочался съ боку на бокъ до тѣхъ поръ, пока вахтенный не сунулъ физіономіи въ мою каюту и произнесъ: „Ваше... на вахту просятъ“.

10-го мая. Свѣжѣло, покрапывалъ дождь, который пошелъ сильнѣе къ концу моей вахты.

Однако, онъ прибилъ волну и настолько, что, когда въ 4 часа меня смѣнилъ П., море было совершенно спокойно. Очевидно, назначенная погрузка должна была состояться.

Въ 4 часа разбудили команду.

Въ первый разъ не было жарко спать подъ одной простыней. На вахтѣ мы стояли въ тужуркахъ, сверхъ кителя, да еще прикрывались дождевиками; термометръ показывалъ+14° R.

Въ 5 час. остановили машины, послали команду на „Иртышъ“ и приступили къ погрузкѣ. Съ шести часовъ до восьми на катерѣ ходилъ П. Съ восьми его смѣнилъ С. Въ 10 час. 25 мин., принявъ 101 тонну, окончили грузиться; такимъ образомъ, обязанность ходить на катерѣ меня миновала.

Получены приказы командующаго. Въ одномъ изъ нихъ говорится о томъ, что слѣдуетъ быть постоянно готовымъ къ бою, во время котораго кораблямъ вмѣняется въ обязанность обходить своихъ поврежденыхъ мателотовъ. Въ случаѣ выхода изъ строя „Суворова“ адмиралъ переноситъ свой флагъ на другой корабль; съ этой цѣлью миноносцамъ „Бѣдовому“ и „Быстрому“ находиться при „Суворовѣ“ все время и внимательно слѣдить за броненосцемъ.

Въ другомъ приказѣ перечисляются суда, везущія контрабанду. Цѣлыхъ 20 пароходовъ! Везутъ они и оружіе, и снаряды, взрывчатыя вещества, желѣзо, рельсы, кабель, приспособленія для подъема артурскихъ кораблей, машины и нѣсколько сотъ орудій.

Въ полдень широта 27° 18 N; долгота—125° 21 Ost; плаванія 143 мили. Идемъ Восточно-Китайскимъ моремъ.

11-го мая. Въ 4 часа, вступая на вахту, надѣлъ бурковые сапоги и мѣховую тужурку, тѣ самые, которые получилъ въ Носсибе.

Свѣтало. Море спокойно, безъ зыби, отражаетъ блѣдные цвѣта загорающейся зари. Наступаетъ утро. На мостикѣ такъ хорошо, что не хочется уходить.

Появился дымокъ на NO и вскорѣ пустой пароходъ пересѣкъ нашъ курсъ.

Въ седьмомъ часу вернулся въ каюту, но такъ какъ спать не хотѣлось, началъ прибираться: сложилъ бѣлье, наваленное въ безпорядкѣ, досталъ теплыя вещи, а часть тропическихъ припряталъ. Передъ подъемомъ флага взялъ душъ. Вода оказалась холодной.

Въ 8 час. эскадра пошла $9^1/_2$ узловымъ ходомъ.

Исполнилось четыре положенныхъ мѣсяца моей кормежки.

Уговариваютъ остаться. Соглашаюсь продолжить до прихода въ какой-либо портъ.

Въ полдень пройдено 153 мили. Широта 29°37′ N; долгота 124°7′ Ost. Идемъ по направленію къ Шангхаю.

Въ часъ уменьшили ходъ до 5 узловъ.

Въ каютъ-компанію принесли пойманную на ютѣ выпь. Птица не летала, несмотря на то, что крылья казались не поврежденными. Удивляюсь, какимъ образомъ могла она попасть къ намъ.

Въ 8 час. вступилъ на вахту. Обрывокъ луны, числящійся по календарю, долженъ былъ появиться въ первомъ часу. Облака, заволакивая небо, не дали ему возможности заглянуть на эскадру.

12-го мая. Сѣрое дождливое утро. Вѣтеръ свѣжѣетъ. Съ 5 часовъ утра взяли курсъ NW 75°.

Въ 8 час. 15 мин. транспортамъ приказано идти по назначенію, крейсерамъ также.

„Ярославль“, „Владиміръ“, „Воронежъ“, „Метеоръ“, „Ливонія“ и „Куронія“, конвоируемые „Ріономъ“ и „Днѣпромъ“, отдѣлились отъ эскадры и пошли въ Шангхай. Адмиралъ изъявилъ имъ свое особенное удовольствіе за службу.

Въ 8 час. 45 мин., находясь въ разстояніи 80 миль приблизительно отъ Шангхая, эскадра повернула на N02° и дала 8 узловъ. Въ 9 час. 10 мин. легли на курсъ N073°, т.-е. по направленію Корейскаго пролива.

Погода непріятная. Дуетъ холодный вѣтеръ. Развело волну. Мелкій дождикъ мороситъ изъ свинцоваго неба. Горизонта не видно. „Анадырь“, идущій кабельтовыхъ въ пяти отъ насъ, подернутъ туманомъ. „Алмазъ“ начинаетъ клевать носомъ.

Въ полдень широта 31°1′ N; долгота 123°21′ Ost. Пройдено 132 мили.

Строй эскадры измѣнился. Во главѣ „Свѣтлана“, въ качествѣ дозорнаго судна, имѣя позади на раковинахъ „Урала“ и „Алмаза“. Въ кильватеръ транспорты „Анадырь“, „Иртышъ“, „Камчатка“, „Корея“ и буксиръ „Русь“. По бокамъ транспортовъ двѣ колонны броненосцевъ съ крейсерами. Въ правой: „Суворовъ“, „Александръ III“, „Бородино“, „Орелъ“, „Ослябя“, „Сисой“, „Наваринъ“ и „Нахимовъ“, въ лѣвой: „Николай“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“, „Ушаковъ“, „Олегъ“, „Аврора“, „Донской“ и „Мономахъ“. „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“ впереди эскадры, на крамболахъ у „Свѣтланы“, и оба госпитальныхъ судна на раковинахъ концевыхъ кораблей. „Свирь“ на траверзѣ „Суворова“, миноносцы по бокамъ транспортовъ. Всего 38 судовъ, изъ нихъ „Корея“, „Русь“ и „Свирь“ не вооруженныя и подъ коммерческимъ флагомъ (госпитальныхъ „Кострому“ и „Орла“ я не считаю).

26 двѣнадцати-дюймовыхъ орудій на всю эскадру и 15 десяти-дюймовыхъ. 8д (на „Нахимовѣ“) восемь штукъ, затѣмъ уже идутъ орудія меньшаго калибра. У японцевъ 12-ти дюймовыхъ насчитываемъ 16, десяти-дюймовыхъ также меньше нашего, всего 6, за то восьми-дюймовыми они значительно превышаютъ насъ (28), да и въ 6-ти дюймовыхъ перевѣсъ на ихъ сторонѣ.

Ихъ флотъ состоитъ изъ эскадренныхъ броненосцевъ: „Миказа“, „Асахи“, „Сикисима“ и „Фуджи“, броненосныхъ крейсеровъ: „Ниссинъ“, „Кассуга“, „Азама“, „Токива“, „Идзумо“, „Ивате“, „Азума“ и „Якумо“; бронепалубные крейсера: „Касаги“, „Шитозе“, „Акитсушима“, „Ніитака“, „Тсусима“, „Сума“, „Акаши“, „Чіода“, „Идзуми“; небронированные крейсера: „Татсута“, „Шихая“.

Кромѣ того, суда старой конструкціи: броненосецъ „Чинъ-іенъ“ и „Фузо“. Крейсера: „Матсушима“ „Итсукушима“ и „Хашидате“.

Въ броненосцахъ у насъ значительный перевѣсъ надъ японцами, но зато мы совсѣмъ лишены броненосныхъ крейсеровъ: у насъ одинъ „Нахимовъ“, да и тотъ со старой артиллеріей... Японскіе крейсера „Ниссинъ“ и „Кассуга“ не уступятъ нашему броненосцу „Ослябя“. „Наваринъ“ у насъ также со старой артиллеріей. Крейсера „Донской“ и „Мономахъ“, хотя и броненосные, но старой конструкціи и съ малымъ ходомъ, не могутъ равняться съ японскими.

Въ противовѣсъ японскимъ четыремъ броненосцамъ выставляемъ своихъ четырехъ, 8-ми крейсерамъ—броненосцы „Ослябя“, „Наваринъ“, „Сисой“, „Николай“, „Ушаковъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“, и крейсеръ „Нахимовъ“, при чемъ, какъ я уже сказалъ, у „Наварина“, „Николая“ и „Нахимова“ артил-

лерія старая, не дальнобойная, а у „Сенявина“, „Ушакова“ и „Апраксина“ только и есть, что десятидюймовки по 4, на первыхъ двухъ 3, на послѣднемъ, остальная артиллерія мелкая — 120-ти миллиметровая. Эти корабли едва-ли могутъ противостоять японскимъ, у которыхъ кромѣ 4-хъ восьми-дюймовокъ, бьющихъ на любой бортъ, отъ 12 до 14 шести-дюймовокъ на каждомъ. Крейсерамъ „Касаги“, „Шитозе“ противопоставимъ „Донского“, и „Мономаха“, лучше бронированныхъ, но зато съ меньшимъ ходомъ. Наши едва-ли могутъ дать 17 узловъ, японцы же даютъ болѣе 20. Остальнымъ, т.-е. „Нитака“, „Тсусима“, „Акитсусима“, „Сума“, „Акаши“, „Чіода“, „Татсута“, „Нанива“, „Такачихо“, „Идзуми“, „Матсусима“, „Итсукусима“, и „Хашидате“, т.-е. 14-ти—„Олегъ“, „Аврора“, „Свѣтлана“, Жемчугъ“, „Изумрудъ“, и только... т.-е. 5. „Алмаза“ я не считаю, такъ же какъ „Урала“ и вооруженныхъ транспортовъ, способныхъ отстрѣляться развѣ только отъ миноносца.

Быть можетъ, не всѣ японскія суда могутъ принять участіе въ бою, должны же вѣдь остаться у Владивостока, должны охранять свои высадки, къ тому же неужели нѣтъ никого въ докахъ? Нѣтъ ли также на днѣ морскомъ? Недавно узнали, что броненосца „Яшима“ не существуетъ, а равно какъ крейсера „Такасаго“. Тѣмъ не менѣе, перевѣсъ у врага значительный.

13-го мая. Въ полночь вступилъ на вахту. Темно. Къ двумъ часамъ на NO появилась свѣтлая полоска. Восхода луны не было видно. Около 3-хъ часовъ кусочекъ свѣтила робко выглянулъ уже на значительной высотѣ и снова скрылся за облаками. На мостикѣ разрѣшено(неоффиціально) курить. Вахтенные начальники весьма этимъ довольны, курятъ какъ

трубы, пряча папиросу въ рукавъ при появленіи командира.

Въ 3 часа начали разводить пары еще въ 6 котлахъ, чтобы имѣть ходъ до 15 узловъ.

Отстоявъ вахту, вернулся къ себѣ. Проспалъ до 10 часовъ. Вставать не хотѣлось. Душа не бралъ—холодно. Изъ команды находятся-таки любители, которые продолжаютъ окачиваться.

Безпроволочный телеграфъ началъ передавать непонятные слоги. Говорятъ, по всей вѣроятности, японцы, притомъ по шифру. У насъ имѣется ихъ азбука, къ тому же командиръ владѣетъ языкомъ.

Съ 9 часовъ и до 11 броненосцы занимались эволюціями. Теперь на нихъ уже не видно мѣшковъ съ углемъ, они спущены въ ямы. Корабли какъ бы выпрямились, пріосанились. Во время эволюцій транспорты держались въ сторонѣ, уменьшивъ ходъ до 5 узловъ.

Завтракали въ адмиральской столовой. Каютъ-компанія обращена въ операціонную. Оттуда вынесли мягкую мебель, столъ и все лишнее, промыли и дезинфецировали полъ, стѣны и потолокъ.

Въ полдень широта=32°16′ N; долгота=126°20′ Ost. Пройдено 165 миль за сутки (отъ Даіотъ 1939 миль).

Во время отдыха „Суворовъ“ далъ знать сигналомъ, что японскіе развѣдчики видятъ нашъ дымъ и ночью слѣдуетъ ожидать повторныхъ минныхъ атакъ.

Въ 4 часа 25 сигналъ съ „Суворова“: „приготовиться къ бою завтра, съ подъемомъ флага поднять и стеньговые флаги“ *). „Во время боя имѣть у аппа-

*) Корабли, идущіе въ бой, поднимаютъ флаги на всѣхъ мачтахъ; въ праздничные дни флаги также поднимаются—завтра коронація.

ратовъ лучшихъ телеграфистовъ". Въ 5 часовъ 34 минуты: „по телеграфу ясно видно, что возлѣ насъ переговариваются семь непріятельскихъ крейсеровъ".

Въ 6 часовъ всталъ на вахту. Съ заходомъ солнца прислуга расположилась у орудій. Командѣ коекъ не раздавали. Отличительные огни несли самые слабые, въ 5 свѣчей, да и то не все время. У „Николая" горѣлъ одинъ внутренній зеленый. Свои мы зажигали въ томъ лишь случаѣ, когда „Изумрудъ" подходилъ слишкомъ близко къ намъ.

Послѣ обѣда долго гулялъ по темной верхней палубѣ и затѣмъ ушелъ спать въ каюту.

14-го мая. Въ часъ ночи взошла луна. Ее не ожидали такъ рано—ошиблись на день въ разсчетѣ.

Въ теченіе всей ночи безпроволочный телеграфъ продолжалъ передавать непонятные слоги. Быть можетъ, на „Суворовѣ" ихъ и разбирали.

Проснулся я въ 3 часа 30 минутъ. Когда унтеръ-офицеръ заглянулъ въ мою каюту, чтобы разбудить меня на вахту, я уже вставалъ.

Склянокъ не били. Въ 4 часа поднялся на мостикъ. Свѣтло. Море слегка волнуется. Какая-то мгла, похожая на тѣ, которыя бываютъ и въ нашихъ краяхъ подъ конецъ лѣта, скрываетъ горизонтъ.

Командиръ спустился отдохнуть. Запасный старшій офицеръ съ поднятымъ воротникомъ тужурки вступилъ ему на смѣну. Безмолвно и величественно подвигается эскадра.

Въ 6 часовъ утра весь нашъ отрядъ, т.-е. „Свѣтлана", „Алмазъ" и „Уралъ" покинули свои мѣста и, выстроившись въ кильватерную колонну, вступили въ хвостъ эскадры.

6 ч. 30 м. Я уже собирался спуститься, какъ

госпиталь „Кострома“ сообщилъ, что видитъ непріятельскій крейсеръ слѣва. Стали смотрѣть, однако, благодаря мглѣ, не только мы, но и сидящій въ бочкѣ сигнальщикъ, ничего не могли разсмотрѣть. Прошло минутъ двадцать и, наконецъ, различили, едва выдѣляющіеся въ туманной дали на правомъ траверзѣ, контуры двухтрубнаго, двухмачтоваго военнаго судна. Разстояніе между нами равнялось приблизительно 70 кабельтовымъ. Справившись съ записной книжкой, гдѣ у меня были нанесены всѣ силуэты японскихъ кораблей, безъ труда призналъ крейсерокъ „Идзуми“. Со мною согласились и остальные.

Черезъ нѣкоторое время „Свѣтлана“ подняла сигналъ: „вижу крейсеръ „Идзуми“. Послѣдній вскорѣ скрылся.

Съ подъемомъ флага и стеньговыхъ переодѣли команду во все чистое, бѣлыя рубашки и черныя брюки. Я надѣлъ китель. Погода теплая. Попрежнему мгла заволакиваетъ горизонтъ. Море слегка волнуется. „Алмазъ“ покачиваетъ изъ стороны въ сторону.

Снова появился „Идзуми“, на этотъ разъ нѣсколько ближе. Онъ идетъ однимъ съ нами курсомъ. Пробили боевую тревогу, но стрѣлять не стали. Черезъ нѣкоторое время прислугу распустили, оставивъ у орудій комендоровъ.

Въ 9 часовъ съ мостика, слѣва отъ насъ, усмотрѣли трубы двухъ непріятельскихъ крейсеровъ. Они шли нѣкоторое время параллельно намъ, а затѣмъ скрылись. „Идзуми“ продолжаетъ отъ поры до времени показываться. Одноцвѣтный, выкрашенный въ свѣтлосѣрую краску, совершенно почти подъ цвѣтъ воды, трудно разсмотрѣть его на горизонтѣ, а въ особенности туманномъ.

9 ч. 10 м. Зашелъ въ каюту внести въ дневникъ все только что сказанное. Покуда пишу эти строки, „Идзуми“ продолжаетъ держаться у насъ на траверзѣ. Пойду, посмотрю, нѣтъ ли чего новенькаго *).

Въ 10 ч. 45 м. командѣ дали обѣдать (на 15 минутъ ранѣе обыкновеннаго); группы матросовъ расположились на верхней палубѣ. Дымящіеся баки со щами стояли на разостланныхъ передъ ними брезентахъ. Проходя мимо, я видѣлъ веселыя лица. Матросы разговаривали—шутили. Повидимому, настроеніе у нихъ превосходное. Всѣ знаютъ, что сегодня же, быть можетъ, черезъ полчаса, когда войдемъ въ Цусимскій проливъ, грянетъ бой, тѣмъ не менѣе, никто не боится. Да не только матросы, но и наши офицеры одинъ веселѣе другого. Нѣтъ серьезныхъ и сосредоточенныхъ лицъ. Это дѣйствуетъ благотворно и на мое настроеніе, которое замѣтно приподнимается. Однако, пора и намъ позавтракать. Пробили склянки. Офицеры собрались въ адмиральскомъ помѣщеніи и принялись сначала за закуску.

На горизонтѣ слѣва появилось четыре японскихъ крейсера. Съ вахты прислали сообщить объ этомъ, когда мы и безъ того замѣтили ихъ черезъ широкія окна нашей столовой. Они у насъ на траверзѣ, прямо передъ глазами. Я сидѣлъ противъ окна и могъ все время наблюдать за ними. Сидящіе спиной, то и дѣло оборачивались. Опять досталъ я свою тетрадку и опредѣлилъ двухтрубныхъ „Касаги“ и „Шитозе“ и трехтрубныхъ „Нитаку“ и „Тсусиму“. Замѣтное волненіе охватило насъ. Я чувствовалъ себя какъ на экзаменѣ передъ вызовомъ. Приходило и на мысль,

*) Послѣдующее написано уже во Владивостокѣ.

что стоитъ одному снаряду попасть въ нашу деревянную рубку, какъ не только отъ насъ, здѣсь сидящихъ, но и отъ самаго „Алмаза“ ничего не останется, онъ сгоритъ какъ щепка. Едва ли сумѣютъ затушить эту кучу горючаго матеріала.

Подали шоколадъ (на сладкое); я уже не могъ къ нему прикоснуться, настолько велико было мое волненіе; аппетитъ совершенно пропалъ. Не успѣлъ вѣстовой обнести всѣхъ, какъ звуки горна и барабана заставили насъ сорваться съ мѣстъ. По палубѣ забѣгали...

Отрядъ Небогатова, идущій въ лѣвой колоннѣ, ближе къ непріятелю, открылъ огонь. Грохнуло нѣсколько выстрѣловъ съ крейсеровъ. Японцы сейчасъ же повернули и, пустивъ нѣсколько отвѣтныхъ снарядовъ, скрылись за горизонтомъ.

Пробили отбой. Волненіе наше улеглось. Большая часть каютъ-компаніи вернулась допивать оставленный шоколадъ. Нѣкоторые же нашли возможнымъ использовать время отдыха и разошлись по каютамъ.

„Разбуди меня, если будетъ что интересное“, обратился ко мнѣ П. и прошелъ къ себѣ.

Я не думалъ объ отдыхѣ, а, гуляя по корридорамъ, поглядывалъ на туманный горизонтъ.

Мимо „Алмаза“ проплыли какіе-то обломки, за ними другіе... и еще. Я началъ вглядываться. Плыли трапы, комингсы, щиты и т. п.

Тутъ вспомнилъ я слова офицеровъ съ „Авроры“ и „Нахимова“: „Адмиралъ не позволяетъ освободиться отъ лишняго дерева, находя это преждевременнымъ, ну, да тамъ будетъ видно, послѣ первыхъ же выстрѣловъ выбросимъ за бортъ все лишнее“.

Отдыхъ не былъ продолжителенъ.

Въ 1 часъ 45 минутъ послышалась тревога безъ

дробей. Непріятеля не было видно, однако, какое-то внутреннее чувство подсказало мнѣ, что на сей разъ дѣло не шуточное. Поспѣшилъ къ каютѣ П. Онъ, очевидно, не успѣлъ даже задремать. Я его встрѣтилъ въ корридорѣ. „Ну, что?“ сказалъ онъ. „Наткнулись на главныя силы“, отвѣтилъ я, не зная самъ, зачѣмъ говорю такъ положительно о томъ, чего не знаю.

Въ мигъ очутились мы у своихъ пушекъ. Никого на горизонтѣ. Взбѣжалъ на полубакъ, оттуда виднѣе. Обѣ колонны броненосцевъ начали строиться въ кильватеръ. Крейсера отдѣлились отъ нихъ и вмѣстѣ съ транспортами склоняются вправо. „Свѣтлана“, Алмазъ“ и „Уралъ“ кладутъ немного лѣворуля.

Какъ ни прикладываю Цейса къ глазамъ, не вижу ни одного японца.

Справа появляется „Идзуми“. На этотъ разъ „Мономахъ“ отдѣляется отъ колонны, идетъ по направленію къ японскому крейсеру и выпускаетъ нѣсколько снарядовъ. „Идзуми“ скрывается.

Головныхъ броненосцевъ не видно. Силуэты концевыхъ начинаютъ стушевываться въ туманѣ. До слуха донесся отдаленный гулъ. Мы продолжаемъ склоняться вправо.

Съ напряженнымъ вниманіемъ смотрю въ ту сторону, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, находится наша эскадра. Орудія гремятъ. Желтыя змѣйки прорѣзаютъ туманный покровъ—стрѣляютъ концевые. Огонь болѣе отдаленныхъ судовъ напоминаетъ зарницы.

Слѣва показалось четыре крейсера. Дымъ изъ ихъ трубъ стелется параллельно палубѣ. Передъ каждымъ бѣлѣетъ бурунъ. Полнымъ ходомъ приближаются они къ намъ. Спускаюсь къ своимъ орудіямъ

Комендоры стоятъ молча, не спуская глазъ съ непріятеля.

Японцы собираются отрѣзать транспорты отъ броненосцевъ.

„Ну, что же Энквистъ, думаю я, неужели онъ позволитъ обстрѣливать свои слабые концевые корабли и не бросится навстрѣчу?“

Разстояніе быстро сокращается.

М. отдаетъ приказаніе открыть огонь.

Комендоры только и ждутъ этого. Загрохотали орудія. У одного изъ японцевъ блеснулъ огонекъ, за нимъ другой... Что-то со свистомъ пронеслось въ воздухѣ...

Я переглянулся съ П.

Снаряды заплескали въ водѣ. Высокіе фонтаны, выше нашихъ мачтъ, стали подниматься то справа, то слѣва.

„Не стойте здѣсь“, сказалъ мнѣ старшій офицеръ, проходя мимо. Я стоялъ, облокотившись о фальшбортъ, и глядѣлъ на столбъ воды, взмывшій въ кабельтовѣ отъ насъ.

„Носилки!“ раздалось на палубѣ... мимо меня пробѣжали четыре матроса, одѣтыхъ во все бѣлое, съ носилками въ рукахъ. Среди нихъ я замѣтилъ Ромашина. Съ адмиральскаго мостика снесли тѣло. Я заглянулъ въ побѣлѣвшее лицо убитаго и не узналъ его. Снарядъ попалъ въ заднюю мачту, пробилъ и зажегъ топъ деревянной стеньги и разорвался. Начали тушить, но брандспойты не доставали. Унтеръ-офицеръ Вихаревъ, невзрачный, всегда незамѣтный, полѣзъ на мачту. Его мало безпокоилъ свистъ снарядовъ. Однако, потушить не удалось. Вихаревъ слѣзъ и вскорѣ обуглившаяся стеньга совсѣмъ такелажемъ рухнула на мостикъ.

„Олегъ“ повернулъ къ японцамъ. Наконецъ-то сообразилъ Энквистъ, что его задача охранять транспорты. За „Олегомъ“ послѣдовали „Аврора“, „Донской“, „Мономахъ“ и весь нашъ отрядъ.

Японцы уклонились, перенесли часть своего огня на крейсеровъ, однако, и насъ не оставляли безъ вниманія. Наши 47 миллиметровыя пушки сыплютъ недолетами. Палуба у насъ усиленно поливается во избѣжаніе пожара. Вода переливается изъ стороны въ сторону. На кренѣ доходитъ мнѣ до щиколодокъ. Сапоги промокли, но не до этого.

Когда японцы отдалились достаточно, Энквистъ повернулъ на прежній курсъ. „Касаги“, „Шитозе“, „Ніитака“ и „Тсусима“ снова начали сближаться.

Опять засвистали снаряды.

„Уралъ“ бросился подъ защиту „Алмаза“. Трусъ! Японцы воспользовались замѣшательствомъ и сосредоточили огонь по кораблямъ, представляющимъ столь выгодную мишень.

„Алмазъ“ дрогнулъ. Старшій офицеръ сбѣжалъ съ мостика, освѣдомляясь, „гдѣ пробоина“.

Оказалось, что намъ перебило штагъ *).

Около „Урала“ всплеснуло нѣсколько разъ. Корабль началъ осѣдать носомъ. На мачтѣ появился сигналъ о бѣдствіи.

„Свѣтлана“ подошла къ нему и приказала передать команду на „Корею“. Одну за другой спустили всѣ шлюпки. Биткомъ набитыя, зацѣпляя однимъ весломъ за другое, покинули онѣ свой корабль. На палубѣ никого не осталось.

Но вотъ и „Свѣтлана“ клюнула носомъ. Отдѣ-

*) Снасть, удерживающая мачту отъ продольнаго раскачиванія.

лившись отъ „Урала“, вступила въ свое мѣсто и, несмотря на пробоину, продолжала держаться въ строю. Съ боку висѣлъ у нея на однѣхъ таляхъ паровой катеръ. Переднія перебило и онъ, свѣсясь кормой, почти касался воды.

Продолжаемъ маневрировать, вѣрнѣе бросаться изъ стороны въ сторону, слѣдуя движеніямъ „Олега“.

Броненосцы уже сдѣлали одинъ галсъ, приблизились къ намъ и снова легли на прежній курсъ.

Японскіе крейсера, опасаясь двойного огня, оставили насъ въ покоѣ. Въ туманѣ обрисовались японскіе броненосцы. Между нами заходили концевые корабли второго броненоснаго отряда.

Позади, отставая отъ всѣхъ, „Ушаковъ“, далѣе тянутся остальные адмиралы. У „Сисоя“ сильно горитъ между трубъ. „Ослябя“ въ колоннѣ не видно.

Несмолкаемый гулъ, огненныя змѣйки и фонтаны свидѣтельствуютъ о томъ, что бой въ самомъ разгарѣ.

Брошенный „Уралъ“ грустно стоитъ въ отдаленіи. Изъ трубъ вырывается паръ.

Кругомъ плаваютъ обломки. „Свирь“ спасаетъ людей. „Смотри, какъ японца-то раздѣлали“, обратился одинъ матросъ къ другому. Я посмотрѣлъ по указываемому направленію и призналъ „Суворова“. Броненосецъ весь въ дыму, безъ мачтъ, съ одной передней трубой... но вотъ и ее сбили. Черная масса кажется безъ движеній. Я не сталъ разувѣрять матроса.

По временамъ мы сближались съ крейсерами. Комендоры пригибали инстинктивно головы, каждый разъ, какъ снарядъ проносился надъ нами. Попадая въ воду, снаряды рикошетировали и съ особымъ, характернымъ взвизгиваніемъ взмывали къ небу, видимые глазомъ, похожіе на вертящіеся крестики.

Оглушенный нашими пушками, я обратился за ватой къ П. Меня поразила блѣдность его лица. Быть можетъ, и мое было такимъ же. Во рту пересохло однако, пить не хотѣлось, пробовалъ закурить—папироса показалась горькой.

Подошелъ Г. „Ну что,—обратился я къ нему,—не важно?“ Онъ покачалъ головой и сдѣлалъ гримасу. Я не удержался отъ улыбки, которая сообщалась и ему. Откровенно говоря, Г., постоянно трактовавшій о превосходствѣ японскаго флота и о плохомъ личномъ составѣ нашего, казался мнѣ трусливымъ. Однако, ни малѣйшей робости, ни растерянности не прочелъ я въ голубыхъ глазахъ лейтенанта; спокойно отдавалъ онъ приказанія, спокойно смотрѣлъ на столбы воды, подымающіеся по сторонамъ.

По временамъ наши пущенки прекращали стрѣльбу—не было смысла безъ пользы расходовать снаряды. Отвратительное ощущеніе—подвергаться обстрѣлу, а самому не отвѣчать.

Къ одному изъ моихъ орудій подошелъ кондукторъ. Отстранивъ комендора, онъ выстрѣлилъ въ японцевъ и сталъ слѣдить за полетомъ снаряда. Черезъ полъ-минуты, махнувъ рукой, пошелъ прочь. Изъ орудія перестали стрѣлять. „Прекратить стрѣльбу изъ 47 миллиметровыхъ,—крикнулъ артиллерійскій офицеръ, спускаясь съ полу-бака,—одинъ переводъ снарядамъ“—добавилъ онъ, подходя ко мнѣ.

Не имѣя дѣла, П. и я стали слоняться по шкафуту. Инстинктивно мы заходили за кожухъ дымовой трубы, противоположный японскимъ крейсерамъ. Защита плохая, но отъ осколковъ, рвущихся объ воду *) недолетовъ, онъ могъ еще предохранить.

*) Я самъ видѣлъ, какъ снарядъ, попавшій въ воду далъ высокій черный столбъ дыму. Японцы кладутъ умы-

На одномъ изъ галсовъ, когда японцы находились позади насъ, въ правомъ корридорѣ раздались крики.

Я перебѣжалъ съ лѣваго шкафута и моимъ глазамъ представилась тяжелая картина: вся прислуга задняго 47-ми миллиметроваго орудія лежала на палубѣ и стонала. Вода, розлитая въ корридорѣ, была краснаго цвѣта.

„Носилки, носилки!“ —слышалось отовсюду.

Прибѣжали матросы и вскорѣ мимо меня пронесли несчастныхъ. Я успѣлъ замѣтить ногу, болтающуюся на кожѣ задомъ на передъ, бѣлую острую кость, торчащую изъ куска окровавленнаго мяса...

Раненыхъ снесли въ каютъ-компанію.

Снарядъ попалъ въ фальшбортъ изнутри. Пролетѣвъ мимо лейтенанта С., движеніемъ воздуха уронилъ прислугу его орудій и разорвался у 47-ми миллиметровой пушки.

Легко рвутся японскіе снаряды. Такой незначительной преграды, какъ стальной листъ, оказалось достаточно. Осколками не только вывело изъ строя всю прислугу орудія, но разбило вельботъ, срѣзало желѣзную стойку, расщепило дверь адмиральской рубки, выбило стекла, пробило нѣсколько бимсовъ и покрыло кучей дырочекъ и копотью палубу и рубку. Не понимаю, какъ она не вспыхнула.

Во время дальнѣйшей стрѣльбы узналъ, что лейтенантъ М. раненъ и отнесенъ въ каюту. Пойти къ нему я не рѣшился. Жутко перемѣнять мѣсто во время боя, такъ и кажется, что вотъ тутъ-то, куда всталъ, непремѣнно убьетъ.

шленно какой-то составъ въ свои снаряды, дающій черный дымъ при взрывѣ. Эти черные столбы, подымающіеся то здѣсь, то тамъ, помогаютъ имъ корректировать стрѣльбу.

Снаряды продолжаютъ плескаться въ водѣ. Я не могу наблюдать за японцами, такъ какъ мой бинокль вымоченъ волной, окатившей меня съ ногъ до головы, когда я подошелъ къ борту. Однако, мнѣ кажется, что среди ненавистныхъ крейсеровъ не хватаетъ одного трехтрубнаго „Ніитаки“ или „Тсусимы“, зато съ другой стороны появились старые однотрубные „Матсусима“ и „Итсукусима“.

Энквистъ, повидимому, совершенно не знаетъ, что ему дѣлать; онъ вертится и бросается изъ стороны въ сторону.

Мы попадаемъ между нашими кораблями и японскими броненосцами. Ясно видны типичные „Ниссинъ“ и „Кассуга“. Стрѣляемъ въ нихъ изъ нашихъ 75-ти милиметровыхъ...

Мимо насъ проходитъ „Наваринъ“; правая передняя труба у него пробита. Густо валитъ черный дымъ. Башни повернуты къ непріятелю. Желтые языки пламени съ грохотомъ вырываются изъ орудій. Носъ разрываетъ воду, поднимаясь и опускаясь на волнѣ. Бѣлыя полосы пѣны бѣгутъ по сторонамъ. Людей не видно.

Не разъ проходимъ невдалекѣ отъ безформеннаго „Суворова“. Онъ уже не отвѣчаетъ на огонь японцевъ.

„Уралъ“ виднѣется вдалекѣ. Въ томъ же безпомощномъ положеніи, съ опущеннымъ носомъ. Одна изъ трубъ перебита, изъ другихъ идетъ легкій, уже послѣдній паръ.

Столбы чернаго дыму продолжаютъ появляться то на томъ, то на другомъ изъ нашихъ кораблей.

„Камчатка“ получила снарядъ въ трубу и отстала.

„Александръ III“ идетъ подъ креномъ. Постепенно мѣняя мѣсто, становится онъ концевымъ и

поднимаетъ сигналъ „терплю бѣдствіе“. Дальнѣйшаго не видно.

У „Иртыша“ густой столбъ взвился на бакѣ. Въ воздухъ полетѣли обломки. Транспортъ осѣлъ носомъ, но продолжаетъ слѣдовать за нами.

Попадаютъ ли наши снаряды въ японцевъ? Не видно. Говорятъ, что одинъ двухтрубный броненосецъ вышелъ изъ строя, но этого мало, это не утѣшеніе. Другое дѣло, если бы онъ затонулъ или тутъ же на глазахъ перевернулся.

Солнце склоняется къ горизонту. Съ нетерпѣніемъ ждемъ темноты.

У двери въ каютъ-компанію появляется докторъ. Весь въ бѣломъ, совершенно спокойно смотритъ онъ черезъ свое пенснэ. „Какъ вы думаете, могу ли я начать операцію?“—обращается онъ ко мнѣ. „Подождите немного, еще не все кончено,“—отвѣчаю я и тотчасъ же справляюсь о положеніи М. Рана оказывается серьезной, т.-е. безнадежной; осколкомъ, величиной въ пятакъ, ему перебило позвоночникъ и проникло въ животъ.

Черезъ нѣкоторое время захожу въ каюту надѣть тужурку—въ кителѣ холодно. „Доктора, доктора“,—слышу голосъ М. „Позови доктора“,—обратился я къ проходившему мимо Ромашину и, не заходя къ М., вернулся на шкафутъ. Палуба покрыта цырочками. Осколкомъ убиваетъ команднаго повара и обрѣзаетъ бухту стальнаго троса. Подымаюсь на мостикъ. Командиръ, старшій офицеръ и штурманъ слѣдятъ за сраженіемъ и курятъ папиросу за папиросой. Сюда же принесено пиво.

Я обратился къ Чагину съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ о судьбѣ „Ослябя“. У командира въ ушахъ вата, онъ ничего не слышитъ. Приходится кричать.

Покачиваніемъ головы отвѣчаетъ онъ на мой вопросъ.

Подходятъ наши миноносцы. „Буйный“ сообщаетъ, что у него находится раненый адмиралъ Рожественскій. На „Бравомъ“ стоитъ лейтенантъ С. съ „Ослябя“, братъ нашего. Озабоченный до того судьбой брата, С. приходитъ въ себя.

Солнце близится къ закату, ночь является желанной, однако, часовая стрѣлка подвигается крайне медленно. Кажется, не будетъ конца этому ужасному дню.

7 часовъ вечера. Японскіе крейсера уже болѣе не преслѣдуютъ насъ. Мы идемъ двумя отрядами. Броненосцы въ одномъ, продолжая отстрѣливаться, крейсера слѣва отъ нихъ въ безпорядкѣ.

Во главѣ эскадры, держа курсъ NO23° „Бородино“, за нимъ „Орелъ“. Пріятно смотрѣть, какъ этотъ ненадежный корабль, стоящій у насъ на плохомъ счету, держится въ строю. Какъ пришитый, слѣдуетъ онъ за „Бородинымъ“, далѣе, остатки Фелькерзама и Небогатовскій отрядъ. „Александра III“ не видно *).

На горизонтѣ появляется девять японскихъ миноносцевъ. Тихимъ ходомъ приближаются они на пересѣчку „Бородино“. „Олегъ“ и „Аврора“ бросаются по направленію къ нимъ, выпускаютъ нѣсколько снарядовъ, но вдругъ поворачиваютъ, возвращаются къ намъ и начинаютъ склоняться влѣво, за ними и всѣ крейсера.

---

*) Впослѣдствіи узналъ, что вскорѣ послѣ того, какъ броненосецъ поднялъ сигналъ „терплю бѣдствіе“, онъ перевернулся, причемъ не сразу пошелъ ко дну, а долгое время плавалъ вверхъ килемъ. „Изумруда“, подходившаго снимать людей, собравшихся на килѣ, японцы отогнали выстрѣлами. Изъ экипажа броненосца никто не спасся.

Стрѣльба становится рѣже. Японцы сосредоточиваютъ огонь на головномъ кораблѣ („Бородино“) Поднимаются фонтаны и черные столбы. У задней мачты броненосца вспыхнуло пламя. Корабль, не уменьшая хода, продолжаетъ отстрѣливаться. У японцевъ преимущество въ ходѣ — они стараются отрѣзать путь къ Владивостоку. Броненосцамъ приходится склоняться влѣво.

Одинъ за другимъ поднимаются нѣсколько черныхъ столбовъ дыму въ носовой части „Бородино“. Яркій огонекъ вьется у задней мачты. Броненосецъ отстрѣливается, но выстрѣлы его рѣдки. Крупныя орудія молчатъ, однѣ лишь шестидюймовки выпускаютъ змѣйки пламени. Но вдругъ его накренило на правый бокъ. Покачнулись мачты, трубы, показалась рыжая подводная часть, горбъ на водѣ, немного пару и... все сравнялось. „Бородино“ перевернулся. „Орелъ“ круто повернулъ къ намъ. Я взглянулъ на часы, висящіе на шханцахъ—было 7 часовъ 10 минутъ.

Паника овладѣла эскадрой.

Будь у кого-либо изъ адмираловъ голова на мѣстѣ, не все было бы еще проиграно. У насъ оставались „Орелъ“, „Наваринъ“, „Сисой“, „Нахимовъ“, „Николай“, „Ушаковъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“ *), всѣ крейсера, кромѣ „Урала“, и всѣ 9 миноносцевъ; хотя двое изъ нихъ и подняли сигналы (К), что означаетъ „не могу управляться“, все же они прекрасно маневрировали въ общей кашѣ. Стоило пустить ихъ

---

*) „Ослябя“, какъ впослѣдствіи узнали, затонулъ въ самомъ началѣ боя. Адмиралъ Фелькерзамъ умеръ за два дня до Цусимы. Тѣло его было положено въ гробъ и стояло на шканцахъ. Вмѣстѣ съ кораблемъ нашло оно могилу на днѣ пролива.

въ атаку на японскихъ броненосцевъ, прикрывъ съ фланговъ „Жемчугомъ“ и „Изумрудомъ“, картина могла бы получиться иная. Въ подмогу могли также идти „Олегъ“ и „Аврора“. Японскимъ броненосцамъ, лишеннымъ за дневной бой скорострѣльной артиллеріи, пришлось бы или открыть намъ путь къ Владивостоку или погибнуть отъ нашихъ минъ. Во всякомъ случаѣ очистка пути являлась бы неизбѣжной, такъ какъ неблагоразумно броненосцамъ не уходить отъ миноносцовъ. Однако, никому не пришло въ голову перейти въ наступленіе. „Олегъ“ несся на SW12, увлекая за собою не только свой отрядъ, но и Небогатова. Транспорты сбились въ кучу. Стемнѣло совсѣмъ. Японскіе броненосцы скрылись во мглѣ, миноносцы стали приближаться.

Огней не зажигали. Внезапно передъ нами выросъ силуэтъ „Иртыша“. Столкновеніе казалось неизбѣжнымъ, однако, не знаю уже какими судьбами, мы выскользнули изъ-подъ самаго его форштевня. Въ это время потеряли изъ виду Энквиста. Полагая, что адмиралъ, пользуясь темнотой, повернетъ на Владивостокъ, мы направились къ японскому берегу.

Въ 8 часовъ 30 минутъ мы находились приблизительно въ широтѣ 34°32'N и долготѣ 129°44'Ost, курсъ Ost, ходу 12 узловъ. Пробовали прибавить, но трубы сыпали искрами и даже пламя вырывалось изъ нихъ.

На лѣвомъ траверзѣ виденъ свѣтъ прожекторовъ, слышна сильная стрѣльба. Вѣроятно, японскіе миноносцы пустились въ атаку.

9 часовъ 15 минутъ. Перемѣнили курсъ на NO 80°. Волненіе стало утихать. Стрѣльба становится болѣе отдаленной. Лучи прожектора изрѣдка освѣщаютъ насъ. Командиръ приказалъ мнѣ обойти палубы,

удостовѣриться въ томъ, что всѣ иллюминаторы задраены. Проходя мимо лазарета, гдѣ В. А. занимался ампутаціей, увидалъ привязаннаго „Коко“; голодная обезьянка жалобно завыла.

Черезъ нѣсколько минутъ взяли на 10 градусовъ влѣво.

Въ 10 часовъ перемѣнили курсъ на NO48° и прибавили ходъ до 15 узловъ. Слышатся отдаленные выстрѣлы, лучи прожекторовъ скользятъ по нашимъ клотикамъ *).

Въ 11 часовъ стрѣльбы уже не слышно, не видно и свѣта боевыхъ фонарей. Отбоя не было.

Не помню уже, въ которомъ часу С., Б., П., Г. и я собрались въ каютѣ Г. Съ утра (завтрака) мы ничего не ѣли. Вѣстовой принесъ вина и печенья. Въ каютѣ стало душно и накурено.

Покуда мы сидѣли, молча поѣдая скромную пищу, пришла вѣсть о кончинѣ М.

Жутко было возвращаться по своимъ каютамъ. Многіе изъ насъ легли на верху. Голова у меня немилосердно трещала. О вахтѣ я уже не думалъ и прилегъ на полу-ютѣ, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ **). Командиръ, старшій офицеръ и штурманъ не спускались съ мостика; путь избрали близъ самаго японскаго берега, гдѣ врядъ ли стали бы насъ разыскивать; ночь прошла спокойно и на утро передъ нами открылся чистый горизонтъ.

15-го мая. Всталъ, какъ бы съ похмелья. На кораблѣ неуютно, неприглядно. Каютъ-компанія занята ранеными, въ адмиральской столовой дуетъ вѣтеръ

---

*) Верхушки мачтъ.

**) Мнѣ довелось наблюдать, что хлопаніе двери, паденіе какого-либо предмета, даже громко сказанное слово заставляло вздрагивать каждаго изъ насъ.

черезъ разбитыя стекла, мебель испорчена. Въ правомъ корридорѣ копоть, осколки, обломки. Сбоку торчитъ вывороченный стальной листъ. Срѣзанная стойка болтается на винтахъ.

Въ вахтенный журналъ вписываются поврежденія; ихъ насчитываютъ 29.

Приводятъ въ извѣстность число выпущенныхъ снарядовъ, оказывается 75 мил.—149 и 47 мил.—193.

Убитыхъ матросовъ зашиваютъ въ парусиновые мѣшки; ихъ трое. Утромъ умеръ четвертый. Тяжело раненыхъ 3 и 8 легко раненыхъ. Всего, считая и лейтенанта М., пострадало 16 человѣкъ.

Въ 11 час. тѣла убитыхъ матросовъ снесли на ютъ. Собрали команду. Старшій офицеръ прочелъ молитвы. Тѣла положили на помостокъ, по которому одно за другимъ скатились они въ море.

Въ полдень широта 37° 17′N и долгота 132° 47′Ost. Пройдено 257 миль.

Въ 2 часа перемѣнили курсъ на N06° на маякъ „Поворотный“.

Въ 6 час. командѣ дали вино и ужинъ.

Въ 7 час. 15 мин. задраены иллюминаторы. Орудійная прислуга по орудіямъ.

8 часовъ. Молитва, раздача коекъ. Команда спитъ, не раздѣваясь, по боевому росписанію.

Подъ парами всѣ котлы.

Въ теченіе дня получались по безпроволочному телеграфу японскіе знаки *).

---

*) И наканунѣ японцы весь день, въ самый разгаръ боя, разговаривали по телеграфу. Удивляюсь, почему никто изъ насъ не мѣшалъ имъ. У „Урала“ аппаратъ былъ настолько силенъ, что, пустивъ искру, онъ могъ бы временно испортить всѣ японскіе телеграфы.

Нервно настроеннымъ вахтеннымъ начальникамъ мерещились дымки, а ночью огни.

16-го мая. Въ 7 час. 45 мин. по носу открылся высокій берегъ.

Перенесли тѣло М. на ютъ и положили въ гробъ.

Въ 10 час. 40 мин. перемѣнили курсъ на S-ую оконечность острова „Аскольдъ“.

Говорили съ Владивостокомъ по телеграфу.

Въ 11 час. 10 мин. стали на якорь въ бухтѣ „Наѣздникъ“. За сутки пройдено 354 мили.

Въ 1 час. 50 мин. изъ Владивостока пришло три миноносца. „Алмазъ“ снялся съ якоря и, конвоируемый ими, направился къ Владивостоку.

Въ 6 час. 30 мин. вошли въ бухту „Золотой Рогъ“, произвели салютъ и стали на бочку.

Берегъ былъ усѣянъ народомъ. Махали шапками, платками, зонтиками. Громкое „ура“ неслось отовсюду.

Жители города предполагали, что если „Алмазъ“ появился во Владивостокѣ, то, значитъ, объ остальныхъ нечего безпокоиться.

Прибывшіе на корабль офицеры съ „Громобоя“, „Россіи“ и „Богатыря“ не охотно вѣрили тому, что мы разсказывали.

На слѣдующій день пришли миноносцы „Грозный“ и „Бравый“.

Они привезли еще болѣе грустныя извѣстія.

Черезъ нѣкоторое время пронесся слухъ о сдачѣ Небогатова.

Вскорѣ онъ подтвердился, равно какъ и слухъ о бѣгствѣ Энквиста на Маниллу.

КОНЕЦЪ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

M
8

ОСИК N45310

ц. 25 р.

25-
1053/V
46